

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Мигла Анастасия Владимировна

РЕФЕРЕНЦИЯ «ПУСТЫХ» ТЕРМИНОВ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Специальность 09.00.01 – онтология и теория познания

диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва 2013

Оглавление

Введение	3
Первая глава: «Антиреалистские интерпретации «пустых» имен»	12
I. Постановка проблемы	12
II. Основания антиреализма	16
III. История становления антиреалистской интерпретации «пустых» имен	20
IV. Антиреалистские трактовки «пустых» имен	23
1. Устранение из семантики или введение контекста	24
а. Перефразирование предложений с пустыми именами	24
б. Замена предложений с пустыми именами	26
2. Прагматические подходы	27
а. Апелляция к пресуппозициям	27
б. Обращение к когнитивному значению и имплицатуре высказывания	32
в. Концепция языковой игры читателя и автора	37
V. Предварительный критический анализ антиреалистских стратегий	39
Вторая глава: «Реалистские интерпретации «пустых» имен»	41
I. Основания реалистской интерпретации	41
II. Исторические корни реализма	48
III. Теория предметов Алексиуса Майнонга	53
IV. Теория объектов с двумя типами свойств Т. Парсонса	59
V. Теория объектов с двумя типами предикации Эдварда Залты	69
VI. Несуществующие объекты как обитатели возможных и невозможных миров	76
VII. Сравнительный и критический анализ реалистских концепций	95
Третья глава «Реализм или антиреализм в истолковании «пустых» имен?»	103
1. «Пустые» имена: семантическая теория или прагматическое объяснение?	103
2. Естественный язык: отправная точка для лингвистических исследований или источник философских заблуждений	109
3. «Пустые» термины как подлинные имена	116
Заключение	121
Библиография	125
Список использованных работ на русском языке	125
Список использованных работ на английском языке	126

Введение

Актуальность темы исследования

Проблема значения «пустых» терминов возникает в связи с отношением языка к реальности. Исторически «пустыми» назывались термины, которым ничего не соответствует в физическом мире. Такое понимание мы находим, в частности, у Б. Рассела. Однако одни и те же языковые выражения могут оказаться «пустыми» или непустыми в зависимости от того, какой позиции философ придерживается относительно природы реальности. В частности, если он отождествляет реальность с физическим миром, то такие имена как «Пегас», «круглый квадрат», «Шерлок Холмс» будут «пустыми». Если допускается существование абстрактных или идеальных объектов, то данные имена можно рассматривать как обозначающие выражения (А. Майнонг, Э. Залта). Во избежание возникновения путаницы уточним, что под «пустыми» именами в данной работе мы будем понимать имена, обозначающие объекты, не существующие в нашем предметном мире (объекты мифов и вымысла, идеализированные объекты науки, противоречивые объекты), несмотря на то, что относительно их «пустоты» или «непустоты» могут быть различные мнения.

Вопрос об употреблении языковых выражений, относящихся к несуществующему, обсуждается философами еще со времен Аристотеля. Однако в последнее столетие, в связи с так называемым «лингвистическим поворотом», возникновением логической семантики, исследованиями в области философии языка, философии науки и лингвистики этот вопрос приобретает новое звучание и обсуждается в современной философии в контексте целого комплекса проблем.

Во-первых, проблема «пустых» терминов непосредственно связана с решением вопроса о соотношении языка и реальности. На протяжении последнего столетия философы пытались понять, каким образом выражения нашего языка связаны с предметами окружающего мира. Философы-аналитики, пишет отечественный исследователь Л.Б.Макеева, разделяли веру в то, что «...наиболее общие особенности реальности каким-то образом запечатлены в структуре языка и могут быть выявлены в ходе ее анализа <...> Только анализируя наши суждения или высказывания о мире, которые мы признаем за истинные, мы можем составить представление о том, какого рода объекты и сущности обладают реальным существованием»¹. Во второй половине XX в. наметился иной подход к пониманию соотношения языка и реальности, связанный с появлением гипотезы лингвистической относительности американских лингвистов Э. Сепира и Б.Л. Уорфа. Согласно их исследованиям, структуры языка не отражают

¹ Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. – М., 2011, с. 5.

структуру реальности, а, напротив, формируют определенное представление о ней. Мысль о том, что структуры реальности не отпечатаны в языке и что он служит иным, прагматическим целям, получила дальнейшее развитие, в частности, в работах позднего Л.Витгенштейна.

В связи с наличием различных конкурирующих точек зрения на проблему соотношения языка и реальности успешное решение вопроса о значении «пустых» терминов представляется крайне важным для сохранения реалистской традиции в отношении языка. Действительно, наличие «пустых» терминов угрожает реалистской интерпретации, согласно которой структуры языка тем или иным образом соответствуют структурам реальности. «Пустой» термин, который не обозначает ни один предмет в мире, нарушает соответствие между языком и реальностью и ставит под сомнение реалистскую интерпретацию языка в целом. От того, насколько успешным окажется решение этой проблемы, зависит сохранение и плодотворность реалистской интерпретации.

Вторая проблема, в связи с которой обсуждается референциальный статус «пустых» терминов – это проблема существования. Когда философ принимает определенную онтологию, в соответствии с ней некоторые вещи являются существующими, а некоторые не обладают бытием. С другой стороны, в языке мы говорим как о том, что существует, так и о том, что, с нашей точки зрения, существованием не обладает. Но в таком случае встает вопрос: каким образом мы можем говорить о том, что не существует, понимать высказывания о несуществующем и считать их истинными или ложными? Чтобы разрешить эту проблему, некоторые философы предлагали выделить несколько типов существования (А.Майнонг), тем самым признав существование некоторых объектов, обозначаемых так называемыми «пустыми» терминами, другие принимали несуществующие объекты, которые не обладают бытием, но все же являются объектами (например, Т.Парсонс, Г.Прист), третьи пытались решить вопрос об употреблении «пустых» терминов на уровне семантики и прагматики (Б.Рассел, Р.М.Сэинсбери, Дж.Серл, Г.Эванс и другие), не вдаваясь в метафизические рассуждения и не делая смелых онтологических допущений.

Таким образом, вопрос о «пустоте» или «непустоте» терминов связан у многих философов с вопросом о природе реальности, а его решение имеет непосредственное отношение к принимаемой философом онтологии и наоборот, принятая онтология часто определяет, какие термины языка оказываются пустыми, а какие – непустыми. В частности, для Б.Рассела, понимающего существование как физическое существование, пустыми оказывались имена «Пегас», «круглый квадрат», для А.Майнонга выражение

«число 3» обозначало объект, обладающий существованием в смысле наличествования². Многие из современных исследователей предприняли попытку разорвать эту принимаемую большинством аналитических философов со времен Рассела связь между существованием и языком, допустив несуществующие объекты (Т.Парсонс, Э.Залта и др).

В-третьих, наличие «пустых» терминов является одной из проблем современных теорий референции.

Работы Б.Рассела положили начало развитию так называемой «двухплоскостной» семантики³. В работе «Философия логического атомизма»⁴ Рассел высказал идею о существовании подлинных имен, референты которых определяются остенсивно и которые функционируют как бирки. Сторонники теории прямой референции восприняли и развили взгляды Рассела, распространив способ функционирования индексикалов на все имена в принципе, и утверждали, что все подлинные имена должны функционировать как лишённые смысла бирки, прикрепляемые к некоторому физическому объекту. Стоит заметить, что теория прямой референции является на данный момент наиболее распространённой и популярной среди англоязычных философов-аналитиков.

Однако именно для двухплоскостных семантик проблема «пустых» имен встает с особой остротой. Действительно, если у имен отсутствует смысловое содержание и единственной функцией имени является обозначение объекта, то каким образом мы можем объяснить употребление «пустых» имен в языке и успешную коммуникацию, которую говорящие осуществляют, используя эти имена? В связи с этим вопрос о том, каким образом функционируют «пустые» имена в языке, является одним из ключевых вопросов для двухплоскостных семантик, ответ на который является условием выживания или признания несостоятельности данных концепций.

Наконец, четвертая причина значимости данной проблемы для философии связана с тем, что исследование природы и значения «пустых» терминов может пролить свет на сущность и функционирование науки и научного знания. Как известно, наука, в особенности теоретическая имеет дело с абстрактными и идеализированными объектами. Термины, обозначающие такого рода объекты, могут считаться некоторыми философами «пустыми». В связи с этим ответ на вопрос о том, обозначают ли что-то «пустые» термины и каким образом осуществляется это обозначение, будет способствовать

2 Наряду с физическим существованием А.Майнонг выделял второй тип существования – наличествование. Более подробное пояснение данным понятиям будет дано в разделе, посвященном теории предметов Майнонга.

3 Под «двухплоскостной» семантикой в диссертации понимается представление, согласно которому имена естественного языка имеют лишь значение (денотат), но не обладают смыслом.

4 Рассел Б. Философия логического атомизма. - Томск, 1999.

понимаю онтологического статуса объектов, которыми оперирует наука, эпистемологического статуса предложений, выражающих научное знание, а, следовательно, понимаю природу научного знания в целом.

В связи с тем, что на сегодняшний момент наиболее обсуждаемой в аналитической философии является проблема референциального статуса «пустых» имен, в диссертации будут рассматриваться проблемы референции именно этого типа языковых выражений. Под именем понимается языковое выражение, указывающее на единичный объект, то есть, в диссертации под именами будут пониматься не только имена собственные, но и дескрипции. В том случае, когда все-таки требуется произвести соответствующее различие, употребляется понятие «имя собственное», обозначающее такие имена как «Иван», «Москва», «Волга» и т.п.

Степень научной разработанности проблемы

Ключевая роль проблемы «пустых» имен для исследований в философии языка и теории референции породила огромное количество литературы, посвященное данной проблематике. Вслед за Б. Расселом почти каждый философ, обращавшийся к исследованию языка, пытался предоставить свое собственное решение проблеме «пустых» имен. Данная проблема обсуждается во многих статьях и книгах. Проанализировать все эти работы в рамках кандидатской диссертации представляется невозможным. Поэтому мы ставим перед собой задачу указать наиболее важные и ключевые работы, посвященные данной теме, соответствующие вехам развития и углубления анализа «пустых» имен в философии языка.

Прежде всего, необходимо выделить работы австрийского мыслителя Алексиуса Майнонга⁵, теория объектов которого и по сей день выступает источником вдохновения как для философов, придерживающихся реалистического толкования «пустых» имен, так и философов-антиреалистов.

Теорию объектов Майнонга с позиции философии языка критиковал Б. Рассел⁶, развивавший идею о существовании подлинных и неподлинных имен. Точка зрения Б. Рассела, согласно которой философия, как и всякая наука, должна иметь дело только с существующими предметами, была воспринята большинством современных философов-аналитиков. Отсюда стремление найти объяснение употреблению «пустых» имен без построения соответствующей семантики.

⁵ В диссертации использовались работы Meinong A. On the theory of objects // Realism and the Background of Phenomenology. - Glencoe, 1960; Майнонг А. Самоизложение. - М., 2003; Meinong A. Ueber Annahmen. - Leipzig, 1910.

⁶ Russel B. On denoting // Mind. – 1905. - № 56, Vol.14. - Pp. 479-493; Рассел Б. Философия логического атомизма. - Томск, 1999.

Наряду с работами Б. Рассела и У. Куайна⁷, которые просто устраняли «пустые» имена из языка, был предложен ряд антиреалистских трактовок⁸ «пустых» имен, в которых была предпринята попытка не просто устранить такие имена, а дать объяснение тому, каким образом они все же употребляются в языке, несмотря на отсутствие референтов. Здесь можно выделить такие стратегии как введение операторов вымысла (Р.М.Сэинсбери⁹), обращение к когнитивному значению языковых выражений (Д. Браун¹⁰), импликатурам (М.С.Гриин, Ф.Адамс, Г.Фуллер и Р.Штекер¹¹), пресуппозициям (Р.М.Сэинсбери) и языковым играм (Г.Эванс, Дж.Серл, С. Шиффер¹²).

Гораздо меньшее распространение в современной аналитической философии получила точка зрения, согласно которой «пустые» имена все-таки имеют референты. Этими референтами являются объекты, которые понимаются различным образом: как объекты, которые не существуют, но имеются (Т.Парсонс¹³), как абстрактные объекты (Э.Залта¹⁴), как объекты, населяющие возможные и невозможные миры (Д.Льюис¹⁵, Г.Прист¹⁶). Наряду с этим существуют философы, которые прибегают как к реалистским, так и к антиреалистским подходам в зависимости от контекста, в котором употребляется «пустые» термины (С.Крипке, П.Инваген, Н.Салмон, С.Соамс)¹⁷.

На данный момент в зарубежной литературе можно выделить две обзорные работы, посвященные проблематике «пустых» имен. Это книга Р.М.Сэинсбери «Вымысел и фикционализм» и книга Дж.Аззони «Разговор ни о чем»¹⁸. Хотя книга Р.М.Сэинсбери посвящена тому, как мы можем говорить о вымысле, в ней представлены основные

⁷ Куайн У. О том, что есть, Слово и объект // Слово и объект. – М., 2000.

⁸ Под антиреалистскими трактовками «пустых» имен понимаются такие трактовки, согласно которым «пустые» имена не имеют референтов. Им противопоставляются реалистские трактовки, согласно которым «пустые» имена обозначают различного рода объекты (несуществующие, абстрактные и т.п.).

⁹ Sainsbury R.M. Fiction and factionalism. – New York, 2010.

¹⁰ Braun D. Empty names // Nous. - 1993, - № 4, Vol. 27. - Pp. 449-469.

¹¹ Green M.S. Direct Reference and Empty names // Canadian Journal of Philosophy. - 2007. - № 3. Vol 37. – Pp. 419 - 448; Adams F., Fuller G., Stecker R. The Semantics of Fictional Names // Pacific Philosophical Quarterly. - 1997. - № 78. - Pp. 128-148; Adams F., Stecker R. Vacuous Singular Terms // Mind and Language. - 1994. - № 9. – Pp. 387-401.

¹² Schiffer S. Language-Created Language-Independent Entities // Philosophical Topics. – 1996. - № 24 (1). –Pp. 149–167; Searle J. The Logical Status of Fictional Discourse // New Literary History. – 1975. № 6 (2). – Pp. 319 –332; Evans G. The Varieties of Reference. – Oxford, 1982.

¹³ Parsons T. Nonexistent Objects. - New Haven, 1980.

¹⁴ Zalta E. The Theory of Abstract Objects. [Электронный ресурс]. URL:

<http://mally.stanford.edu/theory.html> (дата обращения: 14.08.2012); Zalta E. Principia Metaphysica (Draft).

[Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/principia/principia.html> (дата обращения: 14.08.2012);

Zalta E. Referring to Fictional Characters // Dialectica. – 2003. - № 57/2. – Pp. 243-254.

¹⁵ Lewis D. Truth in Fiction. // American Philosophical Quarterly. -1978. - № 15. – Pp. 37–46.

¹⁶ Priest G. Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality. - Oxford, 2005.

¹⁷ Kripke S. Reference and Existence: The John Lock Lectures for 1973 (неопубликованы); Inwagen P.V. Creatures of Fiction // American Philosophical Quarterly. – 1977. - № 14(4). – Pp. 299-308; Salmon N. Nonexistence // Nous. – 1998. - № 3, Vol. 32. - Pp. 277-319; Soames S. Beyond Rigidity. – Oxford, 2002.

¹⁸ Azzouni J. Talking about nothing. Numbers, Hallucinations and Fictions. – Oxford, 2010.

подходы к решению проблемы «пустых» имен в целом. К недостаткам книги можно отнести неполное освещение истории и предпосылок антиреалистской и реалистской позиций, а также отсутствие или недостаточное освещение некоторых стратегий (в частности, применения импликатур и пресуппозиций для разговора о несуществующем). Книга Дж.Азони посвящена не только именам вымышленных объектов, но и выражениям языка, обозначающим числа, галлюцинации, объекты науки. Несмотря на это, она уступает работе Сэинсбери по широте охвата материала, в частности, в ней недостаточно освещаются или не освещаются интерпретации «пустых» имен как объектов, населяющих возможные и невозможные миры, а также некоторые прагматические подходы. Данная книга скорее создавалась не с целью представить наиболее полный обзор существующих точек зрения, но высказать авторскую позицию.

В отечественной литературе вопрос о значении пустых терминов так или иначе затрагивался во многих публикациях. Прежде всего, следует выделить направление исследования данной темы, связанное с разработкой проблем логики и логической семантики. Этим вопросам посвящены работы А.М.Анисова, А.В.Бессонова, В.Л.Васюкова, Е.К.Войшвилло, И.А.Герасимовой, Ю.Г.Гладких, В.Н.Карповича, В.Г.Кузнецова, Е.Е.Ледникова, В.А.Ладова, Л.Б.Макеевой, Р.И.Павилениса, В.А.Смирнова, Е.Д.Смирновой, В.В.Целищева и других¹⁹. Вопросы о значении «пустых» терминов затрагивались в работах отечественных лингвистов Н.Д.Арутюновой, И.М.Кобозевой, Ю.С.Степанова и других²⁰. Наконец, в связи с проблемой «пустых» терминов нельзя не упомянуть работы философов науки, посвященные анализу научных абстракций и идеализаций, статусу теоретических терминов, природе идеализированных объектов научных теорий. Этим вопросам были посвящены работы Л.Б.Баженова,

¹⁹ Анисов А. М. Типы существования // «Вопросы философии», 2001, №7; Бессонов А.В. Теория объектов в логике. – Новосибирск, 1987; В.Л.Васюков. Формальная феноменология. – М, 1999; Войшвилло Е.К. Понятие. М., 1967; Герасимова И.А. Формальная грамматика и интенциональная логика, - М, 2000; Гладких Ю.Г. Логика без экзистенциальных предпосылок. – М, 2006; Карпович В.Н. Термины в структуре теории. - Новосибирск, 1978;

Кузнецов В.Г. Фрегевская интерпретация понятия «существование». – Вестник МГУ. Сер. Философия. 1984, № 6; Ледников Е.Е. Онтологическая проблематика в свете аналитической философии // Логос. – 2009. - № 2. С. 37-43; Ледников Е. Собственные имена и концепция существования // Эпистемология & Философия науки. – 2012. - №2, С. 69 – 72.; Ладов В.А. Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. – 2012. - № 1. - С. 84-97; Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. - №2, Т.70. С. 11-23; Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. – М., 2011; Павиленис Р.И. Проблема смысла. – М, 1983; Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М., 1987; Смирнов В.А. Формальный вывод и логические исчисления. – М, 1972; Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. М., 1986; Смирнова Е.Д., Таванец П.В. Семантика в логике. – Логическая семантика и модальная логика. – М, 1967; Целищев В.В. Логика существования. – М, 2010; Целищев В.В. Существование и пустые термины. – Вопросы философии, 1970, № 12.

²⁰ Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. – Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). - М, 1982. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2008; Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. - М., 1985; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Е.А.Мамчур, Ю.Б.Молчанова, А.А.Печенкина, Г.И.Рузавина, В.С.Степина, В.С.Швырева, В.А.Штоффа²¹, и многих других отечественных философов.

Следует заметить, что вопрос о значении пустых терминов в отечественной литературе рассматривался, как правило, в связи с решением проблем, относящихся либо к пониманию природы научного знания, связи теоретического знания с эмпирическим, эмпирической проверке теоретических утверждений, либо к построению формализованных систем логики. В отечественной литературе до сих пор нет серьезных работ, дающих обзор и анализ разнообразных подходов, в том числе прагматических, к истолкованию значения пустых терминов и слов обыденного языка, рассматривающих онтологические и гносеологические проблемы использования пустых терминов в естественном языке.

Объектом диссертационного исследования являются семантические свойства выражений естественного языка.

Предметом диссертационной работы является проблема значения «пустых» единичных терминов и собственных имен естественного и научного языка.

Цель исследования состоит в выявлении того, в какой мере существующие трактовки «пустых» имен отражают их использование в естественном языке.

Исследовательские задачи

- 1) Проанализировать антиреалистские интерпретации «пустых» имен: предпосылки, историю становления данной позиции, ее основания и существующие антиреалистские стратегии, применяемые к анализу предложений с «пустыми» именами. Дать общую оценку данным подходам, проанализировать, насколько они отображают употребление «пустых» имен в естественном языке, а также выявить трудности, с которыми эти подходы сталкиваются.
- 2) Рассмотреть взгляды сторонников противоположной позиции – реалистов в отношении «пустых» имен: истоки и основания этого взгляда, основные существующие на сегодняшний день трактовки природы несуществующих объектов и референции «пустых» имен. Дать оценку данным подходам и выявить проблемы, встающие перед реалистскими трактовками «пустых» имен.

²¹ Баженов Л.Б. Стрoение и функции естественнонаучной теории. - М., 1978; Мамчур Е.А. Проблема соизмеримости теорий. – Физическая теория. Философско-методологический анализ. М., 1981; Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990; Печенкин А.А. Обоснование научной теории: классика и современность. - М., 1991; Рузавин Г.И. О природе математического знания. М., 1968; Степин В.С. Теоретическое знание. - М., 2000; Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. - М., 1978; Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. М., 1978.

- 3) Проанализировать, в какой мере построение семантики «пустых» имен является необходимым и насколько важно отображение обыденного словоупотребления в такой семантике.

Научная новизна работы определяется поставленными в ней целью и задачами и заключается в следующем:

- 1) Проведен всесторонний анализ подходов к проблеме значения «пустых» имен. Впервые в отечественной литературе были рассмотрены современные подходы, объясняющие употребление «пустых» имен посредством прагматических аспектов языка. Проанализированы различные варианты антиреалистских и реалистских интерпретаций «пустых» имен, а также проблемы, с которыми сталкиваются данные подходы.
- 2) В ходе исследования был рассмотрен вопрос о том, в какой мере построение семантики «пустых» имен является необходимым и насколько оно должно отображать обыденное словоупотребление. На основе проведенного анализа был сделан вывод, что построение семантики «пустых» имен является необходимым в том случае, когда целью изысканий философа языка является создание такого объяснения функционирования «пустых» имен в языке, которое бы отражало реальную практику использования языка и его многообразие. В этом случае обыденное словоупотребление является отправной точкой исследования для философа, что, с другой стороны, не исключает и определенной «терапевтической» работы по отношению к естественному языку.
- 3) Было показано, что, с определенной точки зрения, «пустые» имена имеют больше оснований считаться подлинными именами, поскольку их смысл четко зафиксирован в соответствующих текстах, что допускает минимальные различия в их интерпретации.

Положения, выносимые на защиту

- 1) Антиреалистские интерпретации не могут отобразить определенные аспекты обыденного словоупотребления «пустых» имен. В частности, элиминация терминов, которые ничего не обозначают, в концепции Б.Рассела не объясняет их употребления в естественном языке. Для контекстуального подхода представляет трудность интерпретация предложений, подразумевающих несколько контекстов. Наконец, вызывает сомнение, что говоря о вымышленных сущностях, мы подразумеваем их существование не в буквальном смысле, а лишь в рамках

языковой игры или неистинной пресуппозиции, как утверждается в некоторых прагматических подходах к анализу высказываний с «пустыми» терминами.

- 2) Большинство существующих концепций философов-реалистов относительно «пустых» имен также не дают удовлетворительного решения рассматриваемой проблемы. В частности, концепции, использующие возможные миры для объяснения природы референтов «пустых» имен, сталкиваются с трудностями при решении проблемы онтологического статуса данных объектов и референции этих терминов.

Теории объектов Т.Парсонса и Э.Залты успешно решают проблему референции и дают более правдоподобное объяснение обыденному словоупотреблению, нежели концепции возможных миров. Однако, в концепции Т.Парсонса присутствуют некоторые неясности, связанные с природой свойств несуществующих объектов. Последнюю проблему удалось решить Э.Залте, чья интерпретация «пустых» имен представляется наиболее успешной реалистской стратегией понимания «пустых» имен.

Тем не менее, ни одна из реалистских концепций не решает проблему существования объектов, являющихся референтами «пустых» имен. Присвоение им статуса несуществующих объектов или объектов в возможных мирах, на наш взгляд, является некоторым техническим приемом, избавляющим от необходимости решения онтологической проблемы, связанной с допущением этих объектов.

- 3) При построении семантики «пустых» имен следует опираться на интуиции носителей естественного языка: отсутствие различий в употреблений «пустых» и непустых имен, принятие пресуппозиции существования референтов по крайней мере некоторых «пустых» имен.

Первая глава: «Антирелистские интерпретации «пустых» имен»

І. Постановка проблемы

Лингвистический поворот начала XX в. ознаменовал возникновение так называемой аналитической философии, характерным признаком которой было обращение к анализу языка²². Работы Г.Фреге, Б.Рассела, Л.Витгенштейна положили начало решению традиционных философских вопросов о природе сущего посредством анализа структур языка. Как отмечает отечественный исследователь Л.Б.Макеева, «за этим подходом к решению метафизических проблем стоит вера в то, что наиболее общие особенности реальности каким-то образом запечатлены в структуре языка и могут быть выявлены в ходе ее анализа... <...> Только анализируя наши суждения или высказывания о мире, которые мы признаем за истинные, мы можем составить представление о том, какого рода объекты и сущности обладают реальным существованием»²³.

В связи с этим в аналитической философии выходит на первый план разработка верной теории референции, которая будет адекватно отображать то, какие языковые выражения обозначают что-то и что именно они обозначают²⁴. Как пишет Л.Б.Макеева, «понятие референции <...> выступает своего рода индикатором существующего. Это представление о референции стало почти «общим местом»: для многих аналитических философов вопрос об онтологическом статусе тех или иных видов объектов и вопрос о референциальном статусе языковых выражений, обозначающих эти виды объектов, - это, по сути, один и тот же вопрос»²⁵. Таким образом, то, как философ решает проблему референции, определяет и онтологию, принимаемую данным философом. Наиболее эксплицитно данная позиция выражена у У.Куайна, связывающего вопросы

²² Понятие «аналитическая философия» является довольно размытым и нечетким. Можно называть аналитическим ни какое бы то ни было направление в философии, а скорее стиль философствования, стремящийся к четкости, ясности и доказательности в рассуждениях. В данном случае я буду использовать более распространенное понимание данного термина. Под аналитической философией я буду понимать направление, которому положили начало работы Мура, Б. Рассела, Л.Витгенштейна и логических позитивистов и в рамках которого сегодня продолжают работать множество исследователей, в особенности, в США.

²³ Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. – М., 2011, с. 5.

²⁴ Во второй половине XX в. наметился иной подход к пониманию соотношения языка и реальности, связанный с возникновением гипотезы лингвистической относительности Сепира – Уорфа. Согласно их исследованиям, структуры языка не отражают структуру реальности, а, напротив, формируют определенное представление о ней. Мысль о том, что структуры реальности не укоренены в языке и что он служит иным, в частности, прагматическим целям, получила дальнейшее развитие в работах позднего Л.Витгенштейна, У.Куайна и других. Исследование, проводимое в данной работе, будет осуществляться в рамках реалистского направления по отношению к языку. Все философы, о которых пойдет речь, тем или иным образом признают соответствие между структурами языка и элементами реальности, вопрос, стоящий перед этими авторами, заключается лишь в том, имеет ли это соответствие всеобщий характер или язык нуждается в ревизии с целью выявления своей подлинной сущности, которая и является отображением истинной природы реальности.

²⁵ Там же, с. 11.

существования и значения: «Таким образом, существует пять способов выразить одну и ту же мысль: «Существует такая вещь как аппендицит»; «Слово «аппендицит» имеет референт»; «Слово «аппендицит» является именем»; «Слово «аппендицит» можно подставить на место переменной».²⁶

В последние десятилетия в аналитической философии широко обсуждается вопрос о референциальном статусе некоторых имен, которые традиционно назывались в философии и логике «пустыми»²⁷, то есть, имен, относящихся к заведомо несуществующим сущностям.

Значение имен, подчеркивает американский философ А.Стролл²⁸, также связывалось большинством философов-аналитиков с вопросами существования. Положение, что имя должно обозначать нечто, что существует, в противном случае оно не является подлинным именем, сегодня фактически считается многими философами-аналитиками аксиомой, не требующей дополнительного обоснования. При этом, под существованием в большинстве случаев понимается физическое существование. Наиболее радикально эта мысль выражена в последних работах Н.Гарвера и С.С.Ли: «В философии нельзя говорить о том, чего нет»²⁹.

Такие влиятельные аналитики как Дж.Серл и П.Стросон также разделяют эту идею. В формулировке Дж.Серла она также выглядит довольно радикально: «Любое обозначаемое должно существовать»³⁰. П.Стросон немного ослабляет эту идею следующим образом: «... как правило, было бы неправильно утверждать, что в предложении говорится о мистере X или о том-то-и-том-то, если не существует такого человека или предмета»³¹.

Учитывая длинную историю данного взгляда, укорененность этой «аксиомы» в современных представлениях о референции в аналитической философии не удивительна. Данное положение принималось еще Фреге в несколько иной формулировке: он

²⁶ «Here, then, are five ways of saying the same thing: «There is such a thing as appendicitis»; «The word «appendicitis» designates»; «The word «appendicitis» is a name»; «The word «appendicitis» is a substituent for a variable». Quine W.V. Designation and existence // The journal of philosophy. – 1939. - № 26, Vol. XXXVI. – P. 708

²⁷ Работы Kripke S. Naming and Necessity; Donnellan K.S. Speaking of Nothing; Evans G. Varieties of Reference; Katz J.J. Names without bearers; Braun D. Empty names; Salmon N. Nonexistence; Priest G. Towards non-being; Sainsbury R.M. Fiction and Fictionalism; Stroll A. Proper Names, Names, and Fictive Objects и многие другие. В отечественной философской литературе также растет интерес к данной проблематике, которая обсуждается в работах А.Л.Никифорова, Л.Б.Макеевой, В.Горбатова, П.С.Куслия, Е.В.Востриковой и других.

²⁸ Stroll A. Proper Names, Names, and Fictive Objects // The Journal of Philosophy. – 1998. - №. 10, Vol 95. - Pp. 522-534.

²⁹ «In philosophy there is no good talking about something that is not there». Derrida and Wittgenstein. Philadelphia Temple, 1994, p. 115

³⁰ Whatever is referred to must exist». Searle J. Speech acts. New York: Cambridge, 1969, p. 77

³¹ «... it would not in general be correct to say that a statement was about Mr.X or the-so-and-so unless there were such a person or thing». Strawson P.F. On Referring // Mind. – 1950. - № 235, Vol. 59. - P.331

утверждал, что мы не можем приписывать свойства или отрицать их наличие у несуществующего объекта. В работе Рассела «Философия логического атомизма» оно получило дальнейшее развитие. Как известно, Б. Рассел считал, что существуют некие подлинные имена. Такими именами могли, с его точки зрения, считаться такие выражения как «это», «сейчас» и т.д., референты которых определялись остенсивно и которые функционировали как бирки. Сторонники теории прямой референции³² восприняли и развили взгляды Рассела, распространив способ функционирования индексикалов на все имена в принципе и утверждали, что все подлинные имена должны функционировать как бирки, прикрепляемые к некоторому физическому объекту.

Однако при таком понимании возникает вопрос, какие объекты мы обозначаем, говоря о героях вымысла, объектах науки и т.п. Каким образом, если имена могут обозначать только существующие объекты, можно говорить о несуществующем? Отказ от смыслового содержания в теории прямой референции только усугубил эту проблему, ведь если имя каким-то образом описывало предмет, как это было в дескриптивной теории референции, можно было считать, что имена несуществующего обладают хотя бы смыслом. Теория прямой референции, напротив, сохранила за именами лишь одну составляющую значения, которой оказывалось явно недостаточно для того, чтобы говорить о несуществующем.

Вследствие этого проблема «пустых» имен становится одной из важнейших проблем для философов, занимающихся теорией референции. С одной стороны, эти имена постоянно употребляются в языке и говорящие, использующие эти имена, осуществляют успешную коммуникацию, а с другой, в рамках вышеописанной позиции, «пустые» имена либо не имеют референтов, что влечет за собой отсутствие истинностного значения у предложений с такими именами или их ложность, либо не имеют семантического содержания в принципе, а предложения с ними, таким образом, семантически ничего не выражают. Иначе говоря, здесь возникает некий парадокс: если значение предложения отождествляется с условиями его истинности, а предложения с «пустыми» терминами лишены истинностного значения, значит, они лишены значения. Тем не менее, мы ими пользуемся и прекрасно их понимаем, т.е. понимаем их значение, некоторые из них кажутся нам истинными, а другие – ложными, мы можем спорить относительно положения дел, о котором сообщают нам данные предложения и т.п. Следовательно, несмотря на «пустоту» входящих в них терминов, кажется, что эти предложения обладают

³² Теория прямой референции является сегодня наиболее распространенной и влиятельной теорией значения в аналитической философии. Согласно теории прямой референции, единственной семантической функцией имени является обозначение объекта, т.е., имя не обладает смыслом, который опосредует обозначение, а напрямую обозначает объект

значением. Еще более странным оказывается вывод, к которому мы приходим, отказавшись от смыслового содержания имен. В рамках такой позиции предложения с «пустыми» именами не только не имеют значения, но и ничего не выражают семантически.

Это противоречие представляет серьезную угрозу для современных теорий референции и вызывает сомнения в том, действительно ли они дают верное описание того, как используется наш язык. Отсюда возникает необходимость объяснения функционирования «пустых» имен в языке. Важность проблемы «пустых» имен для теории референции подчеркивал еще Бертран Рассел. В работе «Об обозначении» прозвучала мысль о том, что теория референции должна решать по крайней мере три важнейших проблемы, в числе которых он называет и проблему «пустых» терминов³³. Вслед за Расселом каждый философ, занимающийся теорией референции, пытался дать свое решение проблеме «пустых» имен. В противном случае, теория референции, которая не могла успешно справиться с данной проблемой, оказывалась несостоятельной.

Необходимость решения проблемы «пустых» имен породила существующее многообразие подходов к данной проблеме. Среди них можно выделить стратегии устранения «пустых» имен из семантики, введение контекстной семантики, а также истолкование использования «пустых» имен в рамках прагматики. Все эти стратегии будут подробно рассмотрены в разделе IV.

Стоит упомянуть о том, что наряду с антиреалистской³⁴ интерпретацией «пустых» имен существуют и реалистские концепции, получившие гораздо меньшее распространение в современной философии. В частности, Т.Парсонс, Г.Прист и Э.Залта утверждают, что имена могут обозначать объекты, которые не существуют. Эти авторы строят теории несуществующих объектов, которые являются референтами данных имен³⁵.

В данной главе мы не будем касаться реалистских трактовок, которые будут рассмотрены во второй главе работы, и сосредоточимся на рассмотрении антиреализма в отношении «пустых» имен.

³³ Russel B. On denoting // *Mind*. – 1905. - № 56, Vol.14. - P. 485

³⁴ Термины «реализм» и «антиреализм» будут употребляться в диссертационной работе по отношению к семантической интерпретации «пустых» имен. Антиреалистской я буду называть точку зрения, согласно которой так называемые «пустые» имена не имеют референтов, а реалистской - согласно которой такие имена обозначают объекты различного рода (несуществующие, абстрактные и т.п.).

³⁵ Позиции данных философов отражены в их работах Parsons T. *Nonexistent Objects*. - New Haven: Yale University Press, 1980; Priest G. *Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality*. - Oxford University Press, 2005; Zalta E. *The Theory of Abstract Objects*. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/theory.html> (дата обращения: 14.08.2012) ; Zalta E. *Principia Metaphysica (Draft)*. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/principia/principia.html> (дата обращения: 14.08.2012) ; Zalta E. *Referring to Fictional Characters // Dialectica*. – 2003. - № 57/2. – Pp. 243-254.

Цель данной главы заключается в том, чтобы проанализировать существующие антиреалистские подходы, основные средства, которые они используют и представить предварительный критический анализ данных стратегий.

II. Основания антиреализма

Принятие того, что все выражения, имеющие грамматическую форму имени, имеют референты, действительно, порождает целый ряд проблем. Как известно, австрийский философ А.Майнонг полагал, что каждая обозначающая фраза имеет референт. Принятие этого положения привело его к противоречивым выводам, что до сих пор служит основанием для многих философов считать его концепцию синонимом противоречивости и запутанности. Совокупность проблем, встающих перед сторонниками майнонгианского подхода, а также иные онтологические интуиции отдельных философов послужили для многих из них основанием для отказа от того, что имена несуществующего могут иметь референты. Можно выделить по крайней мере три основных проблемы, которые возникают в том случае, когда мы принимаем наличие референтов у так называемых «пустых» имен.

1. Онтологические основания

Онтологический вопрос является основным вопросом, встающим перед философом-аналитиком, принимающим, что «пустые» имена могут обозначать объекты. Если язык соотносится с онтологией и если подлинные имена обозначают только то, что существует, согласно принимаемому большинством аналитических философов положению, то возникает вопрос, каков онтологический статус объектов, обозначаемых данными терминами. Из этого вопроса вытекают другие: каковы свойства этих объектов и в каком смысле они обладают ими? Все ли «пустые» имена имеют референт, а если не все, то на каком основании мы проводим между ними разделение? Каковы критерии идентичности, сходства, различия несуществующих объектов?

Очевидно, так как эти объекты не будут являться объектами физического мира, то неясно, каким образом мы сможем убедиться в их существовании. Если критериями существования физических объектов являются наши органы чувств, фиксация их существования научными приборами, то каковы критерии существования нефизических объектов?

Некоторые философы, придерживающиеся позиции, что «пустые» имена ничего не обозначают, руководствуются критериями простоты и экономии мышления. Если признание несуществующих объектов порождает слишком много вопросов, на которые

трудно дать однозначные ответы, то лучше отказаться от несуществующих объектов, а порождаемые ими семантические проблемы решить другими, более простыми способами.

Такой позиции придерживается У.Куайн: «Вимановы трущобы возможного — рассадник неупорядоченных элементов. Возьмем, к примеру, возможного толстого человека в этом дверном проеме и еще — возможного лысого человека в этом дверном проеме. Это один возможный человек или два возможных человека? Каким образом много возможных людей находятся в этом дверном проеме? Больше ли там возможных худых людей, чем возможных толстых? Сколько среди них одинаковых? Или — будут ли все они одним возможным человеком вследствие их одинаковости? «...» С подобного рода неупорядоченностью почти что ничего нельзя поделывать. Можно было бы предпринять некоторые усилия по их реабилитации путем фрегеанской терапии индивидуальных понятий; но мне кажется, лучше просто вычистить Вимановы трущобы и этим ограничиться»³⁶.

По приведенному отрывку видно, что подход Куайна инструменталистский. Он предлагает отказаться от несуществующих объектов в силу соображений простоты, несмотря на то, что это не сходится с нашими интуициями использования их имен.

В своей работе «Философия логического атомизма» Б.Рассел руководствуется иными причинами для отрицания несуществующих сущностей: своим пониманием действительности, факта и его структуры. Согласно Расселу, факт может существовать только в том случае, когда существуют все его компоненты. Он принимает положение, что «Каждая конstituента высказывания должна иметь место как одна из вещей в мире». В «Философии логического атомизма» Рассел не различает конstituенту высказывания и конstituенту факта: «конstituенты высказываний конечно же есть то же самое, что и конstituенты соответствующих фактов», - пишет он. Не будем вдаваться сейчас в особенности концепции Рассела трудные для понимания и, по всей видимости, ошибочные. Основная мысль Рассела проста и ясна и заключается в следующем. Существуют факты, а наши инструменты их описания – высказывания, имеют с ними одинаковую структуру, в которой каждый элемент высказывания за исключением технических символов должен иметь соответствующий ему в структуре фактов (у Рассела эти элементы отождествляются). А поскольку зачастую встречаются обозначающие фразы, которые не обозначают ничего, т.е. «пустые» имена, то предложениям с этими именами не будут соответствовать факты, так как, согласно Расселу, все элементы факта должны существовать. Получается, что имена, относящиеся к несуществующим объектам, нарушают картину соответствия языка и мира, установленную Расселом, поэтому

³⁶ Куайн У. О том, что есть // Слово и объект. - М.: 2000.

философ отказывается от этих выражений и устраняет их посредством превращения в дескрипции.

Современные философы-аналитики, разумеется, различают само выражение и нечто, что им обозначается. Однако, в остальном, их взгляд сходится со взглядом Рассела: посредством языка мы можем говорить только о существующих предметах. Так как язык отображает то, что существует, то разговор о несуществующем влечет за собой нежелательные онтологические следствия. Как отмечает Теренс Парсонс, положение «все существует» (т.е., в категорию «все» входят лишь существующие вещи), а именно, мы можем изучать, включать в различного рода теории, а следовательно, и именовать, лишь существующие в реальности предметы, стало считаться трюизмом в современной философии, стало некоей ее парадигмой, которая принимается как начальное допущение теории значения без какого бы то ни было критического анализа³⁷. С тех пор как данный взгляд был принят Б.Расселом в 1919 году, отмечает Т.Парсонс, «большая часть западных философов разделяла этот его вывод» и дальнейшее развитие философии осуществлялось уже в рамках данного допущения³⁸.

Для сторонников реалистской интерпретации «пустых» имен вопрос об онтологическом статусе объектов, обозначаемых этими именами, оказывается самым сложным, поскольку порождает нетривиальную задачу построения соответствующей семантики и онтологии. Трудности и неясности, встающие на пути создания такой онтологии, ее контринтуитивность, признаваемая практически всеми сторонниками антиреализма, являются основаниями для признания невозможности ее построения.

2. Эпистемологическое основание

Вторая проблема, связанная с признанием за «пустыми» именами референтов, связана с истинностной оценкой высказываний, содержащих эти имена. Как известно, согласно классической теории истины, предложение считается истинным тогда, когда утверждаемое в нем соответствует действительности³⁹. Когда же мы имеем дело с высказываниями, содержащими «пустые» имена, то ввиду того, что эти термины не обозначают ничего в реальном мире, получается, что сказанное в предложении не может соответствовать действительности в принципе. При таком понимании установления истинностного значения предложения с пустыми именами не могут его иметь, что также служит основанием для отказа от того, что такие имена могут иметь референты – некие несуществующие в реальности объекты.

³⁷ Parsons T. *Nonexistent Objects*. - New Haven, 1980, p.5.

³⁸ Там же, с. 3.

³⁹ Классическая концепция истины восходит к работам Аристотеля. Философ считал истину свойством представлений и суждений и определял ее как соответствие мнений и утверждений действительности.

Сегодня большинство философов-аналитиков считают предложения с «пустыми» именами ложными или не имеющими истинностного значения, некоторые философы рассматривают их как истинные в рамках определенного контекста, пресуппозиции и т.п. Данные стратегии будут рассмотрены далее.

3. Логические основания

В работе «On denoting» Бертран Рассел впервые обратил внимание на то, что высказывания о несуществующем нарушают законы логики.

Во-первых, такие высказывания нарушают закон исключенного третьего, согласно которому относительно любого утверждения, верно либо оно само, либо его отрицание. Между тем, если мы рассмотрим высказывания «Нынешний король Франции лыс» и «Нынешний король Франции не лыс», то увидим, что оба они будут ложными. Пробегая по всему универсуму существующих объектов, которые являются лысыми или не являются таковыми, мы не обнаруживаем там нынешнего короля Франции. Таким образом, нарушается принцип исключенного третьего.

Кроме того, согласно Б.Расселу, высказывания о таких объектах нарушают закон непротиворечия. Рассматривая классический пример, приводимый в работах А.Майнонга, круглый квадрат, мы получаем, что круглый квадрат кругл, но в то же время из его квадратности следует то, что он не кругл. Таким образом, круглый квадрат одновременно кругл и не кругл, что является противоречием.

С точки зрения Б.Рассела, нарушение высказываниями о несуществующем принципов классической логики является основанием для того, чтобы считать имена, которые не обозначают ничего в реальном мире, псевдоименами.

Сегодня логические затруднения, связанные с принятием имен, обозначающих несуществующие объекты, не являются серьезным аргументом для отказа от этих выражений. Для того, чтобы говорить о несуществующем, могут быть построены специальные логики, в которых не выполняются те или иные принципы классической, например, законы непротиворечия, исключенного третьего и другие.

4. Эстетические основания

Как известно, наряду с такими критериями научности теории как соответствие фактам, способность давать верные объяснения и предсказания, существует такой критерий, как простота теории, носящий скорее эстетический характер. Он заключается в том, что при прочих равных условиях, будет принята та теория, которая исходит из меньшего количества допущений и не требует введения дополнительных, выводы которой просты, ясны и прозрачны.

По всей видимости, именно своей запутанностью и сложностью отталкивала философов-аналитиков первая теория несуществующих объектов - теория предметов А.Майнонга. В связи с этим Б.Рассел обвинял А.Майнонга в искаженном чувстве реальности: «Это чувство реальности, — пишет он во «Введении в математическую философию» (1919), — жизненно важно в логике, и всякий, кто жонглирует им, заявляя, будто Гамлет обладает реальностью другого рода, оказывает мысли дурную услугу»⁴⁰.

Соображения простоты руководили и У.Куайном, утверждавшим, что «раздутая Вселенная Вимана» или «Вимановы труппы возможного» нуждаются в очистке.

Последующие философы-аналитики также считали теорию предметов Майнонга уродливой и раздутой моделью действительности, идущей в разрез с адекватным чувством реальности. Например, К.Донеллан пишет о предлагаемой им теории: «...она не имеет майнонгианских следствий, а также не влечет переизбытка сущностей, существование которых мы отрицаем»⁴¹. Аналогичным образом пишет о своей теории философ А.Стролл: «мы можем отбросить фантазии Майнонга, что вымышленные объекты могут существовать в том или ином смысле»⁴². Таким образом, теория предметов Майнонга, как и принятие того, что «пустые» имена обозначают некоторые объекты, стали считаться синонимами искаженного, идущего в разрез со здравым смыслом понимания реальности. Строя свои теории значения, современные философы-аналитики стремятся подчеркнуть отличие своих взглядов от взглядов сторонников линии А.Майнонга.

III. История становления антиреалистской интерпретации «пустых» имен

Предпосылки антиреалистской интерпретации «пустых» имен мы находим в работах философа и логика Готлоба Фреге. Взгляды Г.Фреге, вне всякого сомнения, оказали огромное влияние на последующую аналитическую философию. Можно сказать, что все философы, строившие свои теории значения, соотносили их со взглядами Фреге, усиливали или ослабляли те или иные его положения, критиковали или, напротив, отталкивались от его взглядов в своих собственных построениях. И именно в работах Фреге впервые появляется идея, что выражение языка является подлинным именем только в том случае, если оно обозначает существующий объект.

⁴⁰ Рассел Б. Введение в математическую философию // Введение в математическую философию. – Новосибирск, Сибирское университетское издательство, 2007, стр. 193.

⁴¹ «...it has no Meinongian implications, no overpopulation with entities, whose existence is being denied». Keith S. Donnellan, *Speaking of nothing* // *The Philosophical Review*. – 1974. - № 1. Vol. 83. - P. 26.

⁴² «...we can dismiss the Meinongian fantasy, that fictive objects must exist in some sense or other». Stroll A. *Proper Names, Names, and Fictive Objects* // *The Journal of Philosophy*. – 1998. - № 10. Vol. 95. - P.534

Фреге признает, что некоторые имена⁴³ могут не иметь значения, а только смысл, но при этом считаться именами наравне с теми выражениями, которые имеют значение: «Быть может, следует признать, что всякое грамматически правильно построенное выражение, выполняющее роль собственного имени, всегда имеет смысл. Однако это не значит, что смыслу всегда соответствует некоторое значение. Слова «самое удаленное от Земли небесное тело» имеют некий смысл, однако весьма сомнительно, чтобы они имели значение»⁴⁴. Таким образом, Фреге признает, что выражения, имеющие форму собственного имени, но не имеющие значения, являются именами. Между тем, высказывания с такими именами не являются ни истинными, ни ложными, так как нечто может предсказываться только существующей сущности, то есть, истинностное значение будут иметь только предложения, в состав которого входит имя, имеющее значение: «Предложение «Одиссей был высажен на берег Итаки крепко спящим», очевидно, имеет смысл. Но так как весьма сомнительно, чтобы встречающееся в нем имя «Одиссей» имело значение, сомнительно также, чтобы и все предложение имело какое-то значение. Но одно несомненно: тот, кто всерьез считает это предложение истинным или ложным, будет также признавать за именем «Одиссей» некоторое значение, а не только один смысл; ибо предикат приписывается значению имени или отвергается относительно него. Тот, кто не признает значения, тот не может ни приписывать ему предиката, ни отвергать последний»⁴⁵.

Можно сказать, что сохранение за выражениями, не имеющими значения, статуса имен в концепции Фреге носит условный характер, ведь мы не можем приписывать истинностное значение предложениям с этими именами, а, значит, такие имена, которые не функционируют в языке полноценным образом, и не являются именами языка в подлинном смысле этого слова.

Именно эта линия в исследованиях Фреге получила дальнейшее развитие в последующей философской традиции. Бертран Рассел эксплицитно выразил идею, которая естественным образом следовала из концепции Фреге, но не была им четко сформулирована, а именно, выделил подлинные и неподлинные имена.

Рассел обратил внимание на то, что существует ряд выражений в языке, грамматически имеющих форму имен и ошибочно (по его мнению) отождествляемых с ними, но при этом не имеющих значения. Это такие выражения как «Одиссей», «Шерлок

⁴³ Имя Фреге понимает достаточно широко – именами могут быть как имена собственные типа «Виктор Иванов», так и дескрипции.

⁴⁴ Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. – М., 2000, с. 231

⁴⁵ Там же, с. 234

Холмс» и т.д. Вводящая в заблуждение грамматическая форма этих выражений порождает противоречивость высказываний с ними, поэтому эти имена не могут быть подлинными.

С точки зрения Фреге, предложения с подобными именами не могли оцениваться как истинные или ложные, поэтому было бы последовательно сделать вывод, аналогичный расселовскому, но принимаемое Фреге наличие смысла удерживало его от этого заключения. Рассел же счел категорию смысла излишней, поскольку имена в подлинном смысле этого слова, с его точки зрения, употребляются для обозначения тех объектов, с которыми произносящий имя имеет непосредственное знакомство: «имя в узком логическом смысле слова, значением которого является индивид, может быть приложимо только к тому индивиду, с которым говорящий знаком, поскольку вы не можете именовать ничего такого, с чем не были бы знакомы»⁴⁶. «... очень затруднительно привести вообще какой-либо пример имени в собственном, строго логическом смысле слова. «Это» или «то» - единственные слова, используемые как имена в логическом смысле... Имена, как «Сократ», которые мы обычно употребляем, на самом деле являются сокращениями дескрипций... Мы не знакомы с Сократом и, стало быть, не можем именовать его»⁴⁷. Таким образом, подлинные имена не имеют смысла, поскольку прикрепляются к своим объектам подобно биркам, и именование происходит как непосредственное указание на объект, подобно тому как Адам давал имена зверям в райском саду, указывая на них, когда они появлялись в его непосредственном круге зрения. Поэтому «чтобы понять имя индивида, надо только быть с ним знакомым. Знакомясь с индивидом, вы достигаете полного, адекватного и завершеного понимания имени, и больше информации не требуется»⁴⁸. То есть, не требуется смысла, поскольку при непосредственном знакомстве достаточно значения, на которое указывает бирка.

Остальные выражения, функционирующие как имена, со значениями которых мы не имеем непосредственного знакомства, являются сокращенными дескрипциями. При анализе высказываний с этими выражениями они заменялись на дескрипции, что позволяло устранить вводящую в заблуждение грамматическую форму псевдоимен и решить проблему с теми псевдоименами, которые ничего не обозначают. Предложения с такими сокращенными дескрипциями как «Сократ», относящихся к физическим объектам, могли быть истинными или ложными, в то время как предложения с именами, не имеющими значения, всегда оказывались ложными.

Идея о подлинных именах, прикрепляемых к своим объектам подобно биркам, была воспринята американскими философами-аналитиками, являющимися сторонниками

⁴⁶ Рассел Б. Философия логического атомизма. - Томск, 1999, с. 26.

⁴⁷ Там же, с. 26.

⁴⁸ Там же, с. 27.

теории прямой референции⁴⁹. Они распространили принцип функционирования подлинных имен Рассела на все имена в принципе. Сторонники этой концепции принимали два тезиса:

- Собственные имена функционируют как бирки (или жесткие десигнаторы)
- Бирки (или десигнаторы) прикрепляются только к тому, что существует

Данные положения делали невозможным разговор о несуществующем, так как бирки могут прикрепляться только к существующему. Таким образом, имена несуществующих объектов ничего не обозначают, а предложения с ними оказываются бессмысленными.

Тем не менее, как уже говорилось, перед каждым философом-аналитиком, который занимался теорией референции, вставала задача объяснить употребление «пустых» имен в языке. Рассмотрим, какие решения данной проблемы предлагают философы-антиреалисты.

IV. Антиреалистские трактовки «пустых» имен

На мой взгляд, подходы, используемые в рамках антиреалистской интерпретации «пустых» имен, можно разделить на две основных группы по критерию применения семантических и прагматических инструментов для анализа высказываний с «пустыми» именами.

Согласно подходам, которые я отношу к первой группе, «пустые» имена либо элиминируются из области семантики и их использование не подвергается дальнейшему изучению и анализу (Б.Рассел и У.Куайн), либо рассматриваются в рамках того или иного контекста. В последнем случае их референция и истинностное значение предложений с ними релятивизируется относительно данного контекста, то есть, строится своего рода контекстуальная семантика таких имен (Р.М.Сэинсбери, Е.Ледников). При этом, мы можем, как это делает Р.М.Сэинсбери, признавать наличие некоторого первичного контекста, в которой данные имена ничего не обозначают, либо утверждать, что абсолютно все выражения языка имеют значение только в рамках тех или иных контекстов, как полагает Е.Ледников.

Ко второй группе, на мой взгляд, можно отнести подходы, которые используют прагматические инструменты для объяснения употребления «пустых» имен. Сторонники прагматического объяснения, также как сторонники первого подхода, полагают, что «пустые» имена не имеют референтов, а предложения с ними лишены истинностного значения или ложны. Успешное использование таких имен в коммуникации они

⁴⁹ Сторонниками прямой референции являются С.Крипке, Р.Б.Маркус, К.Донеллан, Н.Салмон, Д.Браун, М.Девитт и другие.

объясняют при помощи прагматики языка: имплицатур, пресуппозиций, языковых игр и т.п.

1. Устранение из семантики или введение контекста

а. Перефразирование предложений с пустыми именами

Стратегия перефразирования предложений с «пустыми» именами в различных формах сегодня активно используется философами по отношению к тем предложениям, которые представляются им истинными, но при этом имеют нежелательные онтологические следствия. В таком случае философы стремятся избежать нежелательной онтологии, предполагаемой «пустыми» именами, при этом сохраняя информативность и истинность предложений с ними посредством перефразирования предложения. Они заменяют исходное предложение на другое, эквивалентное первому по условиям истинности, которое не содержит соотнесения с нежелательными онтологическими сущностями. При этом одинаковые условия истинности исходного предложения и преобразованного являются гарантом того, что онтологии, предполагаемой вторым предложением, вполне достаточно для истинности первого и введение дополнительной онтологии несуществующих объектов оказывается для этого излишним.

Например, мы столкнулись с высказыванием «Существуют вымышленные герои». Для того, чтобы избежать введения такого объекта как вымышленный герой, мы можем перефразировать высказывание следующим образом: «В некоторых художественных произведениях описываются особые герои». Аналогичным образом можно перефразировать предложение «Шерлок Холмс был сыщиком», заменив его на «Согласно рассказам К.Дойла, Шерлок Холмс был сыщиком». В обоих случаях второе предложение не отсылает нас к онтологии вымышленных объектов и сообщает ту же самую информацию, что и первое. Как мы видим из приведенных примеров, перефразирование предложений с «пустыми» именами помещает их в рамки определенного контекста. Соответственно, истинностная оценка таких предложений также будет релятивизироваться относительно такого рода контекстов. В том случае, если мы рассматриваем данные предложения вне соответствующего контекста, они, в зависимости от подхода, будут трактоваться как ложные или лишенные истинностного значения.

Стратегия перефразирования может рассматриваться как введение оператора вымысла – согласно истории/роману P , выполняется p . Оператор вымысла вводит определенный контекст и указывает на то, что предложение рассматривается не буквально, а в рамках данного контекста.

Среди российских исследователей на необходимость интерпретации высказываний в рамках того или иного контекста обратил внимание Е.Ледников. С его точки зрения, вопрос о существовании того или иного рода объектов связан с выбором языковой системы, в рамках которой мы говорим о данных объектах⁵⁰. Е.Ледников полагает, что экзистенциальные высказывания могут интерпретироваться как истинные или ложные только в рамках определенного контекста, например: «из математики известно, что», «из литературы известно, что» и т.п. Таким образом, Е.Ледников вслед за Р.Карнапом отказывается от «внешнего» вопроса о существовании объекта и полагает, что достаточно ответа на «внутренний» вопрос.

Существуют некоторые высказывания, которые могут представлять проблему для контекстуальной интерпретации высказываний о несуществующем. Например, рассмотрим высказывание:

«Анна Каренина умнее Эммы Бовари»

В данном случае мы имеем дело с несколькими вымышленными контекстами и, кажется, что стратегия перефразирования или введения оператора вымысла оказывается здесь неприменимой.

Р.М.Сэинсбери предлагает отдельную стратегию для случаев, когда мы сталкиваемся с более чем одним вымышленным контекстом. Он предлагает объединить операторы вымысла. Как показания одного свидетеля дополняют показания другого, соединяясь в целостную картину, так и операторы вымысла могут соединяться, позволяя нам говорить об отношениях между вымышленными объектами. При этом можно также ввести операторы-значения, отображающие степень выраженности того или иного признака, относительно которого происходит сравнение двух вымышленных персонажей.

Итак, рассмотрим предложение «Анна Каренина умнее Эммы Бовари». Данное высказывание, утверждает Сэинсбери, можно интерпретировать следующим образом:

«Согласно «Анне Карениной» и «Мадам Бовари», для некоторых уровней интеллекта, I и j , таких что $I > j$, согласно роману Толстого, уровень Анны был I , а уровень Эммы Бовари был j ».

При этом, полагает Сэинсбери, нам вовсе не обязательно приписывать точные количественные значения этим признакам вымышленных объектов, вполне достаточно и примерного знания выраженности этих признаков.

⁵⁰ Ледников Е. Онтологическая проблематика в свете аналитической философии // Логос. – 2009. - № 2. – С. 37- 43.

б. Замена предложений с пустыми именами

В том случае, когда не обязательно рассматривать предложение с пустым термином как истинное, философы и логики используют стратегию замены. В отличие от предыдущего подхода, в данном случае нет обязательного требования, чтобы то предложение, на которое заменяется первое, имело одни и те же условия истинности с исходным предложением. Преобразованное предложение может уточнять исходное, прояснять его подлинный смысл, который вкладывался в него говорящим и т.п. Единственное условие состоит в том, чтобы новое предложение выполняло те же самые функции, что и предложение, которое было на него заменено. Например, предложения «Пегас не существует» и «Не существует такого х, который является Пегасом» имеют разные условия истинности, но второе может служить заменой первого, которая позволяет избежать допущения существования Пегаса.

Впервые эта стратегия была использована Б. Расселом, который посредством нее хотел очистить язык от псевдоимен и избавить его от противоречивых высказываний с этими именами.

В своей работе «Философия логического атомизма» и «On denoting» Рассел указывает на ряд проблем, связанных с употреблением определенных дескрипций и «пустых» имен. В «Философии логического атомизма» в качестве примера он рассматривает отрицательное экзистенциальное высказывание «Ромул не существовал». Если мы считаем «Ромул» именем, то его референт, согласно Расселу, является конstituентой высказывания (Рассел отождествляет конstituенту высказывания с конstituентой соответствующего факта). В то же время, имея Ромула в качестве конstituенты данного высказывания, мы утверждаем не существование этой сущности, поэтому в конечном счете наше высказывание оказывается внутренне противоречивым, относительно него нельзя говорить не только о его истинности, но и об осмысленности. Аналогичные затруднения возникают в связи со всеми отрицательными экзистенциальными высказываниями. В работе «On denoting» Рассел также указывает на то, что высказывания с определенными дескрипциями, которые ничего не обозначают, нарушают законы логики (об этом было упомянуто выше). Вывод, который делает Рассел – данные языковые выражение не являются подлинными именами, на самом деле они представляют собой сокращенную дескрипцию. Дескрипция представляет собой составное выражение, в котором перечисляются сущностные свойства предмета. При этом сам предмет, представляемый в виде своих сущностных признаков, устраняется, перестает быть целостным объектом, а значит, исчезает и проблема соотношения его с элементами внешнего мира. Предикатам, являющимся элементами дескрипции, всегда будут

соответствовать некоторым элементам реальности, поэтому соответствие высказываний и фактов будет сохраняться. Такой анализ высказываний также решит все логические затруднения, поскольку позволит корректно устанавливать истинностное значение данных высказываний.

Как следует правильно распознавать и анализировать дескрипции Рассел наглядно поясняет на примере высказывания «Нынешний король Франции лыс». В анализе Рассела это высказывание будет выглядеть следующим образом «Существует x такой, что x является нынешним королем Франции и x является лысым». Здесь, как мы видим, нынешний король Франции не является конститuentой. Ввиду наличия конъюнкта утверждающего существование объекта, высказывания с «пустыми» именами всегда будут ложными. Получается, что вне зависимости от содержания утверждения оно будет всегда оцениваться как ложное.

Расселовскую теорию дескрипции напоминает и предложенный У.Куайном способ рассмотрения имен. Куайн предлагает рассматривать имена как общие термины во избежание проблем с теми именами, которые ничего не обозначают. Например, предложение «Пегас существует» будет заменяться на « $(\exists x)(x$ есть Пегас)»⁵¹. При таком переводе становится очевидным, что данное предложение ложно и не может быть истинным. В работе «Слово и объект» Куайн широко использует стратегию замены и перефразирования, применяя ее не только для решения затруднений с «пустыми» именами, но и для анализа двусмысленных и неясных высказываний.

2.Прагматические подходы

а.Апелляция к пресуппозициям

Одним из важных понятий, применяемых для анализа предложений с «пустыми» именами, является понятие пресуппозиции (презумпции, допущения). В самом общем виде пресуппозиция представляет собой подразумеваемое содержание, которое представляется само собой разумеющимся при произнесении того или иного высказывания.

Например, мы утверждаем «Иван перестал курить». В основе этого предложения лежит пресуппозиция, что Иван курил ранее.

В данном случае, согласно классификации видов пресуппозиций у Е.В.Падучевой⁵², мы имеем дело с презумпцией в толковании слов: глагол «начать» предполагает отсутствие данного действия до момента его совершения, глагол «бросить», напротив,

⁵¹ Куайн У. Слово и объект. - М., 2000, с. 136.

⁵² Падучева Е.В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. – М., 1985, с. 69- 75.

совершение действия до его окончания и т.п. К данному типу презумпций относятся и пресуппозиции, сопутствующие употреблению частиц «опять», «даже», «почти» и т.д.

Кроме того, существуют иные виды пресуппозиций:

- Фактивные пресуппозиции сопутствуют предложениям, содержащим глаголы «знает», «сожалеет», «рад» и т.п., которые вводят придаточное предложение. Такие предложения имеют пресуппозицию истинности суждения, выражаемого придаточным предложением. Например, предложение «Иван огорчен, что болен» имеет пресуппозицию «Иван болен».

- Экзистенциальные пресуппозиции связаны с употреблением в предложении имени собственного или определенной дескрипции. Употребляя то или иное выражение, относящееся к единичному объекту, мы тем самым подразумеваем существование этого объекта. Именно данный вид пресуппозиций связан с анализом предложений с «пустыми» именами, на их рассмотрении я и сосредоточусь далее.

Рассмотрим, каким образом понимались экзистенциальные пресуппозиции, их роль в семантике и то, какое значение они играют в анализе выражений с «пустыми» именами.

Впервые понятие пресуппозиции было введено Фреге. Рассмотрим, каким образом философ понимал пресуппозиции, связанные с употреблением имен и дескрипций, а именно пресуппозиции существования. В частности, он пишет: «Когда мы нечто утверждаем, то, разумеется, всегда предполагаем, что что употребляемые нами простые или сложные собственные имена имеют значение»⁵³. Если же данная презумпция нарушается, и имя не имеет денотата, то предложение также не имеет денотата. Таким образом, для Фреге соблюдение презумпции выступает гарантом наличия значения для предложения. При таком понимании пресуппозиции играют важную роль в семантике, являясь условием наличия или отсутствия значения предложения. В связи с этим данное понимание пресуппозиций называют семантическим. Согласно такому представлению о пресуппозициях, те или иные выражения, содержащиеся в предложении, предполагают некоторое скрытое подразумеваемое содержание. Например, при употреблении имен или дескрипций структура предложения предполагает существование объекта, о котором идет речь, в случае употребления глагола «знать, что» предполагается истинность придаточного предложения и т.п.

Аналогичным образом понимал природу пресуппозиций П.Ф.Стросон, полемизировавший с Б.Расселом, который пытался включить экзистенциальную пресуппозицию в состав содержания предложения.⁵⁴ С точки зрения Стросона,

⁵³ Фреге Г. О смысле и значении // Логика и логическая семантика. – М., 2000, с. 239

⁵⁴ Strawson P.F. On referring // Mind. – 1950. -№ 59. - P. 329.

высказывая утверждение «Король Франции мудр» мы *предполагаем* существование короля Франции, но никак не *утверждаем* его: «Утверждение «Король Франции мудр» подразумевает, в определенном смысле этого слова, что король Франции существует. Однако это очень специфический смысл слова «подразумевает». «Подразумевает» в этом смысле определенно нельзя отождествлять со «следует» (или «логически подразумевает»)»⁵⁵. В том случае, когда пресуппозиция существования данного объекта нарушается, мы имеем дело с ненастоящим употреблением данного имени, ошибкой коммуникации, поэтому вопрос, ложно или истинно данное предложение не встает вообще. В отличие от Рассела, у которого предложение «Король Франции мудр» оказывается ложным в силу ложности входящего в его состав экзистенциального высказывания, Стросон подчеркивает, что такие предложения должны считаться лишенными истинностного значения: «... когда в ответ на это утверждение, мы говорим (что естественно) «Короля Франции не существует», мы, конечно же, не утверждаем, что наше утверждение противоречит тому, что король Франции мудр. Мы также не утверждаем, что это предложение ложно. Мы скорее предоставляем основание для утверждения, что вопрос о том, является ли предложение истинным или ложным, не встает в принципе»⁵⁶.

Таким же мнимым употреблением считает Стросон употребление имен вымышленных персонажей в художественном тексте. С его точки зрения, такие высказывания не могут оцениваться как истинные или ложные, поскольку изначально не употребляются как относящиеся к какому-либо предмету.

Впоследствии понятие семантической пресуппозиции, введенное Фреге и Стросоном, получило формальное определение: «Семантический компонент Р суждения S является пресуппозицией S, если ложность Р в некоторой ситуации делает утверждение S в этой ситуации неуместным, аномальным, бессмысленным»⁵⁷.

Важнейшими свойствами семантических пресуппозиций, согласно Е.В.Падучевой, являются:

⁵⁵ To say, «The king of France is wise» is, in some sense of «imply», to imply that there is a king of France. But this is a very special and odd sense of «imply». «Implies» in this sense is certainly not equivalent to «entails» (or «logically implies»)». Там же, с. 330

⁵⁶ «...when, in response to his statement, we say (as we should) «There is no king of France», we should certainly not say we were contradicting the statement that the king of France is wise. We are certainly not saying that it's false. We are, rather, giving a reason for saying that the question of whether it's true or false simply doesn't arise». Там же, с. 330

⁵⁷ Определение Е.В.Падучевой. См. в Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. – М., 1985, с.53

- Отличие пресуппозиций от следствий предложения. Если отношение следования подчиняется закону контрапозиции, то в случае ложности презумпции Р суждение S оказывается не ложным, а лишенным истинностного значения;

- Сохранение пресуппозиции при отрицании высказывания. Например, рассмотрим следующие два предложения:

«Мэри рада, что Джон провалился на экзаменах»

«Мэри не рада, что Джон провалился на экзаменах»

В основе обоих предложений S и не-S лежит пресуппозиция, что Джон провалился на экзаменах.

- Свойство пресуппозиций не подвергаться действию никаких подчиняющих операторов, применяемых к предложению.

В частности, предложение «Василий тоже приехал» имеет пресуппозицию, что приехал кто-то еще помимо Василия. Если мы подвергнем это предложение действию оператора «я рада что», то презумпция предложения «Я рада, что Василий тоже приехал» сохранится прежней: «Василий тоже приехал».

Концепция семантических пресуппозиций вызвала критику со стороны тех философов, которые выступали против рассмотрения пресуппозиций как особого явления в семантике и предлагали альтернативное прагматическое понимание пресуппозиций (Сталнакер, Гадзар, Селларс и др). С их точки зрения, концепция семантических пресуппозиций сталкивается с рядом проблем, которые невозможно решить средствами данной концепции, а прагматический подход к пресуппозициям оказывается более эффективным в решении данных трудностей⁵⁸.

Если семантическая пресуппозиция связана с содержанием самого предложения, то прагматическая пресуппозиция отсылает нас к знаниям слушающего. Прагматическая пресуппозиция представляет собой суждение, которое должно быть известно слушающему, чтобы высказывание было уместным в данном контексте. Согласно Портнеру, она представляет собой условие того, является ли высказывание, имеющее данную пресуппозицию, корректным в данном контексте. С понятием прагматической пресуппозиции связано понятие общего основания диалога (common ground). Общая основа диалога – те пропозиции в разговоре, которые принимаются говорящими. В этом смысле прагматическая пресуппозиция высказывания должна входить в общее основание диалога, чтобы употребление предложения в данной ситуации было корректным.

⁵⁸ Подробно о проблеме наследования пресуппозиций и трудностях ее решения в рамках семантической концепции пресуппозиций см. Portner P.H. What is meaning? Fundamentals of formal semantics. - Blackwell Publishing, 2005, pp. 181-185.

При этом, если семантическая пресуппозиция должна быть истинным суждением, поскольку является условием наличия семантического значения у предложения, то требование истинности для прагматической пресуппозиции необязательно, поскольку она не имеет отношения к семантике и ее ложность не делает высказывание аномальным. Поэтому суждение, выражающее прагматическую презумпцию, представляет собой неутверждаемое суждение с нейтральным денотативным статусом.

Благодаря этой нейтральности в рамках прагматического подхода к пресуппозициям решаются трудности, с которыми сталкивается семантическая концепция пресуппозиций при интерпретации некоторых высказываний. В частности, в рамках прагматического подхода отсутствует требование истинности придаточных предложений, вводимых конструкциями вида «знаю, что». Кроме того, экзистенциальные пресуппозиции могут рассматриваться как суждения, не имеющие денотативного статуса.

Ярким примером использования такого подхода при интерпретации высказываний с «пустыми» именами является предложенная Р.М.Сэинсберри интерпретация высказываний о вымысле⁵⁹. Философ утверждает, что мы можем высказывать утверждения о вымышленных героях, не считая пресуппозицию их существования истинной. Мы просто принимаем это допущение для целей коммуникации. Мы принимаем, что эти высказывания истины в том случае, если бы пресуппозиция существования оказалась истинной. Для этого Сэинсберри использует понятие относительной истины. Высказывание «Шерлок Холмс любил играть на скрипке» может рассматриваться как относительно истинное – в том случае, если бы пресуппозиция о существовании Холмса или о том, что написанное в романе К.Дойла верно, была истинной. При этом мы можем считать данную пресуппозицию ложной, и в таком случае, в буквальном смысле, данное высказывание оказывается ложным. Тем не менее, это не мешает нам осуществлять эффективную коммуникацию, обмениваться впечатлениями о героях художественного произведения и о событиях, которые с ними происходят.

Такой подход дает философу возможность избежать онтологии несуществующих объектов и считать высказывания о таких объектах относительно истинными. Любое предложение о Холмсе, которое мы считаем интуитивно истинным, с точки зрения данной стратегии, будет истинным в рамках некоторого допущения: например, предложение «Холмс жил на Бейкер стрит» оказывается истинным, если бы были истинными рассказы о Холмсе.

⁵⁹ Применение данной стратегии считает допустимым в ряде случаев Р.М. Сэинсберри. См. Sainsbury R.M. Fiction and fictionalism. – Routledge, 2010, pp. 118-119

Есть ряд предложений о вымысле, которые выходят за контекст вымышленного произведения и не могут рассматриваться в рамках пресуппозиции существования реального человека, описываемого в вымышленном произведении. Кажется, что такие предложения не могут интерпретироваться при помощи данной стратегии. В частности, рассмотрим предложение «Шерлок Холмс – сыщик, который гораздо умнее любого сыщика, существующего в реальности».

Действительно, в данном предложении речь идет не о реальном человеке Шерлоке Холмсе в контексте произведения К.Дойла, а о вымышленном литературном персонаже. Однако, полагает Р.М. Сэйсбери, данное предложение также можно рассматривать в рамках пресуппозиции – но не пресуппозиции существования Холмса, а в рамках пресуппозиции, что существует устойчивый вымышленный объект – Холмс. Тогда предложение будет ложным в буквальном смысле, но истинным в рамках принимаемого допущения. Аналогичным образом будут рассматриваться все предложения, в которых утверждается принадлежность персонажа Холмса реальности. Например, «Холмс – вымышленный герой», «Холмс – самый известный персонаж детективных романов 20 в» и т.п. Все они будут истинными в рамках презумпции существования устойчивого вымышленного героя и ложными в буквальном смысле.

б.Обращение к когнитивному значению и имплицатуре высказывания

Данная стратегия также используется с целью восполнения отсутствующего семантического содержания «пустых» имен прагматическими элементами. Если в буквальном смысле высказывания с «пустыми» именами либо не имеют пропозиционального содержания, либо обозначают незаполненную пропозицию, обыденное словоупотребление объясняется когнитивным значением «пустых» имен и имплицатурами высказывания⁶⁰.

Д.Браун объясняет успешное использование «пустых» имен в языке посредством когнитивного значения этих имен. По мнению Д.Брауна, помимо семантического содержания, имена и предложения могут иметь когнитивное значение, т.е. вызывать определенные ассоциации, ментальные состояния и изменения в мозге человека.

⁶⁰ Данная позиция отражена в работах Braun D. Empty names // *Nous*. – 1993. - № 4, Vol. 27; Green M.S. Direct Reference and Empty names // *Canadian Journal of Philosophy*. – 2007. - № 3. Vol 37; Adams, F., G. Fuller and Stecker R. The Semantics of Fictional Names // *Pacific Philosophical Quarterly*. – 1997. № 78. –Pp. 128-48; Adams, F. and R. Stecker. Vacuous Singular Terms // *Mind and Language*. – 1994. - № 9. – Pp. 387-401

С его точки зрения, для сторонников прямой референции возможно два понимания семантического содержания предложений с «пустыми» именами: либо предложения с «пустыми» именами вообще не имеют пропозиционального содержания и истинностного значения, либо обозначают незаполненную пропозицию.

В рамках первого подхода все предложения с «пустыми» именами не будут отличаться друг от друга с точки зрения семантики, так как у них отсутствует семантическое содержание.

Второй подход состоит в том, что предложения с «пустыми» именами обозначают незаполненные пропозиции. Пропозиция имеет некоторую структуру, подобную ячейкам, которые впоследствии заполняются конститuentами и отношениями между ними. Предложение выполняет две функции по отношению к пропозициям: оно задает структуру пропозиции и задает семантические значения, которые нанизываются на эту структуру. Если структура пропозиции и значения, ее наполняющие, – отдельные сущности, то вполне можно предположить, что не все структурные единицы пропозиции должны быть заполнены или что предложение может задать лишь структуру пропозиции, но не ее семантическое наполнение. Предложения, содержащие пустые имена, и будут такими предложениями – с не до конца заполненной структурой. Более того, такие предложения будут иметь истинностное значение, поскольку они очень близки к обычным пропозициям и так же выражают истину или ложь о мире. Этот взгляд Д.Браун назвал концепцией незаполненных пропозиций.

Допустим, структура пропозиции предполагает субъект и предикат. Если позиция субъекта заполнена и субъект экземплифицирует свойство, приписываемое предикатом, то пропозиция истинна. Если же на месте субъекта стоит пустое имя, то она ложна. То есть, предложение «Пегас летающая лошадь» ложно, так как место субъекта в пропозиции не занято. Отрицательные экзистенциальные пропозиции, где место субъекта не занято, являются безусловно истинными.

Очевидным плюсом такого взгляда по сравнению с первым является то, что предложения «Пегас летающая лошадь» и «Кентавр Хирон мудр» будут обозначать различные пропозиции. Минус заключается в том, что многие предложения будут выражать одну и ту же незаполненную пропозицию, – все отрицательные экзистенциальные высказывания и предложения вида «Пегас летающая лошадь» и «Кентавр Хирон летающая лошадь».

Общий недостаток обоих подходов, очевидно, заключается в том, что они не способны объяснить, каким образом мы можем осуществлять коммуникацию и использовать «пустые» имена в языке.

По мнению Д.Брауна, использование понятия когнитивного значения позволяет нам объяснить употребление «пустых» имен, не отказываясь ни от первого, ни от второго взгляда на семантическое содержание предложений с данными именами.

В том случае, если мы считаем, что предложения с «пустыми» именами не имеют какого бы то ни было семантического содержания, их использование полностью объясняется при помощи прагматики. Благодаря своему когнитивному значению предложение с «пустым» именем получает осмысленность в сознании говорящего, даже когда ментальной репрезентации индивида не соответствует какое бы то ни было семантическое содержание. Что касается истинности предложений с «пустыми» именами, то мы можем считать их истинными, поскольку считаем истинными ряд следствий, вытекающих из высказываний с «пустыми» именами, которые имеют пропозициональное содержание и оказываются истинными. Например, из высказывания «Пегас не существует» следует ряд предложений, имеющих пропозициональное содержание: «Только птицы имеют крылья», «Имя «Пегас» не имеет референта» и т.п. Совокупность истинных следствий приравнивается к высказыванию, содержащему пустой термин, поэтому мы считаем последнее высказывание истинным, хотя оно не имеет семантического содержания и истинностного значения.

Расхождения подхода незаполненных пропозиций с обыденным использованием «пустых» имен также восполняются посредством прагматики: высказывания, обозначающие одну и ту же пропозицию, позволяют различать особое когнитивное значение каждого предложения.

Аналогичные рассуждения можно встретить у М.С.Гриина (M.S.Green)⁶¹, в работе которого освещается возможность объяснения когнитивного значения «пустых» имен при помощи импликатуры высказывания.

Понятие импликатуры было введено и разрабатывалось в работах Г.П.Грайса⁶². Философ отличает буквально сказанное в предложении, т.е., семантическое содержание данного высказывания, и то, что только подразумевается. Согласно Грайсу, предложение S подразумевает некоторую пропозицию p, которая является импликатом S. Отношение между высказыванием S и тем, что оно подразумевает, называется импликацией.

Грайс выделял два вида импликаций: импликацию дискурса и конвенциональные импликации. Конвенциональные импликации связаны со значением слов и структурой предложения. Несмотря на то, что конвенциональные импликации вытекают из значения

⁶¹ Green M.S. Direct Reference and Empty names // Canadian Journal of Philosophy. - 2007. - № 3. Vol 37. – Pp. 419 - 448

⁶² Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. - Vol. 3. - New York, 1975

слов в предложении, их нельзя отождествлять со следствиями предложения. Часто то, что логически следует из содержания предложения, может отличаться от подразумеваемого в высказывании лингвистически.

Можно проиллюстрировать это следующим примером:

А) Джон англичанин, но он труслив.

Б) Джон англичанин и он труслив

В) Быть трусливым неожиданно в свете того, что он англичанин

Предложение А подразумевает В. Предложение А и Б имеют одно и тоже пропозициональное содержание, но при этом А отличается от Б тем, что подразумевает между строк В. При этом предложение В логически не следует из А и, кроме того, В может быть ложным, а А все равно останется истинным.

В отличие от конвенциональных импликатур, импликатуры дискурса порождаются не структурой языка и значением конкретных слов, а основываются на принципах успешного ведения диалога и допущениях, принимаемых в диалоге.

Согласно Грайсу, наше общение подчиняется так называемому принципу кооперации, смысл которого заключается в том, что целью коммуникации является достижение взаимопонимания. Для того, чтобы достичь этой цели, говорящие должны соблюдать в своих высказываниях четыре максимы: релевантности, информативности, истинности и краткости. Применение импликатур дискурса основывается на данных принципах: во время ведения диалога говорящие соблюдают данные принципы и предполагают, что остальные участники диалога также их придерживаются. Посредством этого они могут выявлять скрытые импликатуры и использовать их сами. Характерный пример можно привести в связи с использованием слова «некоторые». Если с точки зрения логики употребление в предложении выражения «некоторые» предполагает, что речь идет о некоторых, а быть может и обо всех предметах из данного универсума, то лингвистически предложение со словом «некоторые» будет иметь импликатуру, что речь идет именно о некоторых предметах, но не обо всех. В противном случае говорящий, руководствующийся максимами информативности и краткости, сообщил бы, что он имеет в виду все, а не некоторые предметы данного универсума. Данный пример также иллюстрирует отличие данного типа импликатур от логических следствий предложения.

В философской литературе импликатуры часто сближаются с пресуппозициями. Некоторые авторы пытаются отождествлять их, некоторые проводят четкое разграничение. В частности, отмечает Е.В.Падучева, различие импликатур и пресуппозиций заключается в том, что пресуппозиции (как семантические, так и прагматические) основываются на значении слов и конструкции предложения, а

импликатуры дискурса порождаются совокупностью семантического значения, контекстуальных допущений и выполнением коммуникативных постулатов, которые вытекают из общих условий успешности коммуникации и не связаны с конвенциональными свойствами конкретных языков⁶³.

Однако прагматические пресуппозиции часто пытаются отождествить с импликатурами дискурса. В частности Дж.Атлас, Р.Кемпсон, Б.Абботт и другие отстаивают идею, что пресуппозиции также как и импликатуры подчиняются максимум успешной коммуникации⁶⁴.

П.Портнер называет еще одно отличие пресуппозиций и импликатур⁶⁵. Он различает прагматическое содержание, которое предшествует семантическому содержанию предложения, и прагматическое содержание, которое вытекает из семантического. В этом смысле пресуппозиции как начальное допущение, являющиеся условием корректного использования высказывания, относятся к первой группе прагматического содержания высказываний. А импликатуры, которые более близки к следствиям высказывания, относятся к прагматическому содержанию, которое следует за семантическим. Однако, на мой взгляд, данный критерий также является спорным применительно к экзистенциальным пресуппозициям и конвенциональным импликатурам, подразумевающим наличие у имени референта. Данные типы пресуппозиций и импликатур, действительно, сближаются друг с другом.

Теперь перейдем к конкретным способам объяснения употребления «пустых» имен в высказываниях при помощи понятия импликатуры.

В статье М.С.Гриина описываются способы использования конвенциональных импликатур и импликатур дискурса для объяснения употребления в коммуникации «пустых» имен.

Если мы обращаемся к импликатуре дискурса, то успешное использование в языке «пустых» имен объясняется тем, что при употреблении имен говорящие всегда ассоциируют с ними некоторые сведения, которые релевантны целям диалога, в котором они принимают участие. Эти ассоциируемые с именем сведения и являются импликатурой высказываний, в которых мы употребляем данное имя.

В определенных контекстах для успешного осуществления коммуникации ассоциируемые с именем сведения дополняют буквальное семантическое содержание

⁶³ Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. –М., 1985, с. 64

⁶⁴ Более подробно о попытках сведения прагматических пресуппозиций к импликатурам см. Beaver D.I., Geurts B. Presupposition. [Электронный ресурс] URL: <http://plato.stanford.edu/entries/presupposition/>, pp. 4.2.

⁶⁵ Portner P.H. What is meaning? Fundamentals of formal semantics. - Blackwell Publishing, 2005, p. 177

высказываний с «пустыми» именами, а именно, неполную пропозицию. За счет имплицатуры достигается понимание того, что имеет в виду говорящий и как следует реагировать на данное высказывание. Таким образом, мы можем успешно использовать «пустые» имена в диалоге, несмотря на то, что они не имеют семантического значения, а предложения с ними в буквальном смысле не имеют истинностного значения или являются ложными.

Конвенциональная имплицатура предложения, содержащего имя собственное, заключается в том, что при употреблении имени мы предполагаем, что оно имеет референт. Таким образом, использование «пустого» имени также прагматически предполагает существование референта данного имени. Наличие такой имплицатуры может объяснить, почему говорящие считают, что высказывания с «пустыми» именами обозначают полную пропозицию, хотя знают, что такие имена не имеют значения. Дело в том, что говорящие часто смешивают конвенциональную имплицатуру с буквальным значением. Кроме того, это также объясняет, почему говорящие считают, что высказывают разные вещи, произнося высказывания с различными пустыми именами, несмотря на то, что эти имена ничего не обозначают.

По мнению М.С.Гриина, объяснение употребления «пустых» имен как при помощи конвенциональной, так и имплицатуры дискурса сталкиваются с трудностями. Эти трудности будут рассмотрены в заключительной части данной главы.

в. Концепция языковой игры читателя и автора

Данная стратегия используется некоторыми философами⁶⁶ для объяснения функционирования имен вымышленных объектов. Под вымышленными объектами понимаются объекты, описываемые в художественном произведении, кино, а также объекты скульптуры, иногда сюда причисляются объекты научных теорий и т.п.

Многие философы-аналитики склонны рассматривать утверждения, присутствующие в художественном произведении как часть некоей языковой игры, участниками которой являются автор и читатели. Автор словно делает вид (pretend), что нечто обстоит тем или иным образом, а читатели, в свою очередь, делают вид, что допускают данное положение дел. Это позволяет давать истинностную оценку предложениям с «пустыми» именами в рамках языковой игры, а не в буквальном смысле, что в свою очередь, дает возможность избежать введения онтологии несуществующих объектов. Некоторые авторы настаивают на употреблении глагола «make-believe» для обозначения данной языковой игры (Р.М.Сэинсберри, К.Вальтон), а некоторые

⁶⁶ Свои варианты этой стратегии развивают Г.Эванс, К.Вальтон, Д.Льюис, Дж.Серл, С. Шиффер, Р.М.Сэинсберри.

употребляют глагол «to pretend» и «make-believe» как синонимы (Г.Эванс, Д.Льюис). Здесь я не буду вдаваться в различия в понятиях, поскольку терминология не влияет на главное условие языковой игры, принимаемой всеми философами. Оно состоит в интерактивном характере языковой игры автора и читателя: читатель принимает, что р, если в тексте говорится, что р. При этом он может заблуждаться, принимая, что р.

Границы «притворства» в языковой игре каждой философ устанавливает по-своему. Некоторые исследователи считают, что «притворными» оказываются сами утверждения в рамках этой игры (Дж.Серл, С.Шиффер), другие полагают, что «притворство» распространяется лишь на положение дел или соответствующие объекты, т.е., утверждая нечто, мы притворяемся, что описываемое положение дел или объекты имеют место (Р.М.Сэинсберри, Г.Эванс). В последнем случае утверждение не является мнимым утверждением, но его истинность оценивается в рамках принимаемого допущения (pretence). Г.Эванс полагает, что «притворной» может быть и сама референция, в то время как утверждение, содержащее «пустое» имя может оцениваться как истинное или ложное буквальным образом.

Согласно точке зрения Серла и Шиффера⁶⁷, языковая игра будет распространяться не только на непосредственное взаимодействие читателя с текстом, но и на все утверждения о вымысле в целом. Согласно Серлу, автор художественного произведения «pretends to perform illocutionary acts which he is not in fact performing»⁶⁸. Точно также, когда я обсуждаю с товарищем рассказы К.Дойла, и утверждаю «Холмс играл на скрипке», в действительности я лишь делаю вид, что утверждаю нечто (pretend to assert), поэтому, ввиду того, что утверждение не является настоящим утверждением, а лишь «притворным», то сказанное мною не может оцениваться с позиций истинности или ложности.

Г.Эванс⁶⁹ полагает, что высказывания о вымышленных объектах являются частью языковой игры. Утверждая что-то об этих объектах, мы лишь делаем вид, что существуют некоторые предметы, описанные автором, в действительности же этих объектов не существует, они реальны лишь в пределах языковой игры. При этом сами высказывания, в отличие от позиции Серла и Шиффера, являются такими же выражениями языка, как и остальные. Истинность высказываний о вымысле оценивается в рамках языковой игры.

Используя понятие языковой игры, Эванс предлагает решить и проблему отрицательных экзистенциальных высказываний с «пустыми» именами. С его точки

⁶⁷ Schiffer S. Language-Created Language-Independent Entities // Philosophical Topics. – 1996. - № 24 (1). – Pp. 149– 167; Searle J. The Logical Status of Fictional Discourse // New Literary History. – 1975. - № 6 (2). – Pp. 319–332

⁶⁸ Searle J. The Logical Status of Fictional Discourse // New Literary History. – 1975. - № 6 (2). -P. 326

⁶⁹ Evans G. The Varieties of Reference. - Oxford: Clarendon Press, 1982, pp. 353-372

зрения, в данных высказываниях мы осуществляем мнимую референцию, т.е., лишь делаем вид, что обозначаем некий объект, в действительности делая это лишь в рамках представления (*pretence*). Это необходимо для того, чтобы в пределах языковой игры мы могли указать, несуществование какого именно объекта мы утверждаем. В данном случае языковая игра распространяется лишь на мнимую референцию, но не на все утверждение в целом, в противном случае оно было бы ложным.

V. Предварительный критический анализ антиреалистских стратегий

Итак, я рассмотрела основные подходы сторонников антиреалистской интерпретации «пустых» имен.

На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что большинство философов-антиреалистов предлагают использовать прагматические инструменты для интерпретации высказываний с «пустыми» именами. Вопрос о том, насколько правомерным является перенос значения «пустых» имен в прагматику, является очень важным вопросом, нуждающимся в отдельном исследовании. Данное исследование невозможно провести без рассмотрения задач прагматики и семантики, указания той роли, которую должен играть естественный язык и обыденное словоупотребление в наших изысканиях по философии языка, а также без обращения к реалистским концепциям «пустых» имен и их философским основаниям. Ввиду объемности данного исследования, представляется целесообразным провести его в третьей главе диссертационной работы.

На данном этапе мне хотелось бы указать на некоторые недостатки интерпретации «пустых» имен семантическими средствами.

Прежде всего, рассмотрим стратегию замены, представленную такими ее сторонниками как Б. Рассел и У. Куайн. К сожалению, данная стратегия позволяет решить только логические трудности, встающие перед интерпретацией предложений с «пустыми» именами. Предложения, на которые заменяются высказывания с «пустыми» именами, часто упускают смысл исходных высказываний, которые в результате замены всегда оказываются ложными, в то время как интуитивно считаются истинными. В частности, ложными будут такие высказывания как «Шерлок Холмс играл на скрипке по ночам», «Я думаю о золотой горе», «Алексей восхищается Гамлетом» и т.п. На данное затруднение, в частности указывал, Р. Чизом⁷⁰. Некорректность данного подхода признают и многие философы-антиреалисты, осознающие необходимость объяснения успешного использования «пустых» имен в языке.

⁷⁰ Chisholm R. M. Homeless objects // *Revue Internationale de Philosophie*. - 1973. - № 27. - Pp. 207 – 223.

Перейдем к интерпретации высказываний с «пустыми» именами в рамках контекста. Кажется, что введение контекста, относительно которого релятивизируется наличие значения у «пустых» имен и истинность высказываний с ними, представляется удачным решением данной проблемы. Однако, если стратегия введения контекста и операторов вымысла позволяет интерпретировать предложения, содержащие отсылки к нескольким контекстам, то, на мой взгляд, она сталкивается с трудностями, когда мы имеем дело с предложениями, выходящими за пределы таких контекстов. Например, рассмотрим предложение «Шерлок Холмс – один из самых известных литературных персонажей XX века». Такие высказывания я буду называть внешними по отношению к дискурсу о вымысле, поскольку они выходят за контекст вымышленного произведения. Высказывания, которые, напротив, можно интерпретировать в рамках вымышленного контекста («Шерлок Холмс любил играть на скрипке по ночам») я буду называть внутренними по отношению к дискурсу о вымысле. Именно с внешними высказываниями о вымысле стратегия введения контекста, на мой взгляд, не справляется.

Действительно, предложение «Шерлок Холмс – один из самых известных литературных персонажей XX в.» нельзя интерпретировать в рамках какого бы то ни было вымышленного контекста, поскольку в вымышленном произведении Шерлоку Холмсу приписывались свойства как реальному человеку, описываемому в произведении, а не как вымышленному герою. Свойство «быть одним из самых известных вымышленных персонажей» в рассматриваемом предложении, напротив, приписывается Шерлоку Холмсу как вымышленному герою.

Как я уже говорила, Р.М.Сэинсбери предлагает интерпретировать внешние высказывания о вымысле при помощи прагматических пресуппозиций. Насколько успешными оказываются такие интерпретации, как было сказано выше, я подробно рассмотрю в третьей главе работы, где будет проанализирована возможность применения прагматики к интерпретации значения «пустых» имен. Однако перед этим стоит дополнить общую картину подходов к референции «пустых» имен реалистскими концепциями. Реалистской интерпретации «пустых» имен посвящена вторая глава диссертации.

Вторая глава: «Реалистские интерпретации «пустых» имен»

«Обозначать можно и несуществующее»

Аристотель, «Вторая аналитика», 92 b

I. Основания реалистской интерпретации

В предыдущей главе были рассмотрены взгляды, согласно которым «пустые» имена не имеют референтов и стратегии, посредством которых сторонники данной позиции объясняют использование этого типа имен в языке.

Во второй главе речь пойдет о противоположном взгляде, получившем гораздо меньшее распространение в современной аналитической философии. Сторонники этого взгляда отказываются от разделяемого большинством аналитиков положения, что имена могут обозначать только существующие объекты и допускают, что референтами так называемых «пустых» имен являются объекты, которые не существуют.

В первой главе работы, обосновывая позицию сторонников позиции, согласно которой пустые не имеют денотата, я упоминала о том, с какими трудностями онтологического, логического и эпистемологического характера сталкиваются теории несуществующих объектов. Почему же сторонники реалистской интерпретации отказываются от антиреалистских стратегий, которые зачастую оказываются гораздо проще, нежели чем построение теорий объектов, в которых задействованы довольно сложные формальные инструменты?

На мой взгляд, основная причина принятия реалистской интерпретации «пустых» имен заключается не в функциональности данной трактовки как инструмента для решения проблем, встающих перед антиреалистской интерпретацией (хотя реалисты и подчеркивают ее эффективность), но в философских основаниях реалистской позиции.

Все философы, о которых пойдет речь в данной главе, ставят перед собой две задачи, выраженные в их работах более или менее эксплицитно: создать теорию объектов, которая позволит «включить» несуществующие объекты в нашу реальность и дать верное описание наших «предтеоретических» интуиций относительно использования имен, т.е. отразить в своей теории точку зрения здравого смысла как в отношении употребления имен в обыденном языке, так и положения тех объектов, которые ими обозначаются. Таким образом, на мой взгляд, первостепенное значение для принятия реализма играют онтологические и лингвистические основания реалистской позиции. Рассмотрим, каким образом философы-реалисты понимают данные основания.

1. Онтологические и лингвистические основания

Как отмечает философ-реалист Грахам Прист, признание несуществующих объектов представляет собой естественный взгляд, вытекающий из здравого смысла⁷¹. Противоположная точка зрения, по его словам, была в какой-то момент просто принята на веру без какого бы то ни было критического размышления о ее соответствии реальному положению вещей. Своей задачей он видит развитие идей Р.Роутли, который принимал несуществующие объекты и развивал один из майнонгианских подходов. В работе Грахама Приста проблема онтологического статуса несуществующих объектов обсуждается параллельно с взаимосвязанной с ней проблемой референции «пустых» имен, которые обозначают данные объекты.

Сходным образом рассуждает Теренс Парсонс. Он также убежден, что допущение несуществующих объектов согласовывается со здравым смыслом. Основной своей задачей он считал построение теории предметов, сохраняющей основные результаты работы Майнонга, но при этом избегающей трудностей, которые не могли быть решены в рамках его теории предметов. Помимо этого, Парсонс считал, что несуществующие объекты необходимо допустить для нужд теории значения. Он был убежден, что теория значения должна отображать базовое, интуитивное понимание языка. Во-первых, Т.Парсонса не устраивали стратегии, «устраняющие» несуществующие объекты. Он полагал, что «перевод» предложений с «пустыми» именами, предоставляемый теорией дескрипции Рассела и в работах Куайна, полностью изменяет смысл исходного предложения. Если же мы все-таки осуществляем перефразирование предложений с «пустыми» именами, то естественно было бы переформулировать все аналогичные предложения, которые отсылают к существующим сущностям, в противном случае, нам стоило бы обосновать, почему предложения о несуществующем обладают особой, отличной от предложений о существующем, структурой. Последнее допущение оказывается контринтуитивным, поскольку с обыденной точки зрения, мы не проводим такого различия. Во-вторых, Парсонс утверждал, что наша убежденность в истинности некоторых высказываний о несуществующих объектах естественным образом заставляет нас допустить сами эти объекты в качестве референтов соответствующих имен. Поэтому необходимо сохранить субъектно-предикатную структуру предложений о несуществующем и статус имен за именами несуществующего⁷².

⁷¹ Priest G. *Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality*. - Oxford, 2005, p. vi

⁷² Parsons T. *Nonexistent Objects*. - New Haven, 1980, p.19

Важное значение несуществующих объектов для науки, искусства и повседневной жизни подчеркивал Э.Залта. По его словам⁷³, несуществующие объекты являются частью нашей повседневной жизни. Наш способ мышления, культура порождают объекты, которые становятся частью нашей реальности. Например, занимаясь естествознанием, мы используем числа для количественного измерения явлений, мы также используем законы и говорим, что этим законам подчиняются не только данные конкретные объекты, но и все возможные объекты, имеющие свойства, сходные со свойствами данных объектов. Таким образом, мы постоянно оперируем такими абстрактными сущностями как законы, числа, свойства, возможные объекты, являющимися частью реальности, с которой все мы существуем. Важную роль в науке играют и идеализированные объекты, которые являются невозможными: материальная точка, абсолютно черное тело, плоскость, лишенная трения и т.д. Такие объекты в принципе не могут существовать в физическом мире. Тем не менее, именно эти объекты являются важнейшим инструментом для построения научных моделей, необходимых для развития науки. Поэтому, утверждает Э.Залта, мы не должны считать такие объекты призрачными и непознаваемыми сущностями. Скорее это те возможные и актуальные сущности, которые задаются употреблением определенных языковых выражений, построением и применением теорий о мире. Построение теории таких предметов является целью философа.

Таким образом, сторонники введения несуществующих объектов подчеркивают, что допущение несуществующего является естественным шагом, исходящим из соображений здравого смысла. Субъектно-предикатная форма высказываний в языке интуитивно заставляет нас предполагать, что мы всегда говорим о чем-то, предикцируем некоторое качество определенному предмету, при этом для нас неважно, существует ли он или не существует, ведь лингвистически мы не различаем высказывания о реально существующих и несуществующих вещах. Если перевести эту мысль в плоскость теории значения, она получит следующее звучание: точка зрения, согласно которой всем именам соответствуют объекты, является позицией здравого смысла, вытекающей из структуры естественного языка. Этому подходу указанные философы противопоставляют рассмотренный в первой главе взгляд, согласно которому язык вводит нас в заблуждение, скрывая истинную сущность языковых выражений.

Наряду с рассмотренными выше онтологическими и лингвистическими основаниями реализма, существуют другие аргументы в пользу реалистской интерпретации имен собственных.

⁷³Zalta E. Zalta E. The Theory of Abstract Objects. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/theory.html> (дата обращения: 14.08.2012)

Действительно, допущение, что имеются некоторые несуществующие объекты, являющиеся референтами имен, традиционно считавшихся «пустыми» - универсальный способ легко и красиво решить целый ряд проблем, не прибегая к дополнительным инструментам (перефразированию, введению контекстов, использованию прагматических инструментов). Немецкий исследователь Мария Райхер (Maria Reicher) выделяет 4 проблемы, которые решаются при помощи допущения, что имеются несуществующие объекты: проблему установления истинности высказываний с «пустыми» именами, интерпретацию высказываний о вымысле, сомнительных аналитических истин вроде «круглый квадрат кругл» и проблему дискурса о прошлом и будущем⁷⁴. В данной работе мы не рассматриваем временные аспекты обозначения, поэтому ограничимся рассмотрением трех вышеупомянутых проблем.

2. Гносеологические основания

В первую очередь, рассмотрим, каким образом признание того, что у «пустых» имен имеются референты решает проблему истинностной оценки данных высказываний. В первой главе работы упоминалось, что еще Г.Фреге считал предложения с именами, не имеющими значения, лишенными истинностного значения. Действительно, чтобы предложение могло быть оценено как истинное или ложное, согласно классической концепции истины, элементы предложения должны соответствовать чему-то в реальности. Если имя является в буквальном смысле «пустым», то есть, ничего не обозначает, то мы не можем приписывать этому предложению истинностное значение. В этом случае допущение того, что «пустые» имена обозначают несуществующие объекты, является хорошим решением данной проблемы: оно позволяет приписывать предложениям с «пустыми» именами истинностное значение в буквальном смысле.

Допущение несуществующих объектов, действительно, является универсальным решением эпистемологической проблемы высказываний с «пустыми» именами относительно всех типов высказываний. Рассмотрим, например, отрицательное экзистенциальное высказывание «Пегас не существует», где существование понимается как физическое существование. Допуская то, что имя «Пегас» обозначает некоторый несуществующий объект, мы можем установить его истинность: верно то, что в физическом мире не существует таких объектов как Пегас, следовательно, предложение истинно. Имя «Пегас» обозначает несуществующий объект, который мы не находим в физическом мире, поэтому само наличие этого референта не ведет к ошибке в установлении истинности предложения.

⁷⁴ Reicher M. Nonexistent Objects. [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> (дата обращения 03.08.2012)

Таким образом, введение несуществующих объектов, во-первых, позволяет установить истинность предложения, не прибегая к переформулировке и другим сложным процедурам, при применении которых исходный смысл предложения часто искажается и, во-вторых, дает нам универсальный подход к анализу истинности высказываний с «пустыми» именами⁷⁵.

Последнее положение стоит обсудить подробнее. Действительно, имея дело с разного рода «пустыми» именами, противники введения несуществующих объектов вынуждены использовать различные подходы для анализа высказываний с этими именами. Например, для анализа такого высказывания как «Пегас не существует» большинство сторонников того, что «пустые» имена не имеют референтов, воспользовались бы теорией дескрипций Б. Рассела. Переформулированное в соответствии с теорией дескрипций предложение «Не существует объекта, который бы являлся лошадью и обладал крыльями», конечно, упускает часть смысла исходного предложения, но по крайней мере его истинностное значение не вызывает споров и вполне согласуется с интуицией.

Совершенно иные средства будут использоваться для анализа такого высказывания как «Шерлок Холмс любил играть на скрипке по ночам». Здесь применение теории дескрипций приведет к тому, что исходное предложение окажется ложным, в то время как с точки зрения здравого смысла мы не сможем согласиться с тем, что данное высказывание ложно. В данном случае противники введения несуществующих объектов, являющихся референтами «пустых» имен, используют пресуппозиции, импликатуры, концепцию языковой игры читателя и автора и другие подходы.

Как мы видим, «антиреалистам» в отношении несуществующих объектов приходится использовать множество стратегий для разных групп имен и высказываний. Большое число подходов и стратегий, их сложность, которая часто превращает предложения в громоздкие конструкции, как уже говорилось в первой главе работы, невольно создает ощущение искусственности всех этих объяснений. На этом фоне тот факт, что «реалисты» могут противопоставить всем этим стратегиям один-единственный универсальный подход к анализу высказываний с «пустыми» именами является неоспоримым преимуществом данной позиции.

3. Высказывания о вымышленных объектах

Высказывания о вымысле традиционно выделяются философами в отдельную группу среди высказываний, содержащих «пустые» имена. Дело в том, что данные

⁷⁵ Универсальность решения проблемы «пустых» имен при помощи введения несуществующих объектов подчеркивает немецкий исследователь М. Райхер. См. Reicher M. Nonexistent Objects. [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/> (дата обращения 03.08.2012), paragraph 3.4.

высказывания оказывается сложно, а иногда и невозможно интерпретировать без введения несуществующих объектов в качестве референтов «пустых» имен.

Ряд философов (С.Крипке, П.В.Инваген, Н.Салмон), не признающих несуществующие объекты вообще, считают необходимым допустить существование вымышленных объектов, поскольку с их точки зрения, только допущение устойчивых вымышленных объектов позволяет объяснить их упоминания вне контекста историй о них⁷⁶.

Как мы помним, высказывания о вымысле можно подразделить на внутренние и внешние по отношению к дискурсу о вымысле. В частности, предложение «Шерлок Холмс курил трубку» является внутренним предложением по отношению к дискурсу, поскольку находится в рамках контекста вымышленного произведения. С другой стороны, такие предложения как «Анна Каренина умнее Эммы Бовари» и «Шерлок Холмс – один из известных литературных героев - сыщиков, созданных в 19 в» являются внешними по отношению к дискурсу о вымысле, поскольку выходят за контекст одного вымышленного произведения или за контекст вымысла в принципе.

Так называемые внутренние предложения вымышленного дискурса можно легко интерпретировать посредством введения оператора вымысла (в первой главе была рассмотрена данная стратегия). Проблемными оказываются внешние предложения, для интерпретации которых некоторые философы считают необходимым допустить несуществующие объекты.

В частности, С.Крипке и Н.Салмон полагают, что для употребления имен вымышленных сущностей вне вымышленного контекста необходимо допустить существование вымышленных объектов. Согласно Крипке, когда имя «Шерлок Холмс» было впервые использовано Конан Дойлом, оно ничего не обозначало. Оно было частью языковой игры, «притворства» автора при написании истории. Когда же это имя впоследствии употреблялось нами вне вымысла, вне притворства, оно стало обозначать абстрактную сущность, абстрактный артефакт. Язык, пишет Крипке, претерпевает грамматическую трансформацию: из вымышленного имени человека в имя вымышленного человека. В связи с двусмысленностью имени «Шерлок Холмс» С.Крипке предлагает выделить два употребления имени «Холмс» - «Холмс1» и «Холмс2». Первое имя употребляется с интенцией обозначения реального человека, поэтому в буквальном смысле ничего не обозначает, но может обозначать нечто в рамках «притворства» при

⁷⁶ Данная позиция указанных авторов отражена в их работах Kripke S. Reference and Existence: The John Lock Lectures for 1973 (неопубликованы); Inwagen P.V. Creatures of Fiction // American Philosophical Quarterly. – 1977. - № 14. - Pp. 299-308; Salmon N. Nonexistence // Noûs. – 1998. - № 3. Vol. 32. -Pp. 277-319.

рассказе истории, а второе обозначает абстрактного вымышленного героя. Причем, в последнем случае высказывания с именем «Холмс», употребляемые в смысле «Холмс2» вне контекста вымысла могут считаться истинными в буквальном смысле.

Н.Салмон вытупает против трактовки использования имени «Холмс», понимаемого как «Холмс1», в рамках вымышленных произведений. С его точки зрения, нельзя в принципе рассматривать употребление имен в вымышленном произведении как реальное употребление и обозначение. С его точки зрения, все употребления имен в истории оказываются мнимыми употреблениями. Наряду с этим, Салмон признает, что имя «Холмс» может использоваться в качестве «Холмс2», обозначающего абстрактный артефакт, вне контекста о вымысле.

Возможно ли решить трудности, возникающие в связи с интерпретацией внешних высказываний о вымысле посредством антиреалистских стратегий? Как упоминалось в первой главе работы, философ Р.М.Сэинсбери предложил антиреалистскую интерпретацию двух вышеприведенных внешних предложений вымышленного дискурса. Его решение в первом случае состояло в объединении операторов вымысла, а во втором – в рассмотрении предложения в рамках пресуппозиции существования устойчивого вымышленного объекта. Кроме того, данные предложения можно рассматривать в рамках языковой игры читателя и автора, когда мы лишь «притворяемся», что данные вымышленные персонажи существуют и могут вступать в отношения как между собой, так и с другими реально существующими предметами. Тем не менее, все эти подходы представляются мне неудовлетворительными. С какими именно трудностями сталкиваются, с моей точки зрения, эти объяснения, их подробное рассмотрение и критика будут представлены в третьей главе работы.

На данном этапе мне хотелось бы подчеркнуть тот факт, что среди антиреалистских стратегий отсутствует универсальная интерпретация высказываний о вымышленных объектах. В то же время, допущение несуществующих объектов может дать простую интерпретацию как внутренних, так и для внешних предложений по отношению к дискурсу о вымысле, которая позволяет давать им истинностную оценку.

4. Некоторые логические основания

Еще одним основанием в пользу введения несуществующих объектов является сохранение понятия аналитической истины.

Предложение «Круглый квадрат кругл» имеет форму аналитического высказывания, являющегося необходимо истинным. Согласно общеизвестным принципам предикации и экзистенциального обобщения, если нечто предикруется, то должен

существовать объект, которому приписывается данное свойство. Формально данные принципы выражаются следующим образом:

Экзистенциальное обобщение:

$$Fb \rightarrow \exists x(Fx);$$

Принцип предикации:

$$Fb \rightarrow \exists x(x = b).$$

Согласно данным принципам, из высказывания «Круглый квадрат кругл» будет следовать, что существует нечто, что является одновременно круглым и квадратным, что невозможно.

Чтобы избежать данного следствия, можно наложить ограничение, что аналитические высказывания могут говорить только о непротиворечивых объектах или каким-то образом переформулировать данное высказывание.

Введение несуществующих объектов позволит решить это затруднение более простым способом, не налагая дополнительных ограничений на аналитические истины. Мы можем допустить, что имеется некоторый несуществующий объект круглый квадрат и интерпретировать значение квантора существования в принципах экзистенциального обобщения и предикации не как «существует», но как «имеется», то нам удастся сохранить аналитическую истинность данного высказывания, поскольку несуществующий референт высказывания не повлечет за собой недопустимых экзистенциальных следствий.

Итак, как мы видим, решение проблемы «пустых» имен при помощи допущения несуществующих объектов, действительно, имеет под собой ряд серьезных оснований: позволяет отразить наши исходные, «предтеоретические» онтологические и лингвистические интуиции, решить проблему истинности предложений с «пустыми» именами, а также решить ряд других затруднений.

II. Исторические корни реализма

Как было показано в предыдущем параграфе, онтологические и лингвистические основания принятия реализма выступают главным мотивом принятия реалистской позиций для тех философов, которые отстаивают эту точку зрения. Однако идея о значимости несуществующих объектов для науки и повседневности, необходимости их изучения и «включения» в нашу реальность принадлежит австрийскому мыслителю Алексиусу Майнонгу. Можно сказать, что все современные реалистские стратегии в отношении «пустых» имен в той или иной степени отталкиваются от созданной им теории предметов⁷⁷. А.Майнонг не занимался анализом языка в той форме, в какой это делали в

⁷⁷ Теория объектов Алексиуса Майнонга будет подробно рассмотрена в параграфе III.

своих работах философы-аналитики. Как правило, Майнонга относят не к аналитической традиции, а к феноменологической школе (философ учился у Ф.Брентано). Тем не менее, А.Майнонг сыграл огромную роль в развитии исследований языка в рамках аналитической философии, выступая, главным образом, как основной оппонент аналитических философов, а его теория предметов явилась исходной точкой отсчета дискуссий по проблемам обозначения.

Исходная мысль Майнонга – каждая мысль имеет объект, вне зависимости от того, существует этот объект или нет. Он отталкивался от так называемого «принципа интенциональности», согласно которому ментальные феномены характеризуются «интенциональной направленностью» на объект. Майнонг пришел к выводу, что должен иметься объект для каждого ментального состояния – является ли этот объект существующим или несуществующим. Любить всегда означает любить что-то, воображать – всегда воображать что-то. Итак, любая мысль, согласно А.Майнонгу, имеет свой объект.

Уже позже, критикуя Майнонга, Бертран Рассел перенес эту мысль в плоскость языка, переформулировав ее с точки зрения теории референции, а именно: каждая обозначающая фраза имеет референт. Именно с этой идеей полемизировали впоследствии очень многие философы-аналитики. После выхода ряда работ Б.Рассела, критически рассматривающих теорию предметов Майнонга, стало считаться общепринятым, что позиция последнего является в корне ошибочной и не совместимой со здравым смыслом. Так, Г.Райл писал: «Давайте сначала честно признаемся в том, что сама теория предметов мертва, давно похоронена и вряд ли когда-либо возродится»⁷⁸. Р.Роутли также отмечал, что сходство чьей-либо позиции со взглядами Майнонга стало считаться основанием дискредитации теории⁷⁹.

Тем не менее, эти выводы оказались преждевременными. Как отмечает философ Ф.В.Крун (F.W.Kroon), в последние 25 лет теория предметов А.Майнонга все более активно обсуждается философами-аналитиками в связи с решением проблемы обозначения и истинности предложений с «пустыми» именами⁸⁰. Как полагают некоторые современные философы-аналитики, только развитие идей Майнонга способно предоставить нам модель, отражающую наше обыденное, «пред-теоретическое» представление о том, как мы употребляем так называемые «пустые» имена и присваиваем

⁷⁸ Ryle G. Intentionality theory and the nature of thinking // *Revue internationale de Philosophie*. – 1973. - № 27. – Pp. 255.

⁷⁹ Routley R., Routley V. Rehabilitating Meinong's theory of objects // *Revue internationale de Philosophie*. – 1973. - № 27. – Pp. 224-254.

⁸⁰ Kroon F.W. Was Meinong Only Pretending? // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1992. - № 3. Vol. 52. – Pp. 499

предложениям с ними истинностное значение. Среди сторонников этой «нео-майнонгианской» линии такие философы как К.Ламберт, Т.Парсонс, Э.Залта, Р.Роутли, Г.Прист, Р.Чизом и другие. Все названные мыслители позиционируют себя как последователи Майнонга, развивающие его взгляды.

Все они разделяют мнение, что такие имена как «Гамлет» и «Пегас» обозначают объекты, однако их понимание того, какого рода объектами являются эти сущности и каким образом они существуют (если все-таки существуют) может существенно различаться.

В частности, один из ярких представителей «нео-майнонгианского» направления Теренс Парсонс полагает, что референтами «пустых» имен будут несуществующие сущности, которые, конечно же, не *существуют* (*exist*), но *имеются* (*there is*)⁸¹. Эдвард Залта полагает, что «пустые» имена будут обозначать абстрактные объекты, существующие в нашем актуальном мире, но обладающие некоторыми своими характеристиками не в прямом смысле: «Идеи, математические объекты, майнонгианские объекты и вымышленные объекты могут считаться видами абстрактных объектов, которые кодируют свойства. Идеи являются абстрактными объектами, которые кодируют одно свойство; математические объекты – это абстракции, которые кодируют только те свойства, которые приписываются им в соответствующих математических теориях; а майнонгианские и вымышленные объекты, такие как круглый квадрат, летающие лошади, единороги, Зевс и др., кодируют их характеристические свойства, а не экземплифицируют их»⁸².

Грахам Прист развивает взгляд, который он называет *нонеизмом*. Согласно нонеизму, «пустые» имена называют несуществующие в нашем мире объекты, которые могут обладать бытием в других возможных и невозможных мирах: «Допущение несуществующих объектов называется майнонгианством или <...> нонеизмом. Стоит подчеркнуть, что несуществующие объекты не имеют какого-то вторичного вида бытия, такого как «наличествование». Они не имеют никакого бытия в принципе. Они не существуют во всех смыслах этого слова (однако, они могут существовать или не

⁸¹ Parsons T. Nonexistent Objects. - New Haven, 1980, p. 11

⁸² «Forms, mathematical objects, Meinongian objects, and fictions may be species of abstract objects that encode properties. The Forms are abstract objects that encode a single property; mathematical objects are abstracta that encode just the properties attributed to them in their respective mathematical theories; and Meinongian and fictional objects such as the round square, flying horses, unicorns, Zeus, etc., encode their defining properties rather than exemplify them». Zalta E. Plato and Meinong. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/plato-meinong.html> (дата обращения 14.08.2012)

существовать в конкретном мире, кроме того, могут быть объекты, которые не существуют ни в одном из миров)»⁸³.

Сторонник модального реализма Дэвид Льюис считает, что имена вымышленных героев (философ рассматривает только данный тип объектов) обозначают реальные материальные сущности в мирах, представляющих альтернативную и равнозначную нашему миру реальность, имеющих такую же конкретную материальную природу, как и наш мир. Высказывания о вымысле он предлагает рассматривать как высказывания с оператором вымысла: «... предлагаю рассматривать описание вымышленных героев не в буквальном смысле, а как аббревиатуру предложений с оператором «В таком-то и таком-то произведении»⁸⁴.

Данный оператор интерпретируется как квантифицирующий по возможным мирам, в которых реализовано положение дел, описываемое в истории: «В таком случае, истинное в произведениях о Шерлоке Холмсе – это то, что является истинным во всех возможных мирах, в которых существуют герои, которые обладают свойствами, состоят в отношениях и совершают поступки, которые приписываются в соответствующих произведениях Холмсу, Ватсону и другим»⁸⁵.

Как мы видим, только Э.Залта с некоторыми оговорками приписывает несуществующим объектам обладание реальностью определенного рода (ниже будет показано, что эта реальность для физически несуществующих объектов носит лишь условный характер), остальные мыслители либо, как Теренс Парсонс, рассматривают такие объекты как несуществующие в принципе, либо, как Дэвид Льюис и Грахам Прист, принимающие семантику возможных миров, наделяют их некоторым бытием в иных мирах⁸⁶.

Итак, мы рассмотрели истоки, основания и преимущества «реализма» в отношении несуществующих объектов. Однако, как было показано в первой главе работы, наряду с положительными аспектами данного взгляда, существуют и отрицательные. Введение несуществующих объектов вызывает множество вопросов, которые встают перед

⁸³ «The admission of non-existent objects is meinongianism, or <...> noneism. And let me stress, that non-existent objects do not have some inferior mode of being, such as 'subsistence'. They have no mode of being whatever. They do not exist in any sense of that word (at the world in question, of course—they may, or may not, exist at others; they may even not exist at any world)». Priest G. Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality. - Oxford, 2005, p. 14

⁸⁴ «...let us not take our descriptions of fictional characters at face value, but instead let us regard them as abbreviations for longer sentences beginning with an operator «In such-and-such fiction». Lewis D. Truth in Fiction. // American Philosophical Quarterly. -1978. - № 15. – P. 37.

⁸⁵ «What is true in the Sherlock Holmes stories would then be what is true at all of those possible worlds where there are characters who have the attributes, stand in the relations, and do the deeds that are ascribed in the stories to Holmes, Watson and the rest». Там же, с. 39

⁸⁶ Позиции данных авторов и подробный анализ их работ будут представлены в последующих параграфах.

сторонниками рассматриваемого взгляда. Прежде всего, это онтологический вопрос: каков онтологический статус объектов, являющихся референтами «пустых» имен? Несмотря на то, что каждый философ начинает свои рассуждения с ответа на этот главный вопрос, часто решение, которое дается этой проблеме, вызывает сомнения. В частности, если мы считаем несуществующие в нашем мире объекты обитателями возможных миров, возникает вопрос относительно онтологического статуса самих этих миров и т.п.

Второй вопрос связан со свойствами несуществующих объектов: какими свойствами и в каком смысле обладают эти объекты, и можно ли сказать, что они обладают свойствами в том же смысле, что и объекты реального мира? Множество проблем порождают и конкретные типы объектов: каким образом возникают и существуют объекты вымысла, объекты интенциональных актов, объекты науки и многие другие не существующие в реальности предметы? Наконец, для того, чтобы непротиворечиво говорить о таких объектах, требуются специальные логические системы, отличные от классической логики. Теория несуществующих объектов должна дать ответ на все эти и многие другие, не столь очевидные, вопросы.

Многие философы допускают лишь некоторые типы несуществующих объектов, либо используют различные подходы для каждого типа таких объектов. Как уже упоминалось, С.Крипке, П.Иваген, Н.Салмон допускают существование только устойчивых вымышленных объектов. С.Соамс также полагает, что референтами вымышленных имен являются абстрактные объекты, а референтами остальных «пустых» имен считает объекты, которые существуют, существовали или будут существовать в каком-либо возможном мире. При этом Соамс не рассматривает невозможные объекты, а в тех случаях, когда вышеупомянутые способы не работают, использует подходы сторонников теории прямой референции, вынося значение имен в сферу прагматики⁸⁷.

В данной главе я не имею возможности проанализировать все существующие позиции. Ввиду этого я буду рассматривать только такие подходы, которые, во-первых, включают все типы объектов, которыми могут быть референты «пустых» имен и, во-вторых, предлагают универсальное решение для всех этих типов объектов, то есть, создают некоторую целостную теорию предметов, включающую в себя многообразие всех возможных референтов «пустых» имен. Исключение будет составлять подход Д.Льюиса, рассматривающего лишь вымышленные объекты, точка зрения которого показалась мне интересной в силу того, что вымышленные объекты трактуются им как реальные физические сущности. Как мне кажется, без рассмотрения концепции самого яркого

⁸⁷ Soames S. *Beyond Rigidity*. - Oxford: Oxford University Press, 2002

представителя модального реализма раздел, посвященный несуществующим объектам, понимаемых в качестве обитателей возможных и невозможных миров, был бы неполным.

Рассматривая теории объектов этих авторов, я покажу, каким образом все эти философы решают основные проблемы, встающие в связи с допущением несуществующих объектов, и насколько эффективными оказываются предложенные ими решения. Основные вопросы, которые я буду освещать в связи с теориями объектов, следующие: каким образом та или иная теория определяет онтологический статус несуществующих объектов, каким образом мы можем оценивать истинность предложений с «пустыми» именами, обозначающими такого рода объекты, какой логический инструментарий использует теория, наконец, каким образом она решает основные затруднения, связанные с конкретными типами несуществующих объектов (объектами вымысла, интенциональных актов, науки и т.п.). В качестве примера таких универсальных позиций я рассмотрю подходы Г. Приста, Э. Залты, Т. Парсонса.

Однако перечень позиций современных философов-реалистов был бы не полным без обращения к отправной точке исследований всех этих авторов – теории предметов Алексиуса Майнонга. Считается, что именно он построил первую теорию несуществующих предметов. Как уже было сказано, указанные философы считают себя последователями А. Майнонга. Они отталкиваются от основных принятых им положений и, используя современный логический инструментарий, пытаются в своих построениях избежать тех проблем, которые в свое время заставили отказаться от теории предметов Майнонга. Ввиду этих соображений, перед обсуждением современных точек зрения я приведу краткий анализ важных для нас аспектов теории предметов А. Майнонга.

III. Теория предметов Алексиуса Майнонга

Исходным мотивом построения теории предметов для Алексиуса Майнонга явились не проблемы обозначения, а вопросы онтологии и метафизики. Он начал разрабатывать свою теорию предметов в 1904 году как критику доминирующего на тот момент философского взгляда, так называемого «предубеждения в пользу актуального». Эту теорию он изложил в своих работах «Über Gegenstandstheorie» («О теории объектов» 1904 г.), «Über die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften» («О положении теории объектов в системе наук» 1907 г.), «Über Annahmen» («О допущениях», 1910) и в той или иной мере во всех работах, начиная с 1904 г.

Философы, ученые, метафизики, по мнению Майнонга, занимались исключительно актуально существующими объектами, а именно, в научных и философских теориях фигурировали лишь объекты физического мира. Философы пытались выяснить их

природу, свойства, место, которые они занимали в картине мироздания и т.п. Между тем, для А.Майнонга казалось очевидным, что большая часть объектов мышления и знания оказывается за пределами этой сферы, а физические объекты представляют собой лишь ничтожную часть предметов знания и мышления. Согласно принципу интенциональности, наше сознание характеризуется направленностью на определенный объект и далеко не все из этих объектов нашего сознания являются существующими предметами. Природный интерес ко всему реальному, полагал Майнонг, заставлял нас упускать из виду огромное количество предметов, находящихся за пределами реальности, но, тем не менее, являющихся значимыми для науки и повседневной жизни: это все объекты математики и других наук, воображаемые предметы и люди, герои литературных произведений и невозможные объекты. Все эти предметы, по мнению Майнонга, имели полное право наравне с существующими сущностями занять свое место в новой, всеобъемлющей теории предметов, построением которой он занялся.

Во всем многообразии объектов, считал А.Майнонг, можно выделить четыре основных группы:

1. Действительные объекты физического мира, которые обладают существованием
2. Недействительные объекты: абстрактные объекты и объективы, обладающие наличествованием.
3. Возможные объекты – объекты, обладающие непротиворечивыми характеристиками, но не существующие в актуальном мире по каким-либо причинам. К ним относятся воображаемые предметы и люди, в частности, такие объекты, как золотая гора, Шерлок Холмс, Зевс и т.п..
4. Невозможные объекты – объекты, обладающие противоречивыми характеристиками, исключающими их существование. Например, такого рода объектом является круглый квадрат.

Последние два типа объектов не обладают существованием вообще, а первые два класса существуют в различном смысле. Первая группа объектов (конкретные физические предметы и некоторые свойства) существует (*existieren*), а вторая, абстрактные объекты, по мнению Майнонга, наличествуют (*bestehen*). Последним типом существования обладают, например, число 7, объекты математики, материальная точка, объекты, которые Майнонг называл объективами, и тому подобные объекты, которые в принципе не могут иметь материальной природы, однако при этом их нельзя назвать и несуществующими.

С точки зрения философии языка это означало, что каждое имя существительное будет обозначать объект одного из этих четырех типов. При этом не имеет значения, существует ли предмет, утверждал Майнонг, объекты могут быть и несуществующими.

Для того, чтобы разделить статус предмета и атрибут существования, Майнонг использовал так называемый принцип независимости так-бытия (so-sein) от бытия⁸⁸. Под так-бытием какого-либо объекта подразумевается то, что он всегда обладает рядом характеристик и свойств, а под принципом независимости так-бытия от бытия – то, что объект обладает ими вне зависимости от своего существования. Таким образом, с точки зрения Майнонга, объект обладает характеристиками и свойствами вне зависимости от того, является ли он актуально существующим объектом физического мира, наличествующим абстрактным объектом, возможным или даже невозможным. Например, невозможные объекты обладают с его точки зрения так-бытием, но они не могут обладать каким-либо типом существования, так как являются невозможными. Круглый квадрат и золотая гора не существуют, но круглый квадрат, несомненно, является круглым, а золотая гора - золотой. При этом, Майнонг утверждал, что несуществующие объекты обладают своими свойствами в том же смысле, что и существующие.

Еще одно разделение, вводимое А.Майнонгом в его теории предметов, - это разделение на полные и неполные объекты. Неполный объект – это объект, не все характеристики которого определены. Например, золотая гора является неполным объектом ввиду того, что неизвестна ее высота, проба золота, из которого она состоит и т.п. Неполными объектами являются все объекты, которые не обладают ни существованием, ни наличествованием. Напротив, все объекты, которые обладают любым видом бытия, то есть, существуют как предметы физического мира или наличествуют, являются полными. Очевидно, что любой объект физического мира является полным в силу своей природы, в силу того, что реальное существование предполагает обладание бесконечным множеством характеристик, о многих из которых мы можем и не подозревать. Между тем, наличествующие объекты также могут являться полными. Так, полным объектом является конкретное число, несмотря на то, что оно не существует, а лишь наличествует. Что касается объектов третьего и четвертого видов, то они всегда будут относиться к неполным объектам. Майнонг пишет: «... любой понятийный предмет, например, «определенный» треугольник сам по себе или нет не может иметь бесконечно многие определения <...>. Предметы последнего вида, следовательно, неопределенные предметы...»⁸⁹ Ясно, что объекты, обозначаемые общими понятиями, идеальные объекты, являются неполными. К ним относятся такие объекты как число, треугольник, стол. Платоновские идеи и универсалии также относятся к таким неполным объектам.

⁸⁸ Meinong A. On the theory of objects // Realism and the Background of Phenomenology. - Glencoe, 1960, p. 82

⁸⁹ Майнонг А. Самоизложение. – М., 2003, с. 24

Теория предметов Майнонга имеет иерархическую структуру. Самой простой единицей теории предметов является объект одного из четырех названных выше типов. Над простыми объектами возвышаются сложные, составные объекты, так называемые объективы. Если объекты являются объектами представления, то объективы – мышления. Объективы являются чем-то вроде положений дел, заданных в суждении. У Майнонга мы не видим различий между самим суждением и тем положением дел, которое оно задает. В качестве составных частей объективов могут выступать как простые объекты, так и объективы более низкого уровня. Я не буду подробно останавливаться на сложном понятии объектива и на том, как, согласно Майнонгу, существует сам объектив и его составные части, поскольку в данной работе нас интересуют только предметы, которые могут обозначаться именами, а не суждения.

Итак, перечислив основные актуальные для теории значения тезисы теории предметов, можно интерпретировать их в терминах современной теории референции:

1. Любая обозначающая фраза обозначает некоторый объект
2. Этот объект может быть предметом одного из четырех типов: физическим объектом, абстрактным объектом, возможным объектом или невозможным
3. «Пустые» имена будут обозначать объекты двух последних видов
4. Эти объекты, обозначаемые «пустыми» именами будут представлять собой актуальные, в определенном смысле конкретные (так как мы можем приписывать им свойства, которыми могут обладать конкретные предметы), но несуществующие предметы

Стоит отдельно выделить два важных аспекта теории предметов Майнонга, которые подвергались впоследствии критике и послужили основанием для признания ее запутанной и противоречивой.

Во-первых, в работе «Об обозначении» Бертран Рассел обратил внимание на то, что принятие несуществующих объектов нарушает некоторые законы логики. А именно, высказывания, содержащие имена несуществующих объектов, нарушают закон исключенного третьего, согласно которому относительно любого утверждения, верно либо оно само, либо его отрицание. Рассмотрим высказывания «Нынешний король Франции лыс» и «Нынешний король Франции не лыс». Оба эти высказывания будут ложными, так как, пробегая по всему универсуму объектов, которые являются лысыми или не являются таковыми, мы не обнаруживаем там нынешнего короля Франции. Следовательно, в данном случае принцип исключенного третьего не выполняется.

Также высказывания о несуществующих объектах нарушают закон непротиворечия. Рассмотрим классический пример Майнонга - круглый квадрат. С одной

стороны, круглый квадрат кругл, но в то же время из его квадратности следует то, что он не кругл. Таким образом, круглый квадрат кругл и не кругл, что является противоречием.

Второе затруднение концепции А.Майнонга, на которое впервые также обратил внимание Б.Рассел, состоит в том, что несуществующие объекты обладают свойствами в том же смысле, что и существующие. Майнонг полагал, что несуществующие сущности должны обладать реальными свойствами, так как в противном случае суждения о не существовании этих объектов не могли бы быть проверены, и не имело бы смысла отрицать существование объектов, которые не обладают никакими свойствами: «Очевидно, что объект, существование которого [отрицается] должен обладать определенными свойствами. В противном случае, суждение, что объект не существует, не имело бы ни смысла, ни критериев проверки»⁹⁰. Действительно, скажем, мы утверждаем: «Золотая гора не существует». Предположим, золотая гора является объектом, который не обладает характеристиками в буквальном смысле, а только лишь в нашем воображении. Но тогда, отрицая существование золотой горы, мы отрицаем не существование такого-то и такого-то объекта, но определенной идеи. Между тем, очевидно, что, утверждая «Золотая гора не существует» мы говорим, что не существует объект, обладающий реальными свойствами быть золотой и быть горой.

Однако обладание несуществующих объектов некоторыми свойствами в прямом смысле влечет за собой довольно серьезные сложности. Б.Рассел приводил следующий пример. Представим себе такой объект как существующая золотая гора. Как мы видим, одним из свойств данного объекта является существование, следовательно, если объект обладает всеми своими свойствами в буквальном смысле, то он должен существовать. Даже если мы обойдемся без свойства существования, принадлежность которого к классу свойств вызывала у многих философов сомнения, то и обладание несуществующих объектов свойствами цвета, размера и т.п., также может вызвать аналогичные возражения. Как могут несуществующие объекты обладать свойством, скажем, быть зеленым в том же смысле, что и актуальная трава, растущая на дворе? Такие свойства, как определенный размер, цвет, состав предполагают физическое существование, поэтому совершенно неясно, каким образом ими может обладать несуществующий объект.

Первое затруднение оказалось для теории предметов Майнонга не очень серьезным. Майнонг подчеркивал, что к несуществующим объектам неприменимы некоторые принципы классической логики, которые выполняются для существующих объектов.

⁹⁰ «It is clear, that the object whose existence [is denied] must have certain properties. Otherwise, the judgment, that the object does not exist would have neither sense nor justification». Meinong A. Ueber Annahmen. - 2nd ed. - Leipzig, 1910, p. 79

В частности, утверждал Майнонг, действие закона исключенного третьего не распространяется на неполные объекты. Возьмем в качестве примера такой неполный объект как золотая гора. Если бы мы говорили о золотой горе как о полном объекте, замечание Рассела было бы справедливо, поскольку оба высказывания «Золотая гора выше Эвереста» и «Золотая гора ниже Эвереста» были бы ложными. Тем не менее, согласно Майнонгу, мы не можем приписывать истинностного значения высказыванию «Золотая гора выше Эвереста», поскольку она не является актуально существующим объектом, все признаки которого определены.

Действие другого логического закона – закона непротиворечия, согласно Майнонгу, не распространяется на невозможные объекты вроде круглого квадрата, характеристики которых противоречивы. Такие объекты одновременно обладают и не обладают свойством Р. Но, как и в вышеописанном случае, сфера действия закона непротиворечия, по мнению Майнонга, распространяется лишь на сферу актуально существующего. Заметим, что невозможные объекты, будучи неполными, разумеется, нарушают не только закон непротиворечия, но и исключенного третьего, но только лишь невозможные объекты нарушают закон непротиворечия в силу противоречивости их характеристик (so-sein).

Современные философы-майнонгианцы также считают, что несуществующие объекты не должны подчиняться принципам классической логики. В большинстве случаев они строят особые логики для таких объектов, в основе которых лежит классическое исчисление предикатов, однако те или иные положения классической логики принимаются с ограничениями, либо вместо проблематичных аксиом классической логики вводятся другие аксиомы логики несуществующих предметов.

Второй недостаток концепции Майнонга, по всей видимости, нельзя устранить в рамках его теории предметов. Следствия, к которым ведет принятие того факта, что несуществующие объекты обладают свойствами в том же смысле, что и существующие, считал недопустимым не только Б.Рассел, но и Г.Кюнг⁹¹, П.В.Крун⁹², Г.Гросман⁹³. Этот недостаток признают и сторонники линии А.Майнонга Т.Парсонс, Г.Прист, Э.Залта.

Последователи философа предлагали в своих теориях объектов различные варианты решения трудностей, связанных со свойствами несуществующих объектов.

Ученик Майнонга Эрнст Малли, осознавая трудности с интерпретацией свойств несуществующих предметов, встающие перед теорией своего учителя, ввел два подразделения, касающиеся свойств объектов. Во-первых, Малли выделял два вида свойств –

⁹¹ Kung G. The intentional and real object // *Dialectica*. – 1984. - № 38, Vol 2-3.

⁹² Kroon F.W. Was Meinong only pretending? // *Philosophy and Phenomenological Research*. – 1992. - № 52. Vol 3.

⁹³ Grossmann R. Meinong's doctrine of the «Aussersein» of the pure object // *Nous*. – 1974. - № 8

нуклеарные и экстрануклеарные свойства. Майнонг использовал это разделение в позднем варианте теории объектов. Сегодня подход с двумя типами свойств используют в своих работах такие философы как Т.Парсонс, Р.Чизом, К.Ламберт и другие.

Второе разделение, введенное Э.Малли – разделение на два способа предикации, два типа приписывания свойств объектам. Согласно этой позиции, существует группа свойств, которыми объект обладает в буквальном смысле, т.е. экземплифицирует их, и другая группа, которые он лишь кодирует. Данный подход реализован в исследованиях Э.Залты, Ван Инвангена, Г.Кастанеды, У.Рапапорта и др.

В данной работе я рассмотрю две наиболее известные и универсальные теории, представляющие обе эти версии – теорию объектов Теренса Парсонса и Эдварда Залты.

Начнем свое рассмотрение с теории предметов Теренса Парсонса.

IV. Теория объектов с двумя типами свойств Т.Парсонса

1. Общие положения

В первом пункте данной главы мы уже упоминали, какие задачи хотел реализовать Теренс Парсонс при построении своей теории предметов. Во-первых, философ хотел создать теорию предметов, сохраняющую основные идеи Майнонга, но при этом устойчивую к той критике, которая обычно направлялась в адрес теории австрийского мыслителя⁹⁴. Во-вторых, Парсонс, обратившийся к изучению Майнонга уже после чтения работ Б.Рассела и У.Куайна, был убежден в том, что несуществующие объекты необходимо допустить для того, чтобы отразить в теории значения базовое, интуитивное понимание языка.

Теория Парсонса имеет ряд отличий от теории предметов Майнонга, в целом, можно сказать, что она отличается тем, что Парсонс вводит некоторые упрощения теории предметов.

В отличие от Майнонга, в своей теории объектов Т.Парсонс ограничился рассмотрением лишь конкретных объектов, существующих и несуществующих (таких как люди, столы, единороги, боги Олимпа и т.д.). Абстрактные объекты (числа, свойства, объективы), входящие в теорию предметов Майнонга, им не рассматривались.

Еще одно отличие состоит в том, что Парсонс ограничивается одним типом существования – физическим существованием. Для его обозначения он использует глагол «exist» (существовать) в точно таком же смысле, как те аналитики, которые отвергают несуществующие объекты, то есть, в смысле физического существования. Если объекты физического мира существуют, то несуществующие объекты *имеются (there is)*, но не

⁹⁴ Анализ позиции Т.Парсонса осуществляется по его работе Parsons T. Nonexistent Objects. - New Haven, 1980

существуют. Это разделение Парсонс учитывает и в специально построенной им логике несуществующего посредством введения специальных операторов «существует» и «имеется».

В-третьих, Парсонс не разделял взгляда Майнонга, что все «пустые» имена имеют денотат. Он не признавал противоречивые объекты.

С его точки зрения, такой объект как круглый квадрат не является противоречивым, он лишь не может существовать в реальности, где соблюдаются законы неевклидовой геометрии. Круглость исключает квадратность объекта не необходимо, а только в условиях нашей реальности.

В то же время, по-настоящему противоречивые объекты, с его точки зрения, необходимо не существуют. В частности, объект, задаваемый дескрипцией «объект, который является золотым и не является золотым». Если признать, что объект может обладать абсолютно любыми свойствами, то эта дескрипция обозначает объект, являющийся золотым и не золотым одновременно. Тогда утверждение «х золотой и не золотой» должно быть истинным, но это противоречие. Подобные противоречивые объекты, с точки зрения Парсонса, не могут являться объектами, пусть даже и несуществующими..

Избежать трудностей ранней теории предметов Майнонга Парсонс пытался посредством введения двух типов свойств.

Как уже говорилось, некоторые свойства несуществующих объектов, посредством которых мы их опознаем и характеризуем, влекут за собой существование. Например, свойства быть зеленым, иметь рост 175 см и т.д., состоять из золота. Чтобы избежать проблем, связанных как со свойствами, имеющими экзистенциальные следствия, так и с самим предикатом существования, Парсонс выделяет две группы свойств: нуклеарные и экстрануклеарные.

Итак, нуклеарные свойства – это «внутренние» свойства, посредством которых мы характеризуем и опознаем объект. Например, Холмс имеет свойства быть сыщиком, курить трубку, золотая гора является золотой и т.д.

Вторая группа свойств является «внешней» – она задает то, в каком онтологическом отношении объект состоит к этому миру и к другим мирам, его логические и интенциональные свойства. Эти свойства Парсонс называет экстрануклеарными.

Экстрануклеарные свойства подразделяются на несколько групп:

1. Онтологические: существует, является вымышленным;
2. Модальные: быть возможным, быть невозможным;

3. Интенциональные: быть мыслимым Майнонгом, быть восхваляемым кем-то;

4. Технические: быть полным.

Нуклеарные свойства понимаются как характеристические свойства, не влияющие на существование. То есть, согласно Парсонсу, объекты могут обладать такими нуклеарными свойствами как «быть желтым», «иметь рост 175 см» и т.п. в буквальном смысле, но при этом обладание этими свойствами не влечет за собой существования этих объектов, свойства лишь характеризуют их. Существование и обладание характеристиками оказывается разделенным, как и у Майнонга с его принципом независимости так-бытия от бытия.

Только экстрануклеарные свойства, считает Парсонс, могут указывать на онтологический статус объекта. Например, объект, обладающий нуклеарным свойством «быть желтым», может обладать как экстрануклеарным свойством существования так и несуществования.

То же самое разделение распространяется и на отношения, которые также могут быть нуклеарными и экстрануклеарными. Например, «быть меньше», «быть родственником» – нуклеарные отношения, в то время как отношение идентичности будет экстрануклеарным.

Основными принципами, выполняющимися для свойств объектов, в теории предметов Парсонса являются следующие:

- Два объекта не могут иметь один и тот же набор нуклеарных свойств
- Для любого множества нуклеарных свойств имеется некоторый объект, который обладает всеми нуклеарными свойствами в данном множестве и не обладает никакими другими нуклеарными свойствами.

Отсюда следует, что имеется бесконечное множество объектов, заданных бесконечным множеством произвольных наборов свойств, которые не зависят от нашего сознания: знания о них и от того, говорим ли мы об этих объектах. Отсюда будет также следовать то, что не может быть двух разных объектов, существующего и несуществующего, обладающих одинаковым набором нуклеарных свойств.

Используя понятие нуклеарных свойств, Парсонс дает определение полноты и неполноты объектов. В отношении любого нуклеарного свойства верно, что полным называется такой объект, который либо обладает нуклеарным свойством, либо обладает его отрицанием. Все существующие объекты являются полными, в то время как несуществующие могут быть как полными, так и неполными.

Объекты также могут быть возможными и невозможными. X называется возможным объектом, когда возможно существование объекта, обладающего всеми

нуклеарными свойствами X. Все существующие и некоторые несуществующие объекты возможны.

Важной особенностью несуществующих объектов является то, что они нарушают закон симметричности реляционных свойств. Если Холмс имеет нуклеарное свойство видеть Гладстоуна, то Гладстоун не имеет свойства быть увиденным Холмсом. Закон симметричности реляционных свойств, таким образом, будет выполняться только для реальных объектов.

Теория объектов, предложенная Парсонсом, как он полагает, позволяет решить три проблемы, встающие в связи с постулированием несуществующих объектов: проблему идентичности, проблему отношений между существующими и несуществующими объектами и проблему свойств самих вымышленных объектов.

Начнем с проблемы свойств. Введение нуклеарных и экстрануклеарных свойств позволяет сохранить за несуществующими объектами любые их характеристики без экзистенциальных следствий и считать такие предложения как «Пегас летающая лошадь», «Шерлок Холмс курил трубку» буквально истинными.

Вернемся к примеру Рассела «существующая золотая гора», который он использовал для критики теории Майнонга. Используя деление на два вида свойств, Парсонс решает данную проблему. В рамках его теории данный пример оказывается некорректным, поскольку существование является экстрануклеарным свойством и не может использоваться для характеристики и идентификации объекта, т.е. использоваться в качестве нуклеарного свойства.

В случае если мы все-таки хотим сохранить за свойствами, причисляемыми к экстрануклеарным, характеристическое применение, то можно поступить иначе, утверждает Парсонс: ввести нуклеарные двойники экстрануклеарных свойств. Если свойство существования является в данном случае характеристическим, т.е. используется для опознавания объекта, то оно является нуклеарным свойством, то есть, не будет влечь за собой существования объекта.

Правда, в таком случае возникает вопрос, все ли экстрануклеарные свойства имеют нуклеарных двойников и в каком отношении они состоят друг к другу. Парсонс допускает, что у всех экстрануклеарных свойств имеются соответствующие нуклеарные двойники, являющиеся, по его словам, неким «смягченным вариантом» экстрануклеарного свойства. То, в каком отношении эти свойства состоят к друг другу, по всей видимости, остается до конца неясным даже для него.

Мария Райхер приводит парадокс свойств, который решается при помощи разделения свойств, введенного Парсонсом.⁹⁵ Представим объект, обладающий единственным свойством - быть красным. С одной стороны, он обладает единственным свойством, а с другой, говоря о его единственности, мы приобретаем второе – быть объектом с единственным свойством. Разделение на нуклеарные и экстрануклеарные свойства помогает решить проблему. «Быть красным» является нуклеарным свойством, а «иметь одно свойство» – экстрануклеарным. Таким образом, объект будет иметь одно нуклеарное свойство, и парадокс устраняется.

Еще одна проблема, которую решает теория Парсонса – проблема отношения существующих объектов к несуществующим. Могут ли реальные объекты находиться в отношении к нереальным? На этот вопрос, полагает Парсонс, можно ответить при помощи разделения на нуклеарные и экстрануклеарные отношения. Реальные объекты не могут состоять в нуклеарных отношениях к несуществующим объектам: быть выше, быть светлее, тяжелее и т.п. В то же время реальные объекты вполне могут состоять к несуществующим объектам в экстрануклеарных отношениях: восхищаться ими, поклоняться им, думать о них и т.п.

Тем не менее, часто мы используем нуклеарные отношения, сравнивая характеристики несуществующих предметов с существующими. Каким же образом мы можем осуществлять эти сравнения, если существующие объекты не могут состоять к несуществующим в нуклеарных отношениях? Допустим, некто сравнивает себя с Пуаро, утверждая «Я выше Пуаро».

В таких случаях, полагает Парсонс, мы можем использовать перефразирование, чтобы не использовать нуклеарные отношения. Мы можем перефразировать предложение «x выше y» таким образом: x имеет значение u роста, а y имеет значение роста v и u больше v. Тогда для нашего примера, мы получим:

«Согласно произведениям А.Кристи, x имеет значение u роста, а y имеет значение v и v больше u».

Таким образом, можно производить сравнение существующих и несуществующих объектов, не прибегая к нуклеарным отношениям между ними.

Наконец, Парсонс вводит условия тождества несуществующих объектов, которые позволяют решить еще одно затруднение, встающее в связи с несуществующими объектами – проблему идентичности. Многие противники введения несуществующих объектов указывают на трудности установления идентичности этих объектов. Парсонс

⁹⁵ Reicher M. Nonexistent Objects. [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/>, paragraph.5.2.

формулирует критерий идентичности объектов, используя понятие нуклеарных свойств. Объекты называются идентичными в том случае, если все их нуклеарные свойства совпадают. В противном случае они будут различными.

Посредством этого критерия он отвечает на известный вопрос Куайна о возможном человеке в дверном проеме (см. первую главу работы, страницу 6). Возможных несуществующих людей в проеме будет ровно столько, утверждает Парсонс, сколько будет наборов несовпадающих нуклеарных свойств, то есть бесконечное множество. Будет ли один возможный человек в дверном проеме одним и тем же с другим возможным человеком? – Вопрос сформулирован некорректно, отвечает Парсонс, поскольку не выделен конкретный объект, поэтому мы не можем указать, какими нуклеарными свойствами он обладает, а значит, и сравнивать его с другими возможными объектами.

Обратимся к формализации теории Т.Парсонса. Формальная интерпретация его теории предметов позволяет отразить все введенные философом разделения. Основой формального языка теории является классическое исчисление предикатов, содержащее стандартные символы: кванторы, переменные, константы и связки. Данный формализм отличается от языка классической логики введением отдельных констант и переменных для нуклеарных и экстрануклеарных предикатов, оператора смягчения свойств w , а также интерпретацией квантора существования и введением предиката существования.

Парсонс отказывается от онтологической нагруженности кванторов и делает их экзистенциально нейтральными. Квантор « \exists » будет прочитываться как «имеется» и не будет влечь за собой существования предметов, о которых говорится в высказывании. Для того, чтобы отразить различие между «существует» и «имеется», Парсонс вводит отдельный предикат существования - $E!$.

Тогда выражение «Существует x » можно формализовать следующим образом: “ $\exists x (E!x \ \& \ \dots x \dots)$ », где $E!$ – предикат существования. «Некоторые вещи не существуют» будет иметь следующий вид: « $\exists x (\neg E!x)$ »; «Пегас не существует» - « $\neg E!p$ »; и так далее.

Данный формализм помогает нам развести высказывания «Крылатые лошади имеются» и «Крылатые лошади существуют».

В первом предложении говорится о том, что крылатые лошади имеются, без экзистенциальной нагрузки, в то время как во втором утверждается, что крылатые лошади существуют в физическом мире. Эти предложения будут иметь следующий вид, соответственно:

$\exists x (\text{Лошадь}(x) \ \& \ \text{Крылатый}(x))$;

$\exists x ((\text{Лошадь}(x) \ \& \ \text{Крылатый}(x) \ \& \ E!x)$;

Если первое предложение будет истинным, то второе будет ложным. При этом, данные предложения не вызывают никаких проблем с точки зрения логики.

2. Особенности различных типов несуществующих объектов

а. Вымышленные объекты

Среди несуществующих объектов вымышленные объекты занимают особое место. К данному типу объектов, по мнению Т. Парсонса, можно свести все остальные виды несуществующих объектов, по отношению к которым будут использоваться те же самые подходы, что и по отношению к вымыслу.

Допущение, что имеются вымышленные объекты, вызывает множество интересных вопросов относительно этих объектов, на которые зачастую ответить довольно сложно. В частности, каким образом возникают вымышленные объекты? Обозначают ли имена реально существовавших людей и событий в вымышленных текстах реальные личности и события или все-таки вымышленные объекты? Может ли единственное упоминание в тексте быть основанием для введения объекта? И это далеко не все вопросы, встающие перед философом, допускающим существование вымышленных объектов. Рассмотрим, каким образом отвечает на эти вопросы Теренс Парсонс.

По его мнению, вымышленные объекты имеются как предметы еще до того, как некий автор упомянул о них в своих рассказах. Это естественным образом вытекает из его допущения, что имеется бесконечное множество несуществующих объектов. Какое же действие осуществляет автор, впервые упоминая о них в произведении? Согласно точке зрения Парсонса, автор делает их вымышленными объектами. То есть, акт творения превращает их из несуществующих объектов в объекты фикциональные.

Вымышленные объекты имеют то или иное нуклеарное свойство тогда и только тогда, когда оно приписывается им в историях о них. По мнению Парсонса, вымышленные объекты будут обладать этими свойствами в прямом смысле. Так, Холмс обладает свойствами быть сыщиком, жить на Бейкер стрит и т.д.

Трудность, которая может здесь возникнуть, отмечает Парсонс, связана с интерпретацией литературных произведений. Если разные люди предлагают различные интерпретации одного и того же текста, то должны ли мы считать, что эти интерпретации задают различные объекты или все-таки речь будет идти об одном объекте? Этот вопрос Парсонс оставляет без ответа.

Вымышленные объекты являются неполными объектами, потому как многие из их свойств не определены. Например, мы не знаем, есть ли у Холмса родинка на спине или

нет, а следовательно, он не имеет ни нуклеарного свойства иметь родинку на спине, ни нуклеарного свойства не иметь родинки на спине.

Что касается истинности предложений о вымышленных объектах, то не вполне правомерно утверждать, что такие предложения всегда истинны в буквальном смысле, говорит Парсонс. Мы часто употребляем предложения вида «Шерлок Холмс сыщик», подразумевая при этом «Согласно рассказам Конан Дойла, Шерлок Холмс сыщик». Поэтому мы не можем безоговорочно принимать их буквальную истинность.

В связи с художественными текстами часто возникают неясности относительно того, кого мы можем считать героями истории, а кого - нет. Предположим, автор упоминает о некоей собравшейся толпе. Далее об этой толпе и о конкретных индивидах, составляющих эту толпу, ничего не говорится. Можем ли мы говорить об индивидах, находящихся в толпе, как об отдельных объектах, задаваемых текстом? Парсонс утверждает, что мы не можем говорить о существовании вымышленного объекта, когда о нем нет прямых упоминаний, как о герое повествования, даже если его существование напрямую следует из некоторых предложений.

Как же тогда быть с высказываниями об этих объектах? Предположим, в каком-то рассказе говорится о близнецах. О них говорится только в общем, но не упоминается конкретно о каждом из них. Если у этих близнецов есть мать, о которой говорится в рассказе, то тогда она обладает нуклеарным свойством иметь двух сыновей. Из этого следует, что имеются два вымышленных объекта. В данном случае, полагает Парсонс, будет иметь место лишь один вымышленный объект, близнецы. Тогда высказывания о близнецах и высказывание «Мать имеет двух сыновей» будут истинными в буквальном смысле, а утверждение «Имеется x имеется y ($x \neq y$ & мать обладает x & мать обладает y)» о наличии двух объектов будет истинно только в пределах истории. То же самое правило будет работать и в других случаях.

Наконец, Парсонс выделяет два вида вымышленных объектов – «родные» (native) и «привнесенные» в историю объекты, упоминающиеся в произведении (immigrant). Примером первого рода объектов является такой предмет как Шерлок Холмс, второго - город Лондон. Парсонс утверждает, что такие имена как «Лондон», используемые в историях, не будут обозначать некоторые вымышленные объекты, а будут именовать объекты, существующие в реальности, хотя и не все, сказанное о них в историях, будет верным.

Объектами-иммигрантами оказываются с точки зрения Парсонса и вымышленные персонажи, перенесенные в произведение другого автора. Таким образом, если я пишу

историю о Шерлоке Холмсе, я буду обозначать этим именем тот же самый объект, но он будет иммигрантным объектом, так как был введен в историю другим автором.

Аналогичным образом, как и вымышленные объекты, Парсонс рассматривает объекты мифов, искусства, науки и сновидений.

б. Фантастические объекты и объекты мифов

Итак, к объектам фантастических произведений, мифов и легенд применимо все, что было сказано выше о вымышленных объектах.

Особая проблема, возникающая в связи с такого рода объектами, заключается в том, что целые группы людей в прошлом или в настоящее время считают сказанное в них реальностью. Получается, что одни и те же высказывания об объектах мифов могут быть произнесены с различной интенцией, от которого зависит истинность этих высказываний. В таких случаях при оценке истинности предложения, утверждает Парсонс, нужно обращать внимание на интенцию говорящего. В зависимости от нее употребление соответствующих «пустых» имен рассматривается либо как неудавшееся обозначение актуальных людей, либо как удачное обозначение несуществующих сущностей.

На некоторые вопросы относительно легенд и мифов Парсонс затрудняется дать ответ. Как правило, часть фактов в легенде может быть основана на реальных событиях и связана с реальными людьми. В таком случае не всегда ясно, стоит ли нам считать, что референтом, скажем, имени «Ной» является реальный человек или вымышленный несуществующий объект.

в. Объекты сновидений

Объекты сновидений, считает Парсонс, также можно трактовать как вымышленные объекты. Действительно, между объектами вымысла и сновидения можно найти много общего. В обоих случаях мы имеем дело с некоторой заданной реальностью, в обоих случаях - с полностью вымышленными объектами и объектами, привнесенными туда из реальности.

Однако, есть и различия: в снах, в отличие от литературного произведения, форма восприятия образная.

Сны представляют нам множество примеров неполных и невозможных объектов: человек без определенного лица, объект, одновременно обладающий свойством *p* и не-*p*.

г. Объекты живописи и скульптуры

Для живописи и скульптуры актуально разделение на полностью вымышленные и иммигрантные объекты. Портреты, бюсты и памятники чаще всего отсылают нас к

реально существующим объектам, но в то же время многие произведения искусства задают полностью вымышленные несуществующие объекты.

Несуществующие объекты в живописи и скульптуре задаются именно содержанием, хоть оно в отличие от литературного произведения, выражено преимущественно в образе. Пропозициональная составляющая содержания произведения заключена в его названии. Кроме того, содержание произведения отчасти задается принадлежностью художника к той или иной традиции, которая также играет роль в интерпретации произведения.

Вышесказанное, по мнению Парсонса, не относится к полотнам абстракционистов, сознательно отказавшихся от категории содержания в своих работах. Предметы, изображенные на полотнах последних едва ли можно назвать предметами и они, по мнению Парсонса, не задают несуществующие объекты.

Полностью вымышленные объекты искусства всегда неполны и, как в работах М.Эшера, зачастую невозможны.

д. Объекты науки

С точки зрения Парсонса, разработанная им теория вымысла может решить три проблемы философии науки.

1. Неверно предсказанные наблюдаемые сущности

В середине 19го века французский математик Урбен Леверье ошибочно предположил существование планеты Вулкан, движущейся по орбите между Меркурием и Солнцем. Рассмотрим имя «Вулкан». Обозначает ли оно несуществующую планету или здесь мы имеем дело с неудачной попыткой обозначения реального объекта?

Парсонс полагает, что верно и то, и другое. Вначале, когда это имя использовалось для обозначения реального объекта, имело место неудавшееся обозначение реального объекта. Однако по прошествии времени данное имя стало использоваться иначе – для обозначения вымышленного объекта, ставшего притчей и поучительным примером. В этом смысле, считает Парсонс, планету Вулкан можно сравнить с героем истории.

2. Ненаблюдаемые сущности

Ненаблюдаемые сущности, существование которых не подтверждено научно, могут также рассматриваться в качестве вымышленных объектов. Например, это объекты физики частиц – нейтрино, бозоны Хиггса и т.п.

3. Идеальные сущности

Можно ли считать, что говоря об идеальных объектах науки мы говорим о несуществующих сущностях?

Рассмотрим, к примеру, понятие точечной массы в физике. Точечные массы подчиняются идеальным законам физики и связаны с определенными существующими объектами, представляя собой их идеализированную модель. Так, мы говорим, что Земля вращается вокруг Солнца, представляя оба тела в качестве точечной массы. Если бы мы не допускали такую идеализацию, мы не могли бы в строгом смысле говорить о вращении, поскольку земля не подчиняется строго идеальным физическим законам.

Можно считать, что в данном примере мы говорим о двух несуществующих объектах, обладающих определенными нуклеарными свойствами, задаваемыми теорией.

Парсонс отмечает, что при желании можно рассматривать все объекты в качестве героев истории. Будет ли это полезным или нет – другой вопрос, однако, считает Парсонс, к вышеупомянутым видам объектов его теория может применяться вполне успешно.

V. Теория объектов с двумя типами предикации Эдварда Залты

1. Общие положения

Эдвард Залта является ярким представителем подхода, использующего разделение на два типа предикации. Как уже упоминалось в параграфе I данной главы, Э.Залта убежден в огромной роли, которую играют несуществующие объекты в нашей повседневной жизни, в искусстве и науке⁹⁶. По его мнению, такие объекты, являющиеся частью реальности, в которой существует человеческое общество, должны быть описаны философами в их метафизических теориях и занять в них подобающее место наряду с существующими предметами.

Залта ставит перед собой задачу построить теории таких предметов как: вымышленные объекты, свойства, отношения, математические объекты и объекты других наук, возможные миры, ситуации, моменты времени. Кроме того, Залта включает в эту всеобъемлющую теорию объектов предметы и конструкции, введенные некоторыми философами в своих работах: идеи Платона, монады Лейбница, несуществующие объекты Мейнонга, смыслы Фреге, положения дел раннего Витгенштейна и многие другие. В своей теории объектов Залта предполагал дать ответы на вопросы, каким образом существуют все эти предметы, как они возникают, в каких именно случаях различные

⁹⁶ Изложение позиции Э.Залты ведется по его работам Zalta E. The Theory of Abstract Objects. [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/theory.html> (дата обращения: 14.08.2012); Zalta E. Principia Metaphysica (Draft). [Электронный ресурс]. URL: <http://mally.stanford.edu/principia/principia.html> (дата обращения: 14.08.2012); Zalta E. Referring to Fictional Characters // *Dialectica*. – 2003. - № 57/2. – Pp. 243-254;

выражения языка задают несуществующие объекты того или иного типа и, конечно же, построить адекватную формальную интерпретацию своей теории.

Как мы видим, в своей теории объектов Залта объединяет довольно широкий круг объектов: вымышленные объекты (в данную категорию он включал не только персонажей художественных произведений, героев мифов и объекты визуального искусства, но и объекты интенциональных актов), числа и другие объекты математики и науки, возможные и невозможные миры, формы Платона, положения дел, свойства и многие другие. Стоит отметить, что в отличие от Парсонса, согласно Залте, любое осмысленное имя имеет референт, даже в том случае, когда представляет собой дескрипцию, задающую противоречивые характеристики своего референта. В данном разделе я не буду отдельно анализировать теорию свойств Залты, а также его специальные теории миров, форм Платона, монад Лейбница, теорию ситуаций и времени и т.д. Я кратко рассмотрю, каким образом у Залты представлены объекты, которые могут быть референтами «пустых» имен простых индивидов – вымышленные объекты, объекты интенциональных актов и некоторые объекты науки.

Все названные выше предметы, рассматриваемые в теории предметов Залты, будут представлять собой абстрактные объекты. Согласно Залте, абстрактные объекты представляют собой совокупности свойств, удовлетворяющих определенным условиям. В частности, число π будет представлять собой совокупность свойств, которые приписываются этому числу в теории действительных чисел. Таким образом, можно сказать, что эти совокупности свойств в каком-то смысле существуют в нашем мире, но при этом часть своих свойств они *кодируют*, а другие - экзemplифицируют.

Два способа предикации свойств, кодирование и экзemplифицирование – один из ключевых моментов теории объектов философа. Как уже говорилось, ученик А.Майнонга Э.Малли полагал, что не все объекты могут экзemplифицировать свойства. Так, свойства быть сыщиком, курить трубку могут экзemplифицировать только конкретные объекты. Такой способ предикации работает в случаях «Барсик кот», «У Федора есть две дочери» и т.п. Однако есть другой способ предикации, при использовании которого предложение «Шерлок Холмс сыщик» будет истинным высказыванием. Пользуясь подобными примерами, Малли неформально вводит понятие кодирования свойств, которое Залта использует в своей теории абстрактных объектов.

Формального определения двум способам предикации Э.Залта, также как и Малли, не дает, но демонстрирует это различие на примерах, из которых можно понять, что экзemplификация обозначает такой способ предикации, когда объект обладает приписываемым свойством в буквальном смысле, являя собой и своей природой это

свойство, а кодирование – способ предикации, когда объект обладает свойством не в буквальном смысле. Он лишь характеризуется этим свойством, но не может являть его своей природой.

Разделение на кодирование и экземплярирование дает нам возможность идентифицировать абстрактные объекты. Те свойства, которые объект не может экземплярировать, т.е., которые он кодирует, оказываются более сущностными, чем те, которые этот объект необходимо экземплярирует. Например, свойство быть сыщиком и курить трубку определяет Холмса, отделяя его от других объектов. Но он не может его экземплярировать, так как для этого должен занимать место в пространстве, обладать массой и т.п. В то же время он экземплярирует ряд свойств: например, быть мыслимым Конан Дойлом, быть вымышленным, не-быть сыщиком (так как он является абстрактным объектом). Поясним, почему в теории Залты Холмс и другие несуществующие предметы оказываются абстрактными объектами.

Важным отличием теории Залты от других теорий несуществующих объектов является дефиниция абстрактного объекта, которую он принимает. Абстрактный объект, согласно Залте, – объект, который не может существовать в пространстве и времени. Абстрактные объекты не являются ни ментальными, ни физическими сущностями. В этом смысле любой объект, кодирующий хотя бы одно свойство, будет являться абстрактным. С этой точки зрения под определение абстрактных попадает довольно широкий круг объектов: не только объекты науки и математики, но и вымышленные объекты, объекты интенциональных актов, галлюцинаций, сновидений и т.п. Невозможные объекты как круглый квадрат также являются необходимо не находящимися в пространстве-времени, а потому абстрактными. К абстрактным объектам, согласно Залте, также принадлежат идеи Платона, монады Лейбница, свойства и отношения – все типы объектов, о которых упоминалось выше.

В частности, платоновские формы будут кодировать одно-единственное свойство, объекты науки – кодировать те свойства, которые приписываются им в научных теориях, вымышленные объекты – характеристики, приписываемые им авторами художественных текстов, интенциональные – приписываемые характеристики субъектом интенционального акта и т.п.

Абстрактные объекты, кодирующие те или иные свойства, не принадлежат к классам объектов, задаваемым кодируемым свойством. Так, Пегас, кодирующий свойство быть лошастью, не принадлежит к классу лошадей, круглый квадрат не принадлежит к классу квадратов и т.п.

Тремя важными принципами теории абстрактных объектов, которые также принимаются Залтой, являются следующие:

1. Для любой группы свойств существует абстрактный объект, который кодирует свойства в этой группе;
2. Не может быть двух абстрактных объектов, кодирующих одинаковые свойства;
3. Абстрактные объекты тождественны тогда и только тогда когда они кодируют одни и те же свойства

Как мы видим, эти принципы напоминают исходные принципа теории Парсонса. Первый принцип предполагает, что будут существовать абстрактные объекты, которые кодируют абсолютно любые группы свойств, какими бы они ни были, противоречивыми, взаимоисключающими и т.п. Точно также как и в теории Парсонса, это предполагает существование бесконечного множества абстрактных объектов, независимых от нашего сознания.

Однако в отличие от Парсонса, Залта не налагает ограничений на характеристики объектов: с его точки зрения, могут существовать абсолютно любые объекты, в том числе, объекты, кодирующие все возможные свойства. В рамках теории Залты это не вызывает каких-либо проблем, так как объекты не будут экземплифицировать противоречивые характеристики, а будут только кодировать их.

Абстрактные объекты отличаются от конкретных тем, что только абстрактные объекты могут кодировать свои свойства. Конкретные объекты всегда обладают своими свойствами в прямом смысле, то есть, экземплифицируют их.

Условия идентичности базируются на свойствах объектов. Два конкретных объекта идентичны, если они оба конкретны и если они экземплифицируют одни и те же свойства. Абстрактные объекты идентичны, если они кодируют одни и те же свойства.

Возможные объекты Залта определяет как объекты, которые могут находиться в пространстве-времени, но почему-то там не находятся. Возможные объекты являются неактуальными объектами и не могут кодировать свойства.

Некоторые имена объектов могут пониматься двояко – как имена абстрактных и имена возможных объектов. Например, если мы рассматриваем золотую гору как вымышленный объект, то в данном случае она является абстрактной и актуальной, если же мы рассматриваем ее как неактуальный объект, то она является возможной. Данное разделение помогает решить некоторые затруднения, в частности, затруднения с отрицательными экзистенциальными высказываниями.

Рассмотрим высказывание «Планета Вулкан не существует». В данном случае речь идет не об актуальном абстрактном, а о неактуальном возможном предмете. В контексте

нашего мира данное имя будет пустым и не будет ничего обозначать, а предложение, таким образом, будет истинным.

Теория Залты, на мой взгляд, имеет ряд преимуществ перед теорией предметов Парсонса. Если у Теренса Парсонса объекты обладают нуклеарными свойствами в буквальном смысле и не вполне понятно, как могут несуществующие объекты обладать свойствами, имеющими экзистенциальные следствия, или противоречивыми свойствами, то у Залты объекты будут кодировать эти же свойства – таким образом, ему удастся избежать экзистенциальных следствий и неясности.

Например, круглый квадрат, согласно точке зрения Залты, кодирует свойство круглости и квадратности и экземплифицирует множество свойств – быть не красным, быть мыслимым Майнонгом и т.п. Таким образом, он не нарушает законов логики. Из свойств золотой горы не следует, что она может восприниматься органами чувств, занимает место в пространстве и т.п., так как она обладают соответствующими свойствами в смысле кодирования, из чего мы не можем вывести никаких предполагающих существование характеристик.

Данная теория также легко объясняет и возражение Рассела с существующей золотой горой. Существующая золотая гора только кодирует свойство существования, а такой способ предикации не обладает экзистенциальными следствиями. Залта полагает, что кодироваться могут любые свойства, в том числе и экстрануклеарные, что освобождает его теорию от трудностей, встающих перед теорией Парсонса.

Исчезает и трудность различия между несуществующими и существующими объектами. Как мы помним, согласно классической теории объектов Майннга, несуществующие и существующие вещи могут иметь одинаковые свойства и отличаться лишь существованием и несуществованием. Сами же свойства существующих и несуществующих объектов не отличаются друг от друга. Подобная ситуация имеет место и в подходе Парсонса. Согласно же подходу с двумя способами предикации, между несуществующими и существующими объектами есть четкая граница, они представляют собой различные объекты. Несуществующие объекты имеют мало общих черт с существующими. Они не принадлежат к классам существующих вещей, живых существ и т.п., т.к. только кодируют соответствующие свойства, но не обладают ими в буквальном смысле. Существующие объекты конкретны, несуществующие – абстрактны. Эта стратегия объясняет различия между существующими и несуществующими объектами, различия между их свойствами и местом в мире.

За счет этих особенностей подход с двумя способами предикации очень сильно отличается от теории объектов Майннга. Главное отличие состоит в том, что объекты

Майнонга конкретны, так как отличаются от существующих объектов только тем, что не обладают существованием. Согласно подходу Залты, они абстрактны и лишь кодируют свойства, но не обладают ими в прямом смысле. Эти объекты можно назвать и несуществующими в том смысле, что они не существуют физически, но на самом деле они существуют в нашем актуальном мире, но совершенно иным образом – как совокупности свойств.

Для формализации своей теории Залта использует классическую модальную логику, модифицированную таким образом, чтобы включить определенные дескрипции, которые в его теории являются жесткими дескрипторами. Стоит отметить, что логика Залты дополнена специальными символами для пропозиций, по которым также происходит квантифицирование.

Как и в теории Парсонса, кванторы у Залты не несут экзистенциальной нагрузки. Выделяется две сферы, по которым осуществляется квантифицирование: сфера существующего и несуществующего.

Залта использует специальные обозначения для кодирования и экземпляризации свойств. За экземпляризацией сохраняется традиционное обозначение предикации, $C(x)$, а кодирование обозначается $(x) C$.

Кроме того, Залта ограничивает действие некоторых принципов классической логики для несуществующих объектов. В частности, закон исключенного третьего выполняется только в отношении конкретных предметов, которые экземплярируют свои свойства, для тех же предметов, которые кодируют свойства, этот закон не выполняется. Этим устраняются случаи нарушения несуществующими объектами законов логики, когда, например Холмс не кодирует ни свойство иметь родинку на левой ноге, ни свойство не иметь родинку на левой ноге.

Залта вводит ряд предикатов, которые применяются к объектам, которые рассматриваются в его теории.

Предикат: $\exists!$ - предикат существования. Существование объекта будет утверждаться так же, как и в системе Парсонса (см. предыдущий раздел).

$O!$ – конкретный объект, который определяется как имеющий место в пространстве и времени.

$A!$ – абстрактный объект, который определяется как объект, который не может находиться в пространстве и времени.

2. Особенности различных типов несуществующих объектов

Рассмотрим, каким образом в теории Залты представлены вымышленные объекты (как уже говорилось, также как и Парсонс вымысел понимается Залтой достаточно

широко: вымышленными объектами будут не только персонажи историй, но и мифов, сновидений, объекты интенциональных актов). Согласно Залте, вымышленные объекты задаются содержанием, которое, в свою очередь, задается высказываниями вымышленного текста (мифа, образами сновидения, содержанием интенционального акта и т.п.).

С точки зрения Залты, некоторые предложения о вымысле не являются буквально истинными, но могут быть таковыми лишь в пределах вымышленного текста. Другие предложения, выходящие за рамки вымышленного контекста, такие как высказывания литературной критики и т.п., могут быть истинными в буквальном смысле.

Например, рассмотрим предложение «Раскольников убил старуху-процентщицу». Оно будет истинным только в рамках истории. Между тем, теория Залты предоставляет возможность дать адекватное представление другим предложениям, которые будут считаться буквально истинными. Например, это такие высказывания как:

«Шерлок Холмс вдохновляет реально существующих сыщиков» $\exists x(\text{Сыщик}(x) \ \& \ E!x \ \& \ \text{ВдохновляетХолмс}(x))$

Не существует вымышленных героев: $\exists x(\text{Вымышленный}(x) \ ! \ \neg E!x)$

Цезарь поклонялся тому, что не существует: $\exists x(\neg E!x \ \& \ \text{ПоклонялсяЦезарь}(x))$

Сами вымышленные истории также являются с точки зрения Залты абстрактными объектами. Они задаются набором свойств, а эти свойства представляют собой совокупность высказываний, истинных в рамках этого вымышленного текста.

Объект является героем той или иной истории в том случае, когда есть некоторое свойство, которое данный объект экземплифицирует в рамках данной истории. То есть, мы можем говорить, что Шерлок Холмс является вымышленным объектом, когда названо хотя бы одно свойство, которым он обладает в рамках истории. Свойства, которые объект экземплифицирует в рамках истории, будут им кодироваться вне ее контекста.

Как и Парсонс, Э.Залта выделяет «родные» объекты (native) по отношению к истории. В его теории объектов такими объектами будут такие герои истории S, которые не упоминались ранее в другой истории.

Нельзя сказать, что сами вымышленные объекты возможны, так как они являются абстрактными сущностями, которые в принципе не могут существовать в пространстве-времени. Однако нельзя исключать, что возможны объекты, которые экземплифицируют тот набор свойств, который кодирует вымышленный объект. Но это принципиально иные, отличные от вымышленных объекты.

Здесь теория Залты отличается от точки зрения Парсонса. Как мы помним, согласно Парсонсу, не может быть двух объектов с одинаковыми нуклеарными

характеристиками, которые отличаются лишь наличием или отсутствием экстрануклеарного свойства существования. Тогда в случае, если реально существует объект, обладающий свойствами, приписанными вымышленному герою в рассказах некоторого автора, имя вымышленного персонажа будет обозначать этот реальный объект, что, на мой взгляд, неверно. В этом смысле, теория Залты, как мне кажется, дает нам более правдоподобную модель соотношения вымысла и реальности. Вымышленные объекты – особого рода сущности, и хотя в реальности могут существовать объекты с такими же характеристиками, они никогда не могут быть референтами вымышленных имен.

Стоит упомянуть о другом виде объектов, рассматриваемых Залтой, - объектах математики и науки.

Математические теории, с точки зрения Залты, представляют собой абстрактные объекты, кодирующие пропозициональные свойства. Эти пропозициональные свойства задаются положениями, сформулированными на специальном математическом языке. В отличие от вымысла, в теориях считается истинным не только то, что буквально утверждается в них, но и то, что вытекает из их положений.

Объекты математики будут кодировать свойства, которые приписываются им в соответствующих теориях. В рамках этих теорий они будут экземплифицировать эти свойства.

VI. Несуществующие объекты как обитатели возможных и невозможных миров

1. Возможные миры: история и основные принимаемые положения

Еще со времен Аристотеля понятия модальностей использовались для анализа философских проблем. В первой половине XX в. К.И.Льюис создал первую модальную логику, формализующую применение модальностей. Строго говоря, модальная логика используется для формального представления высказываний вида «необходимо, что р» и «возможно, что р», однако иногда под ней понимают более широкую совокупность родственных систем, включающую в себя деонтические, временные логики, логики убеждения и т.п.⁹⁷.

После построения первых систем модальной логики было необходимо дать им адекватную семантическую интерпретацию. Эта семантика, получившая название семантики возможных миров, была построена в работах С.Крипке. У истоков современной

⁹⁷ Garson J. Modal logic. [Электронный ресурс]. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/logic-modal/> (дата обращения: 17.03.2012).

модальной логики также стоят Р.Карнап, Я.Хинтикка, Р.Монтегю, Д.Льюис, А. Прайор, А. Плантинга.

Изначально семантика возможных миров использовалась в качестве удобной модели, позволяющей задать условия истинности высказываний о необходимости и возможности, для установления которых было недостаточно инструментов классической логики. В частности, принималось, что высказывание является необходимо истинным в том случае, когда оно было истинным во всех возможных мирах.

Однако в последние десятилетия семантика возможных миров стала также активно использоваться в несколько иной плоскости: некоторые философы предлагали рассматривать определенные категории несуществующих объектов как объекты, существующие в возможных мирах. В частности, было предложено перенести в возможные миры те предметы, которые лишились статуса объектов в рамках парадигмы Рассела-Куайна: это объекты вымысла, науки, индивидуального сознания и другие. Семантику возможных миров для представления таких объектов использовали Д.Льюис, Г.Прист, С.Соамс и другие. Согласно их взглядам, можно рассматривать некоторые несуществующие объекты как неактуальные, но возможные сущности, населяющие возможные миры. В этом случае, этот подход охватывает лишь те несуществующие объекты, которые возможны: некоторые объекты вымысла и интенциональных актов. Кроме того, можно допустить невозможные и внутренне противоречивые миры, в которых существуют соответствующие невозможные объекты. Эти взгляды будут рассмотрены в последующих разделах после краткого обзора существующих сегодня точек зрения на природу возможных миров.

О возможных мирах с точки зрения модальной логики

Первый вопрос, естественным образом возникающий при знакомстве с семантикой возможных миров, заключается в том, что собой представляют эти миры. Понимать ли их как некую реальность, отличную от нашего мира (т.е. онтологически) или как альтернативное видение нашего мира (т.е. эпистемологически)?

С точки зрения построения формальной системы, вопрос об онтологическом статусе возможных миров не является важным. Возможные миры - всего лишь конструкция, представляющая собой базовый элемент модальной семантики, и их онтологический статус безразличен для этой системы.

Тем не менее, когда мы используем возможные миры для представления несуществующего, вопрос о природе и онтологическом статусе возможных миров

непрерывно встает перед нами, поскольку от ответа на него напрямую зависит то, какую сущность и природу будут иметь рассматриваемые нами несуществующие объекты.

В современной философии существует два основных способа рассмотрения возможных миров с позиции онтологии: модальный реализм и актуальный репрезентационализм, соответственно отражающие онтологический и эпистемологический подходы к возможным мирам⁹⁸.

Согласно модальному реализму, возможные миры имеют тот же самый онтологический статус, что и актуальный мир, поэтому и объекты этих миров существуют в том же смысле, что и объекты актуального мира. Самая известная версия этой точки зрения, теория модальных двойников, принадлежит Дэвиду Льюису. Согласно Льюису, возможные миры не являются абстрактными сущностями, они конкретны. Для Льюиса возможные миры представляют собой пространственно-временные целостности, а возможные объекты, являющиеся частями этих целостностей, реальны в том же смысле, что и объекты нашего мира, но неактуальны. Объекты в возможных мирах не состоят в пространственно-временных отношениях к актуальному миру и к другим неактуальным мирам. Актуальность является относительным понятием: мы рассматриваем наш мир как актуальный потому, что сами находимся в данном мире. Точно также обитатели иных возможных миров считают актуальным миром тот мир, в котором находятся они сами.

Согласно актуальному репрезентационализму, актуальный мир – репрезентация того, как в действительности обстоят дела во Вселенной, а возможные миры – максимально последовательная репрезентация того, как они могли бы обстоять. В разные периоды своей работы этого подхода к возможным мирам придерживались Р.Карнап, Р.Адамс, Д.Армстронг, Я.Хинтикка и другие.

Важно отметить, что согласно большинству версий актуального репрезентационализма, Вселенная не является актуальным миром. Актуальный мир также является репрезентацией, так как он принадлежит к возможным мирам. Вселенная содержит в себе свои репрезентации как абстрактные объекты. Таким образом, возможные миры, в отличие от трактовки модального реализма, оказываются в рамках такого подхода абстрактными сущностями. Возможные объекты в таких мирах могут рассматриваться как в качестве реальных, т.е. обладающих всеми характеристиками в буквальном смысле, так и абстрактных.

⁹⁸ Yagisawa T. Possible objects. [Электронный ресурс]. URL: www.plato.stanford.edu/entries/possible-objects/ (дата обращения: 03.05.2012)

Безусловно, могут существовать и пограничные взгляды на природу возможных миров, например, умеренный модальный реализм Роберта Сталнейкера, взгляды Г. Приста также можно назвать компромиссом между репрезентационализмом и реализмом.

Теперь рассмотрим основные положения, которые принимаются в модальной логике относительно возможных миров:

- Наш мир является одним из возможных миров
- Истинность и ложность предложений утверждается в пределах конкретного мира
- По крайней мере некоторые пары миров связаны отношением относительной возможности или «доступности»
- Миры являются полными: для каждого предложения p и мира w , если p неистинно в мире w , тогда $\neg p$ истинно в w .
- Миры непротиворечивы: для каждого предложения p и мира w , если p истинно в мире w , то $\neg p$ ложно в w .

Как было сказано, некоторые миры связаны отношением «достижимости» или относительной возможности. Возможность мира $B2$ относительно $B1$ означает, что нечто, верное в $B2$ возможно в $B1$. Каждый мир возможен относительно самого себя, так как все, что истинно в этом мире, одновременно является и возможным.

Понятие относительной возможности используется для определения необходимости. Быть необходимым, как считалось со времен Лейбница, означает, иметь место во всех возможных мирах. То есть, для всех миров w «Необходимо p » является истинным по отношению к мирам w если p истинно в каждом мире, возможном относительно w .

Понятие абсолютной истины заменяется в семантике возможных миров на понятие истины в рамках возможного мира. Например, предложение «Москва столица России» будет истинным только по отношению к нашему актуальному миру. Существует, однако, группа истин, которые истинны во всех возможных мирах. Например, математические аксиомы и другие истины, называемые необходимыми. Соответственно, отрицание необходимых истин является ложным во всех возможных мирах, т.е. необходимо ложным.

Полнота возможных миров не является необходимым условием для модальной семантики, но как правило в модальной логике оно принимается как исходное допущение.

В данной главе, не имея возможности рассмотреть подходы всех философов, использующих возможные миры для объяснения природы несуществующих объектов, я ограничусь двумя подходами, представляющими две интерпретации возможных миров –

модальный реализм и актуальный репрезентационализм, принадлежащими соответственно Д.Льюису и Г.Присту.

2. Модальный реализм Д.Льюиса

Дэвид Льюис применяет свою теорию модальных двойников для представления вымышленных объектов. Начнем свое рассмотрение теории вымысла Льюиса с общих положений, принимаемых им относительно возможных миров, а затем перейдем непосредственно к вопросу о том, каким образом он рассматривает вымышленные объекты в качестве обитателей этих возможных миров.

Согласно отечественному исследователю творчества Льюиса А.А.Веретенникову, можно выделить 8 постулатов модального реализма Д.Льюиса⁹⁹:

1. Возможные миры существуют в той же мере, как и наш актуальный мир;
2. Возможные миры нельзя свести к чему-то более простому; они являются нередуцируемыми сущностями;
3. Возможные миры принадлежат к той же онтологической категории, что и наш актуальный мир, они отличаются от него только своим содержанием;
4. «Актуальность» является индексальным понятием, мы отличаем наш мир от остальных возможных миров только потому, что «находимся» в нем;
5. Возможные миры не связаны пространственно-временными отношениями друг с другом;
6. Возможные миры каузально изолированы друг от друга; ни одно событие в одном из миров не может вызвать событие в другом;
7. Возможные миры представляют собой полные универсумы, в каждом из которых заключено все, что может в нем содержаться; мир является мерологической суммой входящих в него индивидов;
8. Не существует «невозможных» возможных миров: логическое противоречие является ограничением того, что может существовать.

Теперь остановимся на некоторых из этих постулатов подробнее. Итак, согласно Льюису, возможные миры конкретны, материальны, подобны нашему миру и отличаются от него в малой степени – теми возможностями, которые оказались реализованными в этих мирах, но не реализованными в нашем мире.

⁹⁹ Веретенников А.А. Философия Д.Льюиса. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М.: ИФ РАН, 2007

Другое важное положение, принимаемое Льюисом, состоит в различении реальности и актуальности. Реальность с его точки зрения включает все нереализованные в нашем мире возможности и возможные миры. Актуальность – гораздо более узкое понятие, включающее в себя мир, в котором живем мы. В то же время актуальность – понятие относительное по отношению к тому миру, где находится тот или иной объект. Обитатели других миров будут считать свой мир актуальным и будут в этом правы: для них актуальность в действительности будет представлена тем миром, в котором они находятся. Объективного актуального, с точки зрения Д.Льюиса, не существует.

Третье положение, важное для анализа вымышленных объектов, состоит в том, что миры логически непротиворечивы, что является неизбежным следствием их конкретности. Необходимость непротиворечивости миров порождает трудности при толковании противоречивых объектов, встречающихся в художественных произведениях.

Стоит упомянуть о свойствах возможных миров. Суждения, выполняемые в определенном мире, представляют собой, согласно модальному реализму, свойства данного мира. Таким образом, возможный мир задается совокупностью выполняемых в нем суждений. Суждения являются для возможного мира тем же самым, что и свойства «быть миром, по отношению к которому выполняется данное суждение».

Перейдем теперь к тому, каким образом Льюис представляет вымышленные объекты в возможных мирах.

Модальный реализм Льюиса позволяет представить вымышленные объекты таким образом, как они описываются в соответствующих художественных произведениях – как реальные, конкретные предметы из плоти и крови. Согласно точке зрения Льюиса, вымышленные объекты представляют собой реальные, но не актуальные сущности, населяющие такие же реальные, но неактуальные возможные миры. То, что они являются неактуальными, объясняет их отсутствие в нашем мире, а их реальность согласовывается с тем описанием, которое им дается в вымышленных произведениях, где они описываются как реальные люди, взаимодействующие с такими же людьми в реальном мире. В возможных мирах полностью реализуются ситуации из тех или иных произведений, свойства героев этих произведений, отношения, в которые они вступают друг с другом, описанные в художественных произведениях о них. Операторы вымысла или интенциональные операторы, о которых упоминалось в первой главе, интерпретируются как квантифицирующие по возможным мирам¹⁰⁰. Таким образом, когда мы говорим: «Согласно трем мушкетерам, р» это будет иметь следующий вид: «В каждом возможном мире, в котором все так, как в «Трех мушкетерах», р».

¹⁰⁰Lewis D. Truth in Fiction. // American Philosophical Quarterly. -1978. - № 15.

Понимание несуществующих объектов Льюисом отличается как от взгляда Майнонга, так и от концепций, согласно которым эти сущности будут иметь абстрактную природу. Если Льюис считал вымышленные объекты реальными, то Майнонг считал их несуществующими. Если у Залты эти же предметы рассматриваются как реальные, актуальные, но абстрактные, то у Льюиса они конкретны, но неактуальны.

Согласно точке зрения Льюиса, нет единственного мира вымысла, отображаемого каждым конкретным вымышленным текстом. Вымышленные тексты всегда остаются неполными в том смысле, что в них фиксируются далеко не все характеристики вымышленных объектов; каким бы подробным не было описание героя, оно не может охватить все его характеристики. Всегда остаются такие свойства героя, относительно которых не известно ничего в принципе. Между тем, исходным условием допущения возможных миров для Льюиса выступает их полнота. Поэтому в концепции философа одному вымышленному тексту будет соответствовать целое множество возможных миров, в каждом из которых реализуется то или иное возможное свойство объекта, о котором ничего не сказано в тексте. Например, историям о Шерлоке Холмсе будет соответствовать множество возможных миров, в одних из которых у него будет четное количество волос на голове, в других – нечетное и т.д.

Для того, чтобы отличать друг от друга различные вымышленные тексты, в которых фигурируют одни и те же персонажи, Льюис предлагает рассматривать вымышленные тексты не как совокупность высказываний, а как результат акта рассказывания истории. Таким образом, даже если допустить такое маловероятное событие, как полное совпадение текстов двух рассказчиков, мы сможем отличить друг от друга героев их повествований ввиду того, что эти рассказы являются результатом двух разных действий рассказчиков.

В своей статье «Truth in Fiction» Льюис затрагивает такой вопрос как истинность предложений о вымысле. Кажется, что дать определение тому, что истинно в рамках вымышленного текста довольно просто: то, что истинно в рамках вымышленного текста, это то, что будет истинным в таких возможных мирах, в которых реализовано все, что описано в том или ином вымышленном тексте

Однако, во-первых, из множества этих миров стоит исключить наш мир, чтобы избежать случайного совпадения с неким объектом нашего мира, носящего такое же имя, что и герой вымышленного текста и имеющего соответствующие свойства. В противном случае, при таком совпадении мы получили бы, что вымышленное имя обозначает реальный объект, нашего мира и все описываемое в тексте буквально истинно в нашем мире, что неверно.

Во-вторых, также необходимо, считает Льюис, ограничить рассматриваемое множество миров теми, которые отличаются от нашего мира в как можно меньшей степени, которой достаточно для того, чтобы в этом мире были реализованы события определенного вымышленного произведения. Это условие необходимо для того, чтобы в возможном мире содержалось то, что неявно предполагается автором истории. В частности, Конан Дойл не упоминает в рассказах о Шерлоке Холмсе, насколько далеко будет находиться, согласно рассказу, Лондон от Ватерлоо. Однако нет никаких оснований предполагать, что география земного шара может быть иной в возможном мире рассказов о Шерлоке Холмсе, скорее эти тексты неявно предполагают то, что не упомянутое в тексте остается вне каких бы то ни было изменений.

Для двух вышеуказанных целей Льюис принимает два ограничения:

- Мы рассматриваем лишь те миры, в которых сказанное в истории является реальным фактом;
- Мы рассматриваем лишь те миры, которые отличаются от актуального мира ровно настолько, насколько это необходимо для того, чтобы сказанное в художественном тексте имело место в действительности;

Но тогда мы получаем, что истинным в рамках вымысла оказывается почти все, что имеет место в нашем современном мире и не противоречит тексту произведения. Например, мы получим, что согласно шекспировскому «Гамлету», Гамлет страдал от эдипового комплекса. Однако это выглядит странным, так как Фрейд создал свою теорию психоанализа уже после того, как Шекспир написал «Гамлета». Осознавая эти затруднения, Льюис предлагает другой вариант второго допущения. Нужно рассматривать такие миры, в которых реализованы те ситуации и события, которые считались реальными фактами сообществом, включающим автора и его аудиторию на момент написания произведения, если бы история рассказывалась не как вымысел, а как имеющая место в действительности. Второй подход, на первый взгляд, является более удачным, поскольку сообщество времени Шекспира, незнакомое с теорией Фрейда, не будет считать фактом то, что Гамлет страдал от эдипового комплекса. В то же время, сообщество может быть убеждено в каких-то фактах, которые не имеют отношения к истории или в истинности некоторых положений, которые на самом деле ложны. Все эти положения в рамках данного подхода окажутся истинными, согласно вымышленному тексту, что также противоречит интуиции. Мы вновь получаем, что при таком подходе истиной в рамках вымысла может оказаться почти все, что угодно.

Еще одна проблема, к которой обращается Льюис в своей статье – каким образом в непротиворечивых возможных мирах могут реализовываться противоречивые события и герои.

В художественных произведениях могут происходить невозможные события, или события, противоречащие друг другу. Так, в некоторых фантастических рассказах герой может вернуться в прошлое и убить своих родителей, предотвратив тем самым свое появление на свет. Получается, что одновременно герой родился и не родился, то есть выполняется p и $\neg p$. Выше было сказано, что одной из исходных посылок Льюиса является непротиворечивость возможных миров. Каким же образом Д.Льюис решает проблему представления внутренне противоречивых произведений?

Философ предлагает разделить противоречивую историю на ряд непротиворечивых фрагментов. Эти непротиворечивые фрагменты будут реализованы в различных возможных мирах и, таким образом, будут давать нам возможность устанавливать истинность высказываний таких текстов. То есть, согласно противоречивой истории, p будет иметь место в одном множестве миров, а $\neg p$ в другом.

Но осуществить такое разделение, по замечанию Д.Продфут (Proudfoot),¹⁰¹ не всегда оказывается возможным. Она предлагает нам вообразить историю, героем которой будет круглоквадратное существо. В данном случае разделение на фрагменты повлекло бы за собой потерю смысла истории. На невозможность разделения историй на непротиворечивые фрагменты указывает и создатель семантики противоречивых и невозможных миров Грахам Прист (его концепция будет рассмотрена в следующем разделе).

Несомненным плюсом концепции Льюиса является то, что принимаемая в ней реальность вымышленных объектов и их материальная природа, позволяет избежать проблем референции вымышленных имен. Референтами имен оказываются конкретные реальные объекты в возможных мирах, что снимает вопрос, волнующий многих философов: каким образом нематериальные объекты могут быть референтами имен.

С другой стороны, едва ли Конан Дойл мог допустить, создавая Шерлока Холмса, что его герой будет существовать как реальный человек из плоти и крови в некоторой иной реальности. Создавая определенный персонаж, и автор, и его аудитория предполагают, что это несуществующий объект, обладающий материальной природой лишь в воображении, но никак не в реальности, пусть и некоторой реальности, отличной от нашего мира.

Основные два возражения рассмотрению несуществующих объектов как возможных, актуальные и по отношению к концепции Д.Льюиса, состоят в

¹⁰¹ Proudfoot D. Possible Worlds Semantics and Fiction // Journal of Philosophical Logic. – 2005. - № 35, p.27

множественности референтов имени «Шерлок Холмс» и отсутствии критерия идентичности у возможных объектов. Есть и другие затруднения, с которыми сталкивается представление несуществующих предметов как объектов в возможных мирах вообще и концепция Д.Льюиса в частности. Более подробно эти затруднения будут рассмотрены в параграфе VII.

Теперь перейдем к рассмотрению концепции Грахама Приста, в которой допускается существование невозможных и неполных миров.

3. Неполные и невозможные миры Г.Приста

Общие положения

В работах Грахама Приста исследуются возможные, неполные и невозможные миры, населенные различного рода объектами¹⁰². В отличие от позиции Д.Льюиса, возможные и невозможные миры трактуются Пристом как несуществующие объекты. Миры, населенные абстрактными объектами, будут иметь абстрактную природу, однако остальные миры не будут абстрактными в том случае, если могли бы вступать с нами в каузальные отношения при условии своего существования. Согласно точке зрения философа, такие объекты как миры обладают своими логическими свойствами, в том числе и в актуальном мире.

Согласно позиции Грахама Приста, любая обозначающая фраза имеет референт. Объекты, являющиеся денотатами «пустых» имен, существуют в различных возможных или невозможных мирах, но не существуют в актуальном мире. Критерием существования объекта и способом его задания (в возможном или невозможном мире), согласно Присту, выступает ментальная репрезентация индивида: объект будет существовать только в том случае, если его можно помыслить, и будет иметь те свойства, которые приписал ему индивид в ментальной репрезентации.

В своей теории объектов Г.Прист рассматривает несколько видов несуществующих в актуальном мире объектов. Это объекты интенциональных состояний – без каких бы то ни было ограничений, кроме возможностей человеческого воображения: все, что можно помыслить, является интенциональным объектом. Вторая группа объектов, рассматриваемая в концепции Приста – вымышленные объекты, описанные в литературных произведениях, мифах и т.д. К третьей группе относятся абстрактные объекты: математические объекты, идеальные объекты науки и т.д. В четвертую группу объектов входят возможные и невозможные миры.

¹⁰² Изложение позиции Г.Приста осуществляется по его работе Priest G. Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality. - Oxford, 2005

Ментальные репрезентации, как уже было сказано, задают свойства объектов в других мирах. Каждой ментальной репрезентации будут соответствовать объекты в мирах, отображающих данную репрезентацию.

Ментальные репрезентации индивидов, задающие объекты в других мирах, не ограничены ничем, кроме воображения индивидов. Мы можем размышлять об объектах, какими бы свойствами они ни обладали – характеристическими или иными (например, существованием), взаимоисключающими и т.п. Если объекты вымысла и интенциональных актов, как правило, задаются индивидами произвольно, без внешних ограничений, налагаемых на их характеристики, то для абстрактных объектов науки, которые также задаются репрезентациями, могут действовать определенные ограничивающие правила, установленные парадигмой, теорией, в рамках которой создаются новые объекты.

Несмотря на то, что Прист позиционирует себя как сторонник А.Майнонга, его взгляды существенно отличаются от позиции австрийского философа. Если Майнонг выделял существующие (конкретные, физические) объекты, наличествующие (абстрактные – например, числа и свойства) и объекты, которые вовсе не существуют, то Прист считал, что существуют только конкретные объекты, а все остальные объекты – возможные, абстрактные и невозможные не обладают каким бы то ни было существованием в данном мире. Таким образом, Прист отказывается от второго типа существования, которым обладали абстрактные объекты у Майнонга. Вторым отличием концепции Приста от взглядов Майнонга является то, каким образом несуществующие объекты, с точки зрения двух философов, обладают характеристиками. Как уже говорилось, Майнонг полагал, что несуществующие объекты обладают своими характеристиками в таком же буквальном смысле, как и существующие (принцип характеристики Майнонга). Для того, чтобы избежать нежелательных следствий этого взгляда, Прист использует семантику возможных миров, позволяющую ему представить объекты, которые Майнонг считал несуществующими, как реальные объекты, обладающие своими свойствами в буквальном смысле, но в соответствующих возможных и невозможных мирах, в которых реализована ментальная репрезентация объекта. Таким образом, Прист ограничивает сферу действия принципа характеристики теми мирами, в которых реализована репрезентация объекта, и отвергает другой фундаментальный принцип теории предметов Майнонга – разделение бытия и так-бытия (*sein* и *so-sein*), который гласит, что свойства объекта не зависят от его бытия. Напротив, согласно Присту, ряд свойств предполагает существование объекта.

Такая трактовка принципа характеристики позволяет Присту рассматривать существование в качестве одноместного предиката. Так как объекты обладают всеми своими свойствами только в тех мирах, в которых они существуют, в связи с тем, что существование является свойством, не возникает нежелательных онтологических следствий.

Почему Прист считает целесообразным рассматривать существование как свойство объектов? Это вытекает из того, что отправной точкой построения теории объектов для него выступает их мыслимость. Выделение двух типов свойств, как у Теренса Парсонса, представляется философу искусственным решением технических трудностей, связанных с несуществующими объектами. В действительности, считает Прист, когда мы мыслим некоторый объект, кажется, что он обладает всеми приписываемыми ему свойствами, как нуклеарными, так и экстрануклеарными, в равной мере. Кроме того, в некоторых случаях существование может быть характеризующим свойством, которое помогает идентифицировать объект.

Согласно Присту, несмотря на то, что несуществующие в нашем мире объекты существуют в иных мирах, объектная область всех миров одинакова вне зависимости от экзистенциального статуса объекта в данном мире. Это означает, что объекты каким-то образом присутствуют во всех мирах, обладая в них по крайней мере свойством самотождественности. Можно допустить объекты, которые не существуют ни в одном мире, но несмотря на это, все равно обладают свойством самотождественности в мирах, где этот принцип сохраняется. В актуальном мире единственными истинными предложениями о несуществующем будут предложения, устанавливающие идентичность несуществующих объектов. Другие высказывания относительно их свойств истинны только в других мирах.

Как уже говорилось, объекты задаются нашей ментальной репрезентацией. Согласно Присту, объекты обладают не только теми свойствами, которые напрямую приписываются им в репрезентации. Из характеристик, которые индивид присваивает объекту в его репрезентации, могут быть выводимы свойства, которые непосредственно не осознаются тем, кому принадлежит эта репрезентация, однако предполагаются ею. Например, в своем воображении я представляю кота. Я приписываю ему некоторые характеристики, однако, непосредственно не думаю о том, что у него есть усы. Между тем, то, что данный объект является котом, предполагает, что он обладает усами, если конечно в своей репрезентации я сознательно не акцентирую внимания на том, что у данного конкретного кота они по каким-то причинам отсутствуют. Обладание усами выводимо из того, что данный объект является котом, несмотря на то, что эта

характеристика не присваиваются говорящим данному объекту на сознательном уровне. Согласно Присту, объект обладает всеми свойствами, которые приписываются репрезентацией и выводимы из нее в пределах тех миров, в которых он существует.

Ментальная репрезентация всегда задает неполный объект, поскольку невозможно помыслить все возможные характеристики объекта. Неполный объект, как говорилось выше в общем разделе, посвященном семантике возможных миров и модальной логике, не может существовать в возможном мире. Поэтому, согласно Присту, для того, чтобы быть реализованной в возможном мире, ментальная репрезентация должна быть дополнена рядом случайных свойств таким образом, чтобы все эти свойства в совокупности задавали полный объект. Ввиду того, что существует бесконечное множество случайных свойств, которыми может быть дополнена репрезентация в каждом из возможных миров, одной ментальной репрезентации будет соответствовать множество объектов в различных мирах, в каждом из которых репрезентация будет дополняться различными случайными свойствами. Случайные свойства объектов, дополняющие свойства, приписываемые объекту в ментальной репрезентации, ограничены только совместимостью этих свойств с существованием.

Различие и идентичность объектов устанавливаются сравнением характеристик объектов, заданных в репрезентации. Например, рассмотрим такие объекты, как Пегас и Холмс. Они отличны, поскольку их репрезентации задают объекты с различными характеристиками. Если характеристики, приписываемые в репрезентации, совпадают, то объекты являются тождественными.

Сложнее обстоит дело с вопросом о кроссмировой идентичности. Определяя идентичность объектов в различных мирах, Г. Прист ссылается на трактовку идентичности С. Крипке, предложенную в его работе «Именование и необходимость». В истолковании Приста, идентичность не может устанавливаться исходя из внутренних свойств определенного мира. В определенном мире положено, что данный объект обладает здесь такими свойствами, а в другом – другими. Таким образом, идентичность объектов – данность, исходящая из того, как обстоят дела в данном мире.

Еще одним вопросом, обсуждаемым Пристом, является вопрос о референции имен несуществующих объектов. Философ считает, что несуществующие объекты точно также как и существующие могут быть референтами имен, устанавливаемыми посредством каузальной теории референции.

Как известно, согласно каузальной теории референции, имя объекта по каузальной цепочке передается от первого человека, обозначившего данный объект данным именем, к последующим говорящим. Но если объект не существует, то возникает вопрос, может ли

он вступать с нами в каузальные отношения. По мнению Приста, каузальная взаимосвязь присутствует только между говорящими и не затрагивает сами объекты. Осуществляясь между актуальными говорящими, каузальная взаимосвязь сохраняется и в том случае, если имя называет несуществующий объект. Каузальная цепочка не нарушается и при акте называния, поскольку именование может осуществляться не только посредством указания на объект, но и посредством идентификации именуемого объекта при помощи дескрипции.

Каким же образом, если несуществующие объекты не вступают с нами в каузальные отношения, мы можем получить знание о них?

Прист утверждает, что существует много способов для получения знания о несуществующем. Одним из них является интроспекция, высвечивающая свойства, приписываемые объекту в ментальной репрезентации. Кроме того, информация о некоторых типах объектов содержится в текстах: художественных произведениях, научных текстах и т.п.

Для формального представления своей теории Прист использует модальную логику с онтологически нейтральными кванторами. Квантор « $\exists x$ » прочитывается как «для некоторого X », что не предполагает существования или несуществования этого X . Квантификация осуществляется по всем мирам, в том числе и по актуальному. Логические законы могут видоизменяться в зависимости от того, какого рода объекты реализуются в том или ином мире.

Как уже упоминалось, на приписывание характеристик объектам посредством репрезентаций, ограничения не накладываются. Вследствие этого появляются объекты с противоречивыми характеристиками, которые могут населять лишь те миры, в которых нарушаются определенные логические принципы. Для представления таких объектов Прист вводит два новых типа миров: невозможные и открытые миры.

Согласно Присту, невозможными мирами являются такие миры, в которых нарушаются некоторые принципы логики. В частности, в невозможном мире могут не действовать законы исключенного третьего и принцип непротиворечия. Кроме того, в невозможных мирах имплицативные высказывания « $A \rightarrow B$ », в том числе, формулы вида « $A \rightarrow A$ » могут принимать случайные истинностные значения.

Для репрезентации интенциональных состояний, философ вводит открытые миры. В отличие от невозможных миров, где нарушаются некоторые логические принципы и имплицативные высказывания имеют случайные истинностные значения, в открытых мирах любые формулы могут принимать случайные истинностные значения. Актуальные, возможные и невозможные миры в этом смысле являются закрытыми, хотя невозможные

миры также можно рассматривать как открытые миры, в которых нарушаются лишь некоторые принципы логики. Открытые миры позволяют устранить универсальность не только некоторых логических принципов, но и выводов для любых других формул, которые не будут корректно отображать заданную ментальную репрезентацию индивида.

Приведем примеры нарушения логических принципов в открытых мирах. Предположим, некто боится того, что его никто не любит, но не боится, что его не любит конкретный X. Он боится только того, что его не любят все. Между тем, с логической точки зрения конкретный X входит во множество «все», поэтому высказывание «А боится, что его не любит X» должно следовать из того, что «А боится, что его не любят все».

Еще один пример предложения, выражающего интенциональный акт: «Я хочу съесть пирожное». Однако в том случае, если мое желание будет осуществлено, пирожное перестанет существовать. Тем не менее, предложение «Я хочу, чтобы это пирожное перестало существовать» будет ложным. Как мы видим, следование в данном случае вновь нарушается. Можно привести массу аналогичных примеров того, как в открытых мирах, репрезентирующих интенциональные состояния, высказывания различного рода могут принимать произвольные истинностные значения.

Виды несуществующих объектов

Интенциональные объекты

Согласно Присту, интенциональным объектом является любой объект, на который направлено наше сознание. Данный тип объектов оказывается ключевым для концепции Приста, так как с точки зрения философа все рассматриваемые им объекты можно в той или иной мере отнести к интенциональным, ведь универсальным способом задания всех типов объектов, как интенциональных, так абстрактных и вымышленных, выступает ментальная репрезентация индивида. Впоследствии эта ментальная репрезентация может быть закреплена в тексте художественного произведения или в постулатах научной теории, но, какое бы выражение она не нашла впоследствии, именно ментальная репрезентация является началом, отправной точкой построения объекта.

Вернемся к интенциональным объектам, которые являются предметами интенциональных состояний. Интенциональные состояния выражаются так называемыми интенциональными глаголами: любить, поклоняться, бояться и т.д. Интенциональные глаголы, относящиеся к объектам, будут называться предикатами («Греки поклонялись Зевсу»), а глаголы, относящиеся к предложениям («Вика боится, что завтра пойдет дождь») – интенциональными операторами. Некоторые глаголы могут быть и операторами, и предикатами, другие – либо предикатами, либо операторами.

Семантика возможных миров, по мнению Приста, позволяет разрешить парадоксы и проблемы, связанные с предложениями, выражающими интенциональные состояния. Основной парадокс, связанный с интенциональными операторами – парадокс взаимозаменяемости, классическая формулировка которого принадлежит мегарской школе. Предположим, человек не знает, что одно из имен его брата – Нецио. Тогда мы можем построить следующий вывод:

Ты не знаешь, что Нецио был рожден в Мегаре

Ты не знаешь, что твой брат был рожден в Мегаре.

Семантика возможных миров позволяет легко решить парадокс мегариков. Интенциональное состояние человека, который не знает, что Нецио и его брат – один и тот же человек, будет отображаться в открытом мире, где эти объекты не являются идентичными.

Интенциональные предикаты, как и интенциональные операторы, также вызывают затруднения. Прист рассматривает два вопроса, встающие в связи с интенциональными предикатами: каким образом существующие предметы могут находиться в отношениях к несуществующим и как можно осуществлять взаимозаменяемость в предложениях с интенциональными предикатами.

С точки зрения Приста, существующий объект может состоять в отношении к несуществующей сущности. Когда человек чего-то боится, он состоит в прямом отношении к объекту своего страха, при этом неважно, существует ли этот объект актуально или нет.

В отношении проблемы взаимозаменяемости Прист утверждает, что в большинстве случаев мы можем осуществлять взаимозаменяемость в предложениях с интенциональными предикатами. Рассмотрим следующую ситуацию. Салли боится Джека Потрошителя, но при этом не знает, что ее сосед является Джеком Потрошителем. Можно ли заменить имя соседа Салли на имя Джек Потрошитель в интенциональных контекстах? По мнению Приста, это возможно. С его точки зрения, можно утверждать, что Салли боится своего соседа, но не осознает этого, так как не знает, что он является Джеком Потрошителем.

Вымышленные объекты

Другим примером несуществующих в реальном мире объектов, рассматриваемым в концепции Приста, являются вымышленные объекты. Вымышленные объекты понимаются им несколько уже, чем, например, Т.Парсонсом. Под вымышленными

объектами Прист понимает объекты, которые описаны в литературных произведениях, постановках, легендах и мифах.

В исследовании вымышленных объектов Прист рассматривает основные важные вопросы, которые встают в связи с допущением объектов вымысла:

1. Проблема свойств вымышленных объектов;
2. Проблема создания вымышленного объекта автором художественного произведения;
3. Проблема построения интерпретации репрезентации объекта автором в художественном произведении;
4. Проблема разделения полностью вымышленных объектов и существующих в реальности объектов, имена и характеристики которых совпадают со свойствами объектов, упоминающихся в художественных произведениях;
5. Проблема отношений, в которые могут вступать реальные и вымышленные объекты
6. Проблема противоречивых фактов и объектов, описываемых в вымышленных историях;

Кратко рассмотрим, какое решение этим затруднениям предлагает Прист.

Наиболее важный вопрос, встающий в связи с допущением таких сущностей как вымышленные объекты, связан с природой их свойств: каким образом данные объекты могут обладать приписываемыми им в произведениях искусства свойствами, предполагающими реальное существование объекта (обладание цветом, массой, положением в пространстве и т.п.). С точки зрения Приста, вымышленные объекты в буквальном смысле обладают характеристиками, которые им приписываются, в том числе характеристиками, подразумевающими существование, но лишь в тех возможных мирах, которые репрезентируют соответствующие истории о них.

Вторая проблема, обсуждаемая Пристом, – возникновение вымышленного объекта. Можно ли говорить, что вымышленный объект *создается* автором произведения, где этот объект упоминается, и в какой именно момент возникает вымышленный объект? Прист рассуждает следующим образом: ввиду того, что К.Дойл никак не мог повлиять на онтологический статус Шерлока Холмса, так как Холмс был несуществующим объектом как до создания рассказов о Шерлоке Холмсе, так и после того, как эти рассказы были написаны Конан Дойлом. Кроме того, Конан Дойл также не мог приписать свойства Шерлоку Холмсу, так как, согласно Присту, даже несуществующие объекты будут обладать свойством самоидентичности в мирах, где они не существуют, то есть, утверждение «Шерлок Холмс есть Шерлок Холмс» будет истинным в любом мире вне

зависимости от действий Конан Дойла. В таком случае, можно сказать, что функция К.Дойла относительно Холмса сводилась только к тому, что он первым *представил* Шерлока Холмса, т.е. был первым субъектом, у которого возникла соответствующая репрезентация и кто дал ей имя. Таким образом, рассказчик не *создает* вымышленный объект но лишь выступает первым субъектом, репрезентация которого позволяет нам выделять данный вымышленный объект среди других объектов.

Согласно Присту, не обязательно устанавливать точный момент представления такого объекта как Холмс. Когда К.Дойл впервые вообразил Холмса, в соответствующих мирах появился объект, отображающий эту первую репрезентацию. Впоследствии, когда К.Дойл писал все новые и новые рассказы о Холмсе, характеристики Холмса дополнялись, и в мирах, которые репрезентировали эти истории, Холмсу стали присваиваться все новые и новые свойства. Несмотря на добавление все новых и новых свойств, подчеркивает Прист, Холмс оставался тем же самым объектом, который впервые представил Дойл.

Как и в случае с интенциональными объектами, частью репрезентации вымышленного объекта, задающей его в соответствующем возможном мире, является не только то, что было прямо упомянуто в тексте, но и то, что выводимо из сказанного автором. В связи с этим, отмечает Прист, возникает еще одна трудность. Дело в том, что часто подразумеваемое автором может быть истолковано различным образом. Иногда подразумеваемое просто неочевидно, а порою автор намеренно запутывает историю, высказывая утверждения, которые оказываются ложными в рамках данного повествования, и предоставляет читателям самим установить, какие утверждения автора в рамках повествования ложны, а какие истины. Получается, сконструировать точную репрезентацию объекта, согласно истории, часто оказывается очень сложной задачей. В рамках рассматриваемой работы Прист ее не решает.

В отличие от Парсонса, Прист считает, что имена реально существовавших событий и людей, употребляемые в художественных произведениях, обозначают отдельные вымышленные объекты, а не реально существовавшие в нашем мире. Например, имя «Наполеон», употребляемое Л.Н.Толстым в романе «Война и мир» задает вымышленный объект, отличный от реального Наполеона.

Рассказчик может не только намеренно использовать имя существующего в реальности объекта для своего повествования, но и случайным образом использовать имя и описание, совпадающее с характеристиками реально существующей личности или предмета. Чтобы избежать ошибки в обозначении, Прист предлагает исключить актуальный мир из совокупности миров, в которых может быть реализовано

интенциональное состояние, в том числе, репрезентация вымышленного объекта. Это верно отражает интенцию самого рассказчика, в соответствии с намерениями которого, история рассказывалась как вымысел, поэтому соответствующая репрезентация может быть реализована только в неактуальном мире.

Еще одна проблема, рассматриваемая философами в связи с объектами вымысла – отношения, в которые такого рода объекты вступают с предметами реального мира. Например, рассмотрим утверждение: «Грахам Прист выше Бильбо Баггинса». Отношение «быть выше» предполагает существование обоих объектов. В данном случае Прист предлагает прибегнуть к переформулировке данного высказывания:

Для некоторого x для некоторого y (Прист(x) & Согласно историям Толкиена, Бильбо(y) & x больше y), где x и y будут значениями роста реального Приста и вымышленного Бильбо. Таким образом можно интерпретировать все проблемные отношения, в которые несуществующие объекты вступают с существующими.

Следующая важная проблема, с которой в полной мере не удалось справиться Д.Льюису – отображение противоречивых фактов и объектов, описываемых в художественных текстах. Как отмечает Прист, произведение может быть разделено на несколько непротиворечивых частей, реализованных в различных мирах, только в некоторых случаях. Однако часто встречаются произведения, для которых противоречивость – неотъемлемое свойство произведения в целом. Наряду с этим такие произведения внутренне согласованы, у них есть определенный сюжет, в котором случаются определенные вещи, но не происходит все, что угодно.

Ситуации и объекты, описанные в подобных произведениях, полагает Прист, могут быть реализованы в невозможных мирах, в которых ослаблен принцип, согласно которому из противоречия следует все, что угодно. В таком случае, произведения, с одной стороны, останутся противоречивыми, но при этом, с другой, будут внутренне согласованными. Несоответствия, присутствующие в таких текстах, не будут влечь за собой абсолютно любых следствий.

Абстрактные объекты

Другой класс несуществующих объектов, рассматриваемый Пристом, – абстрактные объекты. Согласно Присту, в них входят абстрактные объекты математики и идеализированные объекты других наук. Рассмотрим, каким образом философ определяет абстрактные объекты и как они существуют.

С точки зрения Приста, абстрактный объект – такой объект, который не вступал бы в каузальные связи с реальными объектами, даже если бы он обладал каким-либо

типом существования. Как мы видим, такое определение философ использует для того, чтобы отделить абстрактные объекты от объектов вымысла и интенциональных актов, которые могли бы вступать в каузальные отношения с реальными объектами, если бы существовали.

Абстрактные объекты отличаются от вымышленных, во-первых, тем, что первые абстрактны, а вторые – конкретны, во-вторых, первые необходимо не существуют физически, а вторые не существуют не необходимо (если они не внутренне противоречивы), и, в-третьих, способом установления истин об этих объектах: если истины о вымысле устанавливаются апостериорно, то истины о математических объектах – априорно.

В то же время, утверждает Прист, несмотря эти различия, тот способ, каким этим двум типам объектов приписываются свойства, отличается незначительно.

С одной стороны, кажется, что вымышленным объектам характеристики приписываются произвольно, а объектам науки – в результате следования теории или некоторым правилам. Однако на самом деле в некоторых случаях мы можем произвольно присваивать характеристики математическим объектам и логически выводить свойства вымышленных объектов, о которых не сказано напрямую, из контекста произведения, что традиционно считалось прерогативой науки. Таким образом, делает вывод Прист, данные объекты не отличаются друг от друга коренным образом.

Каким образом существуют абстрактные объекты? В отличие от Майнонга, придерживавшегося взгляда, что абстрактные объекты обладают бытием особого рода (у Майнонга наличествованием), Прист считает абстрактные объекты одним из типов несуществующих объектов, которые не обладают существованием в нашем мире и в других возможных мирах. С его точки зрения, абстрактные объекты могут существовать в невозможных мирах, так как их существование нарушает законы логики (абстрактные объекты определяются как необходимо не существующие).

VII. Сравнительный и критический анализ реалистских концепций

Итак, помимо теории предметов А.Майнонга, мы рассмотрели четыре реалистских подхода к истолкованию «пустых» имен.

Согласно подходам Д.Льюиса и Г.Приста, референтами «пустых» имен являются объекты, существующие в возможных мирах, то есть, объекты, являющиеся неактуальными, но при этом реальные в рамках того или иного мира.

Согласно подходу Т.Парсонса, референты «пустых» имен представляют собой несуществующие объекты, которые обладают нуклеарными характеристическими свойствами, но при этом не обладают экстануклеарным свойством существования.

Согласно подходу Э.Залты, референты «пустых» имен оказываются абстрактными объектами, то есть, актуальными, в определенном смысле, реальными объектами, при этом обладающими своими характеристическими свойствами в смысле кодирования.

Итак, рассмотрим, с какими трудностями сталкивается каждое из этих представлений и какие из реалистских интерпретаций можно считать наиболее близкими к практике употребления «пустых» имен в языке. Начнем с решения проблемы референции «пустых» имен при помощи концепции возможных миров.

Вначале я рассмотрю затруднения, встающие перед пониманием несуществующих объектов как обитателей возможных миров в целом, а затем проблемы конкретных подходов Д.Льюиса и Г.Приста.

Наиболее серьезное возражение представлению несуществующих объектов как объектов в возможных мирах связано с множественностью референтов единичного термина. На эту проблему представления вымышленных объектов как объектов в возможных мирах указал С.Крипке¹⁰³. Крипке пишет, что будет существовать множество возможных сущностей, обладающими свойствами, которые приписываются Холмсу в произведениях о нем, но ни один из них не будет Холмсом, потому что мы не сможем выбрать единственный референт имени «Холмс» из множества этих объектов. Мы будем вынуждены признать, что все они являются Холмсом, что является противоречием.

Получается, что в рамках подхода, прибегающего к понятию возможного мира для представления несуществующих в нашем мире объектов, мы неизбежно приходим к тому, что класс объектов оказывается референтом единичного имени «Холмс», причем, каждый из этих объектов обладает множеством случайных свойств, помимо тех, которые приписывались этому герою Конан Дойлом, что не позволяет сказать, что кто-то из них является Холмсом. Это возражение применимо как к концепции Приста, так и к концепции Льюиса, которые, как мы помним, вводили множество референтов имен вымышленных объектов для того, чтобы избежать их неполноты.

Кажется, что Холмс изначально не мог рассматриваться как возможный объект ввиду своей неполноты и необходимой полноты возможного мира. Однако философы, следуя соображениям целесообразности, заменили один неполный объект на класс полных.

¹⁰³ Kripke S. Naming and Necessity. - Cambridge, 1980, p. 158.

Оставаясь в рамках концепции возможных и невозможных миров, можно сознательно отказаться от попыток идентифицировать Холмса с множеством объектов в возможных мирах и использовать эти сущности как некие «заменители» Холмса для установления истинности предложений о Холмсе. Но в таком случае мы будем лишь технически устанавливать истинность предложений о Холмсе, не задаваясь вопросом о том, какой объект является референтом имени Холмс, каков он и каким образом существует этот единственный референт.

Можно также допустить неполные миры для решения этой проблемы. Но, увы, это не избавит нас от проблемы множественности объектов. Возьмем неполный мир w , в котором существует неполный объект Холмс. Дело в том, что в других неполных мирах w_1, w_2, w_n , отличающихся от мира w в любых отношениях, кроме тех, что связаны с описываемым в рассказах о Холмсе, тоже будет существовать Холмс с такими же характеристиками как и в мире w . Мы вновь сталкиваемся с проблемой множества объектов, претендующих на роль референта имени «Холмс». Таким образом, в рамках допущения невозможных и неполных миров мы также не решим проблему множественности.

Второе возражение, выдвигаемое всем концепциям, использующим семантику возможных миров, заключается в отсутствии критериев идентификации объектов в возможных мирах. Итак, попробуем ответить на вопрос, заданный У.Куайном: сколько возможных сущностей находится в данном дверном проеме?

Многие философы (Р. Роутли, Г.Прист, Р. Сэинсбери) отмечают некорректность вопроса, заданного Куайном. Действительно, в *данном* дверном проеме в принципе не может быть ни одной возможной сущности, так как он является актуальным, следовательно, объект, который в нем *находится*, должен также быть актуальным, иметь протяженность и т.п. Оставив в стороне некорректную формулировку, рассмотрим, каким образом философы отвечают на суть возражения Куяна – отсутствие критериев идентичности, различия и сходства несуществующих объектов.

Г.Прист считает возражения Куяна риторическими и ничем не подтвержденными аргументами. Он отмечает, что не все объекты обязательно должны обладать точными условиями идентификации. Например, объекты реального мира тоже не обладают точными признаками идентификации: мы не знаем, где точно начинаются моря и пустыни. Тем не менее, это не мешает нам считать эти объекты существующими, говорить о них и приписывать им свойства.

Прист считает, что дать точные условия идентификации для несуществующих объектов все-таки возможно. Объекты идентичны в том случае, если во всех закрытых

мирах совпадают все их свойства, приписываемые им в ментальной репрезентации. Те свойства, которые не определены в репрезентации, могут варьироваться.

При помощи этого критерия мы можем ответить на все возражения Куайна. Являются ли возможный лысый человек и толстый лысый возможный человек в возможном дверном проеме одинаковыми возможными людьми? По мнению Приста, ответ зависит от конкретного случая. Например, представим, что у нас есть друг Гарри. Мы представляем себе два возможных объекта: полысевшего Гарри в дверном проеме и толстого полысевшего Гарри в дверном проеме. В данном случае эти возможные объекты – один и тот же объект, поскольку во всех мирах это будет наш друг Гарри, так как свойство быть Гарри является ключевым моментом репрезентации. Если же мы представляем себе произвольных воображаемых людей, находящихся в дверном проеме, то, согласно Присту, они не будут идентичными, поскольку эти объекты имеют различные репрезентации, следовательно, набор свойств, установленных репрезентацией, будет разным.

Отметим, что полемика относительно кроссмировой идентичности возможных объектов продолжается до сих пор. На данный момент не сформулировано окончательных общепринятых признаков, достаточных для признания возможных объектов тождественными.

Укажем теперь на некоторые затруднения, встающие непосредственно перед концепцией Приста. Во-первых, одним из существенных ее минусов является то, что остается неясным, каким образом несуществующие объекты, не обладающие бытием в нашем мире могут иметь свойства в рамках этого мира. В том случае, если они имеют по крайней мере некоторые логические свойства, то можно предположить, несмотря на то, что Прист прямо не утверждает этого, что несуществующие объекты обладают свойствами быть круглым в неактуальном мире w , быть сыщиком в неактуальном мире w и т.д. Если это так, то несуществующие объекты оказываются абстрактными объектами в нашем мире, обладающими конкретными свойствами в других мирах, что делает взгляд Приста очень похожим на подход с двумя способами предикации Э.Залты.

Во-вторых, в связи с пониманием Пристом неактуальных миров, возникает следующая проблема. Если неактуальные миры являются несуществующими объектами, но при этом их населяют объекты, обладающие существованием в этих мирах, то получается, что несуществующие сущности наполнены существующими. В таком случае мы вынуждены либо допустить, что миры являются существующими, и мы приходим к модальному реализму, либо объекты в них не существуют в прямом смысле слова. В

обоих случаях точка зрения Приста кажется противоречивой. Пожалуй, это является самым серьезным противоречием в его концепции.

К недостаткам концепции Дэвида Льюиса можно отнести его неоднозначное понятие истины о вымысле. Возникает вопрос, почему в рамки истины о вымысле будет входить столь широкий перечень истин, о которых ничего не было упомянуто в самом тексте. С другой стороны, если свести истину о вымысле только к тому, о чем было эксплицитно упомянуто в истории, мы не сможем исключить такие невероятные факты, что у Шерлока Холмса было 3 руки, змеиная чешуя вместо кожи и т.п. Крайне сложно провести границу, что будет являться истиной о вымысле, а что нет. Помимо этих замечаний, существуют общие возражения концепции модального реализма Д.Льюиса, в основном связанные с природой и онтологическим статусом рассматриваемых им миров.

Если проблемы идентичности объектов в возможных мирах, истины о вымысле и др. представляется возможным решить в рамках данной модели, то проблема множественности референтов единичного имени, из которых мы не можем выбрать того самого Холмса, является фундаментальной проблемой данной интерпретации, вытекающей из специфики понимания возможных миров. Вторая фундаментальная проблема данного подхода, на мой взгляд, заключается в неспособности ответить на вопрос о том, каков онтологический статус объектов, обозначаемых «пустыми» именами. Действительно, не вполне понятно, что стоит за конструкцией возможного мира, как возможные миры могут иметь материальную природу и не состоять в пространственных отношениях к нашему миру и друг к другу (модальный реализм). Неясно, как существующие объекты могут населять несуществующие миры (концепция Г.Приста). Все эти неясности, на мой взгляд, говорят в пользу того, что семантика возможных миров может решить только логические и эпистемологические проблемы, встающие в связи с использованием «пустых» имен, но не дает удовлетворительного онтологического представления несуществующих объектов.

В этом смысле, концепции Т.Парсонса и Э.Залты, с моей точки зрения, имеют преимущество перед теориями, опирающимися на семантику возможных миров. У Залты и Парсонса имена обозначают не классы, а единичные объекты. Кроме того, мне представляется, что понимание Т.Парсонсом и Э.Залтой вымышленных объектов как *объектов нашего мира* (неважно, существующих или несуществующих), все-таки ближе к истине, нежели чем их представление в качестве *объектов, существующих в других мирах*. Андрей Болконский, Шерлок Холмс, Геракл и Зевс – объекты нашей культурной реальности, пусть и физически несуществующие. Едва ли Конан Дойл понимал Шерлока Холмса как объект, физически существующий в некотором ином равнозначном с нами

мире. Создавая Шерлока Холмса, Конан Дойл, безусловно, приписывал ему свойства, предполагающие конкретность и материальность, но эти свойства приписывались ему лишь в пределах повествования. На мой взгляд, представление несуществующих объектов в качестве обитателей возможных миров идет вразрез с нашим интуитивным пониманием этих объектов, как принадлежащих нашему миру, хоть и не существующих в нем как конкретные предметы.

Однако теории Т.Парсонса и Э.Залты, перед которыми не встает данное затруднение, сталкиваются с другими проблемами.

В частности, теория Парсонса не может дать исчерпывающего ответа на ряд вопросов.

Во-первых, даже после деления на две группы свойств неясно, каким образом несуществующие объекты могут обладать такими нуклеарными свойствами как быть золотым, зеленым, высоким и т.п. Неясность возникает потому, что в теории Парсонса подчеркивается, что все предметы вне зависимости от существования обладают этими свойствами в прямом смысле, то есть, точно также как и существующие объекты. И формальное различие, заключающееся в том, что существующим объектам присуще экстрануклеарное свойство существования, а несуществующем – не присуще, не объясняет, почему обладание свойствами размера и цвета не предполагает существования.

Можно решить это затруднение, признав, что и у нуклеарных свойств имеются экстрануклеарные двойники. Тогда, круглый квадрат будет обладать нуклеарными свойствами круглости и квадратности, а круглый купол храма Христа Спасителя будет обладать экстрануклеарным свойством круглости. В этом случае различие между нуклеарными и экстрануклеарными свойствами становится очень запутанным, но это помогает решить затруднения, ведь в таком случае нуклеарное свойство быть горой не влечет за собой того, что объект, обладающий таким нуклеарным свойством, обладает положением в пространстве, размером и т.п. Можно также считать, что только экстрануклеарные свойства нарушают закон непротиворечия. Парсонс допускает возможность введения двойников для всех свойств¹⁰⁴. Но этот шаг делает данный подход мало отличимым от подхода Э.Залты, использующего деление на два способа предикации.

Как я уже говорила, теория Э.Залты имеет ряд преимуществ перед теорией Т.Парсонса и, с моей точки зрения, является самой удачной реалистской трактовкой референции «пустых» имен. Во-первых, введение особого типа предикации, кодирования, позволяет Залте избежать экзистенциальных следствий обладания объекта такими

¹⁰⁴ Parsons T. Nonexistent Objects. - New Haven, 1980, p. 167.

свойствами как «быть зеленым», «иметь рост 175 см» и т.п. Кроме того, кодирование некоторыми объектами противоречивых свойств позволяет Залте избежать логических затруднений. Помимо этого, мне кажется, что понимание несуществующих объектов как некоторых абстрактных артефактов – довольно ясная и естественная позиция, вполне согласующаяся со здравым смыслом.

Подход Э.Залты подвергается некоторыми философами критике в связи с абстрактным статусом несуществующих объектов. Действительно, мы можем бояться, восхищаться, ненавидеть несуществующие объекты. Трудно себе представить, что мы можем состоять в таких отношениях к абстрактным объектам. Вымышленные объекты также кажутся нам конкретными, а вовсе не абстрактными. Шерлок Холмс в представлении самого читателя и автора рассказов представляется конкретным персонажем, который курил трубку, играл на скрипке, дружил с таким же конкретным героем доктором Ватсоном.

Как уже упоминалось в связи с пониманием вымышленных объектов Залтой, философ подчеркивает, что в пределах вымышленного произведения мы, действительно, приписываем вымышленным объектам конкретные свойства в рамках языковой игры или «притворства». Поэтому предложения вида «Шерлок Холмс курил трубку» будут истинными в рамках художественного произведения, но не буквально, в то время, как внешние предложения о вымысле будут истинными или ложными в буквальном смысле. То есть, как мы видим, решение Залты оказывается также не вполне универсальным, так как философ вынужден прибегать к антиреалистской стратегии языковой игры читателя и автора для объяснения того, как мы употребляем предложения непосредственно в рамках вымышленного контекста. Однако здесь возникает вопрос, является ли такое универсальное решение действительно необходимым в данном случае? Возможно, употребление имен в рамках вымышленного контекста, так называемые внутренние предложения о вымысле, в действительности представляют собой совершенно особое явление, которое можно объяснить только при помощи понятия языковой игры и невозможно рассматривать так же, как употребление имен вымышленных объектов вне вымышленного дискурса. Использование имен в рамках вымышленного текста может задавать характеристики абстрактного артефакта, но при этом сами предложения вымышленного текста могут оцениваться как истинные или ложные в рамках языковой игры. Возможно, именно таким образом мог бы ответить на возражение в адрес его концепции Э.Залта.

На мой взгляд, несмотря на утверждение Залты о том, что абстрактные объекты являются в каком-то отношении реальными, нельзя сказать, что он дает четкое объяснение тому, каким образом они существуют.

Формализация его системы, содержащая онтологически нейтральные кванторы и предикат существования, которым могут обладать только конкретные предметы, показывает нам, что под существованием философ понимает только физическое существование в пространстве и времени. Залта не вводит отдельного типа существования для абстрактных объектов и не уточняет, каким образом существуют совокупности свойств, которые представляют собой абстрактные объекты. Следовательно, несмотря на то, что философ говорит о реальности особого рода, которой обладают абстрактные объекты, по сути, они остаются такими же несуществующими, как и в теории Парсонса, поскольку нам о них неизвестно ничего, кроме того, что они не существуют в пространстве и времени и что они представляют собой совокупности свойств. На мой взгляд, принятие некоторого типа объектов предполагает введение по крайней мере еще одного типа существования, помимо физического, которое будет соответствующим образом определено и отражено в формализации данной системы.

Таким образом, можно сказать, что основным недостатком всех реалистских концепций, имеющихся на сегодняшний момент, является попытка уйти от вопроса о том, каким же образом существуют предметы, обозначаемые так называемыми «пустыми» именами. Философы либо утверждают, что эти объекты обладают реальностью только в рамках возможного мира, либо являются несуществующими объектами, что лишь технически решает трудности, возникающие в связи с референцией «пустых» имен и истинностной оценкой предложений с этими именами. На сегодняшний момент ни одна из реалистских трактовок не предлагает успешного решения онтологической проблемы, связанной со статусом физически несуществующих объектов.

Третья глава «Реализм или антиреализм в истолковании «пустых» имен?»

В первой и второй главе данной работы были рассмотрены две противоположные точки зрения на проблему значения так называемых «пустых» имен. Согласно этим позициям, «пустые» имена не имеют референтов или обозначают особого рода объекты. Попробуем посмотреть на проблему «пустых» имен в более широкой перспективе, проанализировать инструменты решения этой проблемы в рассмотренных подходах, а также лежащие в их основе предпосылки. Посредством такого анализа мы попытаемся понять, возможно ли решить данную проблему теми средствами, которые используют философы, подходы которых были рассмотрены в первых двух главах работы.

Среди вопросов, на которые предстоит ответить в данной части работы, наиболее важными мне представляются следующие: является ли в принципе необходимым и возможным решение проблемы использования «пустых» имен посредством построения семантической теории? Как мы помним, в первой главе были представлены подходы философов, устраняющих данную проблему из сферы семантики и дальнейшем либо не рассматривающих ее вовсе (Г.Фреге, Б.Рассел), либо пытающихся решить ее в рамках прагматики естественного языка (Р.М.Сеинсбери, Г.Эванс, Дж.Серл, Д.Браун и другие). С данной проблемой связан второй вопрос, о котором пойдет речь в этой главе - должны ли мы прежде всего ориентироваться в наших семантических изысканиях на то, каким образом используются в естественном языке те или иные выражения, в том числе, и «пустые» имена или, напротив, семантика должна уточнять естественный язык и отражать только подлинную логическую форму предложений с такими именами?

Прояснение вышеперечисленных вопросов прольет свет на положение и соотношение рассмотренных позиций относительно значения «пустых» терминов, позволит вписать концепции данных философов в более широкий контекст исследований в философии языка и лингвистики, а также даст простор для более широкого критического рассмотрения данных концепций.

1. «Пустые» имена: семантическая теория или прагматическое объяснение?

Опоненты и проponentы позиции наличия референтов у «пустых» имен в действительности являются сторонниками или противниками возможности построения семантической теории такого рода имен. Философы, рассматриваемые в первой главе работы, сходятся во мнении, что построение семантики «пустых» имен не только невозможно, но и ненужно. Следуя сложившейся в аналитической философии традиции понимания семантической теории, которая, как и всякая научная теория, должна говорить о тех вещах, которые существуют, они не допускают мысли о возможности введения

референтов имен, которые обозначают заведомо несуществующие объекты. Построение такой семантики оказывается с их точки зрения тем более излишним, поскольку, вопрос о «пустых» именах может получить красивое и исчерпывающее решение посредством использования прагматических инструментов.

Если Г.Фреге и Б.Рассел, начавшие изгнание «пустых» имен из области семантики, занимались исключительно семантическими вопросами и не исследовали проблему того, каким образом мы понимаем друг друга и осуществляем коммуникацию, употребляя «пустые» имена, то более поздние аналитические философы озабочены этим вопросом. «Пустые» имена представляли угрозу для двухплоскостных семантических теорий, разделявших тезис о том, что языковое выражение может обозначать только нечто существующее. Наряду с этими опасениями современные философы-аналитики осознавали значимость проблемы «пустых» имен и необходимость объяснения функционирования данного типа имен в естественном языке. И здесь инструменты, разработанные в прагматике, пришлось весьма кстати.

В данной работе рассмотрен целый ряд подходов, переносящих значение «пустых» имен в область прагматики. Предложение с «пустым» именем может рассматриваться в рамках пресуппозиции (Р.М.Сэинсберри), его семантическое содержание может быть восполнено когнитивным значением (Д.Браун) или подразумеваемым прагматическим содержанием имплицатуры (М.С.Грин), также употребление предложений с пустыми именами может рассматриваться как мнимое употребление или «притворство», что то или иное положение дел имеет место (Р.М.Сэинсберри, К.Вальтон, Г.Эванс, Дж.Серл, С.Шиффер и др). Таким образом, с точки зрения данных авторов, вопрос об употреблении и значении «пустых» имен эффективно решается в рамках прагматики и построение их семантической интерпретации оказывается ненужным.

С другой стороны, философы, рассматриваемые во второй главе данной работы, уверены в необходимости построения такой семантики. Они исходят из практики употребления так называемых «пустых» имен в языке, которая по их мнению, ничем не отличается от использования имен, обозначающих существующие предметы. Эти философы уверены в том, что несуществующие объекты играют важную роль в науке, искусстве, повседневной жизни человека. Поэтому построение семантической теории пустых имен для этих мыслителей оказывается не только попыткой дать решение проблеме значения «пустых» имен, но в то же время является способом решения вопроса о природе онтологического статуса объектов, обозначаемых этими именами. Если философов, рассматриваемых в первой главе, волнуют скорее вопросы теории значения,

то авторы, о которых шла речь во второй главе, также озабочены проблемой онтологической природы несуществующих объектов.

Как бы то ни было, попробуем, оставив в стороне онтологические проблемы, ответить на вопрос, возможно ли дать исчерпывающее решение проблеме «пустых» имен в рамках прагматики и действительно ли построение семантической теории «пустых» имен оказывается излишним.

С одной стороны, объяснительные возможности семантической теории ограничены. В основе логической семантики лежит логический инструментарий, который применим лишь к определенным аспектам естественного языка. Безусловно, семантика не может отразить всего многообразия отношений между выражениями языка.

По мнению специалистов по семантике Ж.Чиерчия (G.Chierchia) и С.МакКоннелл-Жинет (S.McConnell-Ginet)¹⁰⁵, семантика затрагивает лишь те аспекты интерпретации высказывания, которые зависят от языковой системы самой по себе, а не те, которые зависят от конкретного способа использования ее людьми. Другими словами, мы можем сказать, что семантика занимается интерпретацией выражений языка, то есть, того постоянного, что остается в них вне зависимости от того, где и при каких обстоятельствах употребляется данное высказывание.

Неуниверсальность семантики восполняется прагматикой, которая изучает использование языка в конкретных ситуациях, рассматривает высказывания как действия говорящего, осуществляемые с определенной интенцией. То есть, если семантика говорит о значении того, что *сказано буквально*, то прагматика говорит нам о том, что говорящий *хочет сказать*, произнося данное выражение или предложение.

Если мы отталкиваемся от наших интуиций относительно использования «пустых» имен, то вышеприведенное объяснение разграничения сфер семантики и прагматики вызывает сомнения в том, что содержание этих имен может быть перенесено в область прагматики.

Для того, чтобы показать, почему это так, я подробнее остановлюсь на том, что именно философы-реалисты и автор данной работы понимают под «обыденным» употреблением «пустых» имен и нашими «предтеоретическими» интуициями их использования. Если в первой и второй главе данный вопрос был затронут скорее в форме изложения отдельных взглядов на обыденное словоупотребление, то здесь стоит собрать эти разрозненные элементы воедино для того, чтобы получить определенное целостное видение того, что же реалисты понимают под интуициями употребления «пустых» имен.

¹⁰⁵ Chierchia G., McConnell-Ginet S. Meaning and Grammar: An Introduction to Semantics. - Cambridge, 1990, p.4-5.

Во-первых, как отмечают философы-реалисты (Т.Парсонс, Р.Чизом), говорящие не проводят различия между употреблением «пустых» и «непустых» имен. С точки зрения обыденного словоупотребления, как имена существующего, так и имена несуществующего являются именами, а высказывания о несуществующих и существующих объектах имеют одинаковую субъектно-предикатную структуру. Это первая интуиция, связанная с употреблением «пустых» имен.

Во-вторых, предложения с «пустыми» именами имеют значение, то есть, могут быть истинными и ложными, как и другие предложения естественного языка. Действительно, говорящие понимают значение предложений с «пустыми» именами – некоторые из них кажутся нам истинными, другие – ложными, мы можем спорить относительно положений дел, которые описываются в этих предложениях и т.п.

В-третьих, реалисты подчеркивают, что необходимо допустить несуществующие объекты в силу того значения, которое они играют в науке, искусстве и повседневной жизни человека (А.Майнонг, Э.Залта). Несуществующие объекты порождаются способом нашего мышления, культурой и наукой и настолько прочно укоренены в нашей жизни, что необходимо признать, что имена этих объектов в действительности имеют значение и говорят о чем-то. А если мы допускаем несуществующие объекты, это означает, что «пустые» имена имеют референты и не являются «пустыми». Кроме того, с моей точки зрения, можно утверждать, что, употребляя по крайней мере некоторые «пустые» имена, мы принимаем пресуппозицию существования соответствующих им объектов. В частности, мы принимаем существование вымышленных героев по крайней мере в том случае, когда их имена употребляются вне вымышленного контекста (обоснование этого утверждения будет дано ниже при разборе конкретных прагматических стратегий). Как бы то ни было, являются ли референты «пустых» имен существующими или несуществующими объектами и в каком смысле они существуют, третья интуиция употребления «пустых» имен состоит в том, что данные имена (по крайней мере, некоторые из них) имеют референты в буквальном смысле.

Итак, мы выделили три интуиции обыденного употребления «пустых» имен: данные имена являются такими же именами, как имена существующих объектов, предложения с данными именами имеют такую же структуру как и предложения со всеми остальными именами, эти предложения имеют истинностное значение и, кроме того, данные имена имеют референты.

Вопрос о том, необходимо ли отображать интуиции использования «пустых» имен в семантической теории будет подробно рассмотрен во втором параграфе этой главы, поэтому здесь я не буду его затрагивать. На данном этапе мне хотелось бы отметить, что в

том случае, если *ставим перед собой задачу* отразить в своей модели естественного языка обыденное словоупотребление, то, несомненно, значение «пустых» имен не может быть перенесено в прагматику, поскольку, согласно нашим интуициям, предложения с данными именами не отличаются от предложений с непустыми именами, которые имеют семантическое содержание, и все, сказанное в предложении с «пустым» именем, оказывается *сказанным буквально, но не подразумеваемым*.

Теперь перейдем к анализу конкретных прагматических интерпретаций «пустых» имен и рассмотрим, дают ли они исчерпывающее объяснение употреблению этому типу имен.

Все концепции, использующие прагматический подход к решению проблемы «пустых» имен (концепцию пресуппозиций, имплицатуры, когнитивного значения, дополняющего семантическое, языковой игры читателя и автора) утверждают, что предложения с «пустыми» именами не могут оцениваться как истинные в буквальном смысле. В том случае, если они истинны, они являются таковыми только в рамках языковой игры, пресуппозиции, в сознании говорящих и т.п.

Допустим, большинство предложений о вымысле, действительно, можно рассматривать в рамках языковой игры и пресуппозиции. Например, предложение «Шерлок Холмс сыщик» может рассматриваться в рамках пресуппозиции, что рассказы К.Дойла истинны или что Шерлок Холмс существует в реальности. Также мы можем считать, что утверждая, что Шерлок Холмс был сыщиком, мы лишь «притворяемся», что утверждаем нечто или что определенное положение дел имеет место быть. В таком случае данное предложение, рассматриваемое в буквальном смысле, оказывается либо ложным, либо не имеющим истинностного значения, либо вообще не является утверждением.

Однако есть ряд предложений, где подобный подход является сомнительным. Например, рассмотрим предложение «Шерлок Холмс – один из самых известных литературных персонажей XX века», которое выходит за рамки вымышленного контекста и говорит о некотором реальном вымышленном герое, который существует в нашей действительности, а не на страницах романа А.Конан Дойла.

Мне кажется, что в данном случае использование прагматической интерпретации данного высказывания оказывается излишним или некорректным. Посмотрим, какие интерпретации данного высказывания предлагают рассматриваемые философы. С точки зрения Р.М.Сэисберри, данное предложение можно рассматривать в рамках пресуппозиции – но не той, что Холмс существует в действительности, а в рамках допущения, что существует устойчивый вымышленный объект – Холмс. Тогда предложение будет ложным в буквальном смысле, но истинным в рамках принимаемого

допущения, то есть, истинным в том случае, если бы пресуппозиция была истинной. (Напомним, что согласно пресуппозициональной гипотезе, мы рассматриваем предложение в рамках определенной пресуппозиции, но при этом, мы можем не признавать ее истинность). Точно также мы можем применить в данном случае концепцию языковой игры, согласно которой мы либо делаем мнимое утверждение, либо «притворяемся», что описываемое положение дел имеет место. Однако, на мой взгляд, если в первом случае мы действительно могли рассматривать высказывание в рамках языковой игры или в рамках пресуппозиции, не принимая того, что она истинна, то в данном случае такая интерпретация оказывается излишней или невозможной. Создается впечатление, что она преследует единственную цель - избежать нежелательной онтологии и необходимости построения семантики «пустых» имен.

Действительно, когда мы произносим предложение «Шерлок Холмс – сыщик» или «Шерлок Холмс любил играть на скрипке по ночам», буквально интерпретировать данные высказывания затруднительно, кажется, что здесь действительно присутствует некое подразумеваемое содержание, а именно: мы понимаем, что такого человека, как Шерлок Холмс не существует и никогда не существовало в реальности, что это лишь вымышленный персонаж романа Конан Дойла. Поэтому мы можем считать, что данное высказывание является частью языковой игры, или рассматривать его в рамках пресуппозиции, которую мы не считаем истинной. Произнося высказывание «Шерлок Холмс сыщик» мы тем самым подразумеваем «Если бы описанный в романе Конан Дойла персонаж действительно существовал, он был бы сыщиком». Во втором примере, напротив, речь идет о вымышленном персонаже. Мы утверждаем, что вымышленный сыщик является одним из самых известных литературных героев XX века. Данное предложение, как и любое предложение, имеет пресуппозицию, что его субъект, в данном случае вымышленный герой Шерлок Холмс, существует. Но в данном примере отсутствует подразумеваемое содержание, которое присутствовало в прошлом. Индивиды, употребляющие данное предложение о вымышленном сыщике, не станут отрицать существование вымышленного героя. Крайне сомнительно, чтобы они задумывались о нежелательных онтологических последствиях и считали ложной пресуппозицию, что такой вымышленный герой как Холмс существует. Если на вопрос «Существует ли Холмс?» многие из нас могут дать отрицательный ответ, то на вопрос «Существует ли вымышленный персонаж Холмс?» неискушенный в философии языка человек, конечно, может дать отрицательный ответ только в силу незнакомства с произведениями Конан Дойла. Получается, что говорящие считают пресуппозицию существования

вымышленного героя истинной. А если это так, то интерпретировать данное высказывание в рамках неистинной пресуппозиции ошибочно.

Получается, что прагматический подход к проблеме «пустых» имен скорее преследует цель во что бы то ни стало избежать проблематичной онтологии, а не отразить практику использования языка говорящими. Когда мы говорим о вымышленном герое Шерлоке Холмсе, безусловно, мы предполагаем существование этого героя. **Конечно, мы понимаем, что данный герой не существует как предмет окружающей нас физической реальности. Однако, говоря о нем, мы подразумеваем его существование как объекта культуры.** Если говорящие не проводят различия между употреблением этих выражений, кажется, что и философии языка и лингвистике также не следует этого делать, если они стремятся к построению наиболее полной модели естественного языка. Кажется, что построение семантики данного типа имен, которые стали считаться в философии и логике «пустыми», просто необходимо, а перенос интерпретации такого большого пласта языковых выражений в область прагматики, т.е. в область подразумеваемого, а не буквально сказанного, и отказ от их семантической интерпретации представляется ошибочным.

Однако возможно и иное видение задач семантической теории – не отражение в ней обыденного словоупотребления и интуиций говорящих, а раскрытие в данной теории подлинной логической формы предложений. Кажется, что в этом случае прагматическое объяснение употребления «пустых» оказывается возможным.

Здесь мы подошли ко второй важной проблеме, о которой пойдет речь в данной главе – роли естественного языка и обыденного словоупотребления в построении теории значения. Рассмотрение естественного языка в качестве отправной точки лингвистических исследований и исследований в области философии языка не является общепринятым подходом к исследованию языка. Целый ряд философов придерживался противоположной позиции, согласно которой грамматическая форма естественного языка дезориентирует нас, а сам естественный язык нуждается в прояснении своей подлинной структуры.

2. Естественный язык: отправная точка для лингвистических исследований или источник философских заблуждений

Как отмечается в коллективном труде голландских лингвистов и логиков «Introduction to logic»¹⁰⁶, мысль о том, что грамматическая форма языка вводит философа и ученого в заблуждение, имеет длинную историю. Уже в средние века прозвучала мысль о том, что существует некая универсальная, идеальная грамматика, в сравнении с которой естественные языки несовершенны и могут только стремиться к ней как к своему идеалу.

¹⁰⁶ Gamut L.T.F. Introduction to logic. - Chicago, 1991, p. 13-16.

Г.В.Лейбниц также полагал, что можно построить универсальный язык, который позволял бы избежать неточностей и неясностей естественного языка.

Эта же мысль нашла отражение в работах Г.Фреге. В формальном языке, построенном Фреге, грамматическая форма предложения и его логическая форма могли существенно отличаться. Философ сравнивал естественные и формальные языки с невооруженным глазом и микроскопом. Микроскоп имеет гораздо большее разрешение, соответственно, он отличается точностью и позволяет увидеть гораздо больше. Однако ему недостает простоты и разнообразия в применении. Для обретения этого многообразия необходимо использовать множество формальных языков, каждый из которых может отобразить те или иные аспекты естественного языка.

Наиболее радикально мысль о дезориентирующей грамматической форме языка была выражена в работах Рассела начала XX в. С точки зрения Рассела, логическая форма является тем, что «лежит в основе» грамматической формы предложения, а грамматическая форма, в свою очередь допускает определенные «наслоения» поверх логической. Это может привести к тому, что поверхностная форма предложения часто может вводить нас в заблуждение, обуславливая обманчивую видимость, что мы можем вывести из предложения следствия, которые являются недопустимыми. Расселовская теория дескрипций, являющаяся попыткой выявления подлинной структуры языка и очищения его от опасных «наслоений» была рассмотрена в первой главе работы.

Тезис о дезориентирующей структуре грамматики естественного языка получил дальнейшее развитие в работах логических позитивистов. В частности, Р.Карнап в своей работе «Что такое метафизика?» утверждает, что грамматическая и логическая форма предложений зачастую могут отличаться, но отсутствие внешних различий в грамматической форме не позволяет нам отличить псевдоутверждения от подлинных утверждений. Соответственно, естественный язык должен быть улучшен для того, чтобы стать пригодным для обсуждения научных проблем. Карнаповская критика естественного языка как непригодного для философского и научного обсуждения была воспринята логическими позитивистами, предпринявшими ряд попыток сконструировать искусственные языки, которые бы лучше справлялись с этой задачей. Аналогичные идеи высказывал Л.Витгенштейн в своем «Логико-философском трактате». По словам Л.Витгенштейна, задача философии является терапевтической: целью философского анализа является логическое прояснение наших мыслей, которые, будучи выраженными посредством естественного языка, зачастую оказываются слишком спутанными и неточными.

Тем не менее, терапия естественного языка, отмечают авторы «Introduction to Logic», приводит к иному пониманию и формированию нового подхода к естественному языку¹⁰⁷. Поиск дезориентирующих выражений в естественном языке дал философам возможность увидеть, что естественный язык может не только запутывать и вводить в заблуждение, но и давать полезную для философского исследования информацию. В частности, анализ того, как те или иные выражения используются в языке, может осуществляться не только в терапевтических целях, но и служить источником важных философских интуиций о сущности тех или иных понятий. Таким образом, философия языка пришла от критического анализа языка к пониманию необходимости концептуального анализа.

В частности, в статье Гильберта Райла «Систематически дезориентирующие выражения» утверждается, что философия должна пытаться отыскать те лингвистические формы, которые являются источником ошибочных философских позиций и бессмысленных теорий. Но для целей своего исследования Г.Райл, в отличие от логических позитивистов, строивших искусственные языки, обращался к анализу естественного.

П.Ф.Стросон осуществляет частичную реабилитацию естественного языка. Он не считал, что следует различать поверхностную грамматическую форму предложений и лежащую в их основе логическую форму. Напротив, философ полагал, что естественный язык не имеет какой-либо конкретной логики, и поэтому грамматические формы становятся дезориентирующими лишь в тех случаях, в которых создают видимость существования такой логики.

Еще более ярко мысль о значимости естественного языка и пользе, которую может принести его исследование для философии, выражена в работах Дж.Остина. В статье «A Plea for Excuses», Остин утверждает, что исследование обыденного языка, то есть, анализ того, что мы говорим и что под этим подразумеваем, является «одним из философских методов», который может пролить свет на решение философских проблем¹⁰⁸. Исследуя ту или иную проблему посредством этого метода, мы должны выявить, какие выражения употребляются в связи с этой проблемой, каким образом формулируются высказывания об этой проблеме и т.д. Слова и выражения, которые мы используем для того, чтобы говорить о данном предмете и то, как мы их используем, могут пролить свет на сам предмет.

¹⁰⁷ Там же, р. 20.

¹⁰⁸ Austin J.L. A plea for Excuses // Philosophical Papers. - Oxford, 1970, p. 181

Данный метод, отмечает Дж.Остин, не является универсальным. Для исследования некоторых областей лингвистический анализ такого рода не подходит, а для многих скорее может привести к ошибочным результатам. В частности, это такие области, на которые оказала значительное влияние философия. В этом случае обыденный язык оказывается «зараженным» понятиями философских теорий и языковые выражения отражают наши собственные предрассудки, сформированные этими теориями.

Однако, отмечает Остин, не стоит недооценивать значимость той информации, которую может предоставить нам естественный язык, формировавшийся на протяжении жизни многих поколений и выступавший как один из инструментов их выживания: «наш привычный набор слов включает в себе все различия, которые люди сочли нужным провести, и все связи, которые они сочли нужным отметить, на протяжении жизни многих поколений. Эти различия и связи уж точно более многочисленны и более здравы, чем те, что вы или я способны предложить, сидя в кресле и размышляя на досуге, что является нашим излюбленным методом, поскольку эти различия и связи прошли длительное испытание, в котором выжили сильнейшие и более тонкие, по крайней мере, в том, что касается обыденных и разумных практических вопросов»¹⁰⁹.

По мнению Остина, естественный язык, безусловно, может быть улучшен и дополнен, однако именно он должен выступать отправной точкой лингвистических исследований: «Разумеется, в таком случае, обыденный язык *не* обладает последним словом; в принципе он повсюду может быть дополнен, улучшен или замещен. Но помните, что естественный язык при этом обладает *первым* словом»¹¹⁰.

Как мы видим, философы обыденного языка полностью не отказались от тезиса Рассела о дезориентирующей форме языка: действительно, мы можем анализировать и улучшать естественный язык. Однако, в своих работах они показали, что сам естественный язык и обыденное словоупотребление дает нам важную информацию для философского исследования и может служить источником философских идей и концепций.

Итак, грубо говоря, можно выделить два различных подхода к пониманию естественного языка: признавая его несовершенство, пытаться выявить его подлинную логическую форму, либо воспринимать его как отправную точку для лингвистических исследований.

В концепциях философов, рассмотренных в первой и второй главе, находят отражение оба эти подхода. Так, философы рассмотренные в первой главе, элиминируют

¹⁰⁹ Там же, р. 182

¹¹⁰ Там же, р.185

значение «пустых» имен из семантики, но, с другой стороны, пытаются отразить это значение инструментами прагматики – и в этом смысле они, конечно же, исходят из практики употребления, существующей в естественном языке, поскольку пытаются дать употреблению «пустых» имен определенное объяснение. Философы, рассматриваемые во второй части работы, строят семантику «пустых» имен, но, с другой стороны, они также осуществляют и «терапевтическую» работу по отношению к естественному языку: ограничивают круг «пустых» имен во избежание введения онтологии проблемных объектов, разрабатывают специальные логические средства, чтобы избежать противоречий и т.п. Таким образом, применение только одного из этих подходов в чистом виде невозможно. Тем не менее, попробуем ответить на вопрос, какой из этих подходов в первую очередь следует применить по отношению к «пустым» именам: стоит ли пытаться устранить их из семантики и прояснять подлинную форму предложений с такими именами или же стоит строить семантическую теорию таких имен, опираясь на их употребление в естественном языке.

Прежде всего, мне хотелось бы обратить внимание на тот факт, что понятие так называемой «подлинной логической формы» предложений с «пустыми» именами нуждается в уточнении. На каком основании мы заключаем, что предложения с «пустыми» именами, например, не имеют субъектно-предикатной формы, как это делал Б. Рассел, или обозначают неполную пропозицию, как полагают многие сторонники теории прямой референции? Судя по всему, все эти представления относительно «подлинной формы» предложений с «пустыми» именами основываются на понимании имени, согласно которому оно может обозначать только нечто существующее. Если мы исходим из данной предпосылки, то, действительно, мы вынуждены считать значением предложения с «пустым» именем неполную пропозицию или вообще не признавать за такими предложениями какого бы то ни было семантического содержания. На мой взгляд, очевидно, что данная предпосылка оказывается произвольной, хотя она, действительно, позволяет решить ряд задач и получить важные результаты. При таком понимании имени появилась возможность указать на специфику имен, которые прикрепляются к объектам подобно биркам, С. Крипке развил представление об именах как о жестких десигнаторах и т.д.

Тем не менее, задача отражения интуиций и практики использования естественного языка говорящими является не менее важной задачей. Если язык и нуждается в уточнении, то это уточнение не должно затрагивать практику употребления имен. Наоборот, отражение практики использования имен, в том числе и «пустых», должно стать одной из важных задач философии языка. Мы можем по своему усмотрению сужать или расширять

круг выражений, которые будут иметь значение в нашей семантической теории, тем не менее, говорить о том, что все имена, относящиеся к несуществующему, не будут иметь семантического значения, ошибочно. В связи с этим, на мой взгляд, по отношению к «пустым» именам необходимо использовать второй подход.

Разумеется, интуиции употребления имен – это довольно шаткое основание для того, чтобы опираться на них при построении какой бы то ни было концепции. Однако, кажется, что исходные предпосылки философов-антиреалистов о том, что имя должно обозначать только нечто существующее и что нельзя оперировать несуществующими сущностями – это тоже определенные интуиции, на которые опираются эти философы.

В числе прочих оснований антиреалисткой позиции я называла эстетические. В общем и целом, они заключаются в том, что философия не может иметь дело с несуществующим, что допущение несуществующих объектов приводит к уродливому раздуванию Вселенной и т.п. Имеют ли эти соображения под собой нечто более прочное, чем интуиции этих философов? На мой взгляд, нет.

Во «Введении в математическую философию» Рассел пишет: «Мейнонг, например, утверждал, что мы можем говорить о «золотых горах», «круглых квадратах» и т.д. Мы можем образовывать истинные суждения, субъектом которых они являются; отсюда, они имеют некоторый вид логического бытия, так как в противном случае суждения, в которые они входят, были бы бессмысленны. В таких теориях, с моей точки зрения, отсутствует чувство реальности, которое должно сохраняться даже в наиболее абстрактных исследованиях. Логика, я должен повторить, должна допускать единорогов не в большей степени, чем зоология»¹¹¹.

Как мы видим, здесь озвучивается интуиция совершенно определенного рода – представление о том, какой должна быть строгая и научная теория, которому должны соответствовать и философские исследования. Руководствуясь той же самой интуицией, Куайн предлагает вычистить «Вимановы трущобы возможного», апеллируя, помимо прочего, к простоте – одному из критериев принятия, опять же, научной теории.

Таким образом, можно утверждать, что в основе построений Рассела и его последователей, принимавших тезис о том, что имена могут обозначать только существующее, лежит интуиция, что философия, как и любая другая наука, должна иметь дело с существующими вещами. В этом смысле, эти философы оказываются во власти определенной парадигмы, определенного видения науки о языке, которое не допускает того, что имена могут обозначать несуществующее. Однако никаких иных, более веских

¹¹¹ Рассел Б. Введение в математическую философию // Введение в математическую философию. – Новосибирск, 2007, с. 192.

соображений для отказа от тезиса, что имена могут обозначать несуществующие объекты, кроме этих интуиций, мы, на мой взгляд, здесь не находим.

Мне кажется, что акцентирование внимания на том, что интуиции употребления имен могут быть иными, отличными от принимаемых сегодня большинством аналитических философов, уже является важным шагом. С другой стороны, представляется, что выделенные мной интуиции имеют под собой некоторые серьезные основания. Дело в том, что отсутствие так называемых «пустых» имен подразумевается самим языком. В любом словаре можно найти определение имени существительного, согласно которому имя существительное представляет собой часть речи, обозначающую предмет и отвечающую на вопросы «кто?» и «что?». Таким образом, обозначение предмета является базовой функцией имени существительного. Имя, которое ничего не обозначает, не может возникнуть в языке. Именно ввиду того, что обозначение некоторого предмета в естественном языке предполагается, мы не проводим различия между «пустыми» и «непустыми» именами, так как с точки зрения естественного языка, такого разделения не может быть в принципе. Имя всегда указывает, именуется нечто в силу того, что является именем естественного языка.

Конечно, при решении проблемы «пустых» имен мы можем исходить из предпосылки необходимости построения строгой и научной модели языка, как это делал Бертран Рассел. В таком случае мы можем признавать, что у таких имен отсутствуют референты, переносить значение таких имен в прагматику и т.п. Однако, используя такой подход, стоит помнить, что такая модель всегда будет лишь нечетким отражением, определенного рода карикатурой на естественный язык.

В том случае, если мы хотим отразить обыденное словоупотребление и особенности естественного языка, о которых шла речь выше, то, конечно, единственно возможным взглядом является реализм в отношении «пустых» имен. Мы должны признать необходимость построения семантики «пустых» имен, посредством которой эти имена, наконец, станут непустыми и обретут свое место в семантической модели естественного языка.

Вернемся к вопросу об идеальной и строго научной семантической теории и остановимся на нем подробнее. Как уже неоднократно упоминалось, большинство аналитических философов принимают тезис, что имена должны обозначать нечто существующее. Данный тезис выступает своеобразным гарантом строгости, осмысленности и научности теории значения.

Вне всякого сомнения, все философы-аналитики согласятся с тем, что физические объекты являются существующими, поэтому те имена, которые обозначают такие

объекты, являются подлинными именами. Многие философы считают, что только такие имена (физических объектов) и являются подлинными. Например, сторонники прямой референции пытаются ограничить круг подлинных имен именами, обозначающими конкретные физические объекты. Только эти имена оказываются подлинными, полагают они, поскольку не несут информации об обозначаемых ими объектах, прикрепляясь к последним как бирки. Возможность осуществления прямой референции с точки зрения таких философов – ключевая особенность подлинных имен, отличающих их от других выражений языка.

Но действительно ли усилия по исключению «пустых» имен из семантической теории ненапрасны и семантика имен, обозначающих физические объекты, обладает искомой точностью, простотой и ясностью? Действительно ли можно противопоставить строгую и ясную семантику имен, обозначающих физические объекты, смутной и проблемной семантике «пустых» имен?

3. «Пустые» термины как подлинные имена»

Для того, чтобы понять, действительно ли семантика имен физических объектов оказывается ясной и точной, стоит вернуться к вопросу об исходных предпосылках, на которые опираются современные теории значения, а также рассмотреть, каким пониманием подлинных собственных имен они руководствуются. Рассмотрение и анализ этих предпосылок поможет увидеть, действительно ли процедура обозначения физических объектов настолько проста, как это представляется в рамках данных теорий значения или же эта простота является следствием конвенций, принимаемых на веру точно также, как и необходимость существования референта подлинного имени.

Основные принципы теории именования, принимаемые в философии до сих пор, были сформулированы Р.Карнапом в его работе «Значение и необходимость». Согласно Карнапу, подлинное имя собственное должно удовлетворять следующим принципам: 1) однозначности; 2) предметности; 3) взаимозаменяемости. Соответственно, каждое имя именуется только один объект, предложение говорит о референтах входящих в него имен и, если два выражения обозначают один объект, то их можно заменять друг на друга, сохраняя истинностное значение содержащих их предложений. Если некоторое выражение не удовлетворяет какому-то из этих принципов, оно не является подлинным именем.

Отечественный философ А.Л.Никифоров обращает внимание на ряд неявных предпосылок, которые лежат в основе современных теорий значения, которыми подкреплены данные принципы теории именования: «Во-первых, предполагается, что существует (или постулируется) некая предметная область, объекты которой

обозначаются (именуются) выражениями языка. Предметы нашей предметной области существуют до того, как им дали имя, по ним «пробегают» переменные, о них говорят кванторы. <...> Во-вторых, объекты нашей предметной области считаются неизменными и одинаковыми для всех, кто пользуется языком: если кто-то когда-то говорил о числе 9 и если я сейчас говорю о числе 9, то мы говорим об одном и том же объекте. В-третьих, предполагается, что каждому известно, какой объект обозначается тем или иным выражением, и он всегда способен выделить этот объект из множества других объектов предметной области»¹¹².

В своей статье А.Л. Никифоров подвергает сомнению явные и неявные исходные предпосылки современных теорий значения и пытается посмотреть свежим взглядом на то, действительно ли мы используем имена таким образом, как описано выше. Анализируя то, как мы используем собственные имена, Никифоров получает очень интересные результаты.

Во-первых, с его точки зрения, употребляя одно и то же имя в разные моменты времени, мы будем обозначать им разные предметы. То есть, имя собственное будет обозначать множество объектов в различные моменты времени t . Во-вторых, каждый субъект также будет обозначать именем собственным уникальный объект, отличный от объекта, о котором будет говорить другой человек, употребляя то же самое имя. Таким образом, утверждает, Никифоров, имена собственные будут обозначать не единичные объекты, а множества объектов, проиндексированных по времени и субъекту. Что касается природы этих объектов, то они являются абстрактными объектами, которые задаются теми единицами смысла, которые каждый субъект связывает с предметом в тот или иной момент времени. Получается, что в соответствии с рассуждениями Никифорова, связывая с объектами тот или иной смысл, мы сами задаем, формируем предметы, обозначаемые именами, а имена собственные, взятые сами по себе, без индексации по субъекту и времени употребления, обозначают множества объектов. Таким образом, в концепции Никифорова собственные имена, обозначающие физические объекты, утрачивают свою специфику подлинных имен, нарушая принцип однозначности.

Как мы видим, точка зрения А.Л.Никифорова опирается на то, как мы используем естественный язык и что именно мы обозначаем нашими именами. Если в современных теориях значения наличие единственного референта и предметной области, предшествующей именованию, представляется как данность, то здесь эти предпосылки подвергнуты сомнению на основании размышлений философа о том, как собственные

¹¹² Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имен собственных // Эпистемология и философия науки. – 2012. - № 2, с. 50 -58.

имена используются различными субъектами и о чем эти именами говорят в тот или иной момент времени. Если следовать этой картине использования языка, отказавшись от принимаемых на веру аксиом теории значения, мы получим, что семантика имен, обозначающих физические объекты, оказывается вовсе не такой строгой и научной, как традиционно считалось в философии. Помимо нарушения принципа однозначности оказывается, что имена собственные, традиционно считавшиеся подлинными, обозначают абстрактные объекты.

В своей диссертационной работе я не буду отстаивать тезис о том, что имена физических предметов обозначают классы объектов. В моем исследовании речь идет о «пустых» именах, поэтому проблема референции имен другого типа выходит за рамки моей работы. Однако я хочу подчеркнуть, что ответ на вопрос о том, что именно обозначают имена физических объектов, не является таким очевидным. Мы можем придерживаться различных точек зрения на этот счет. Можно считать, что такие имена обозначают один конкретный или абстрактный объект, можно, как А.Л.Никифоров, обосновывать мысль о том, что такие имена обозначают классы объектов и т.п.

Решение вопроса о референции так называемых «пустых» имен на фоне этой неясности представляется отнюдь не более сложным, чем решение проблемы референции имен физических объектов. В том же случае, если мы принимаем вывод о том, что субъект самостоятельно конструирует предмет в соответствии со смыслом, который он связывает с именем этого предмета, мы будем вынуждены признать, что решение проблемы референции «пустых» имен оказывается даже более простым и так называемые «пустые» имена в гораздо большей мере соответствуют принципам теории отношения именованности (предметности, однозначности, взаимозаменяемости), чем имена физических предметов.

В первую очередь, рассмотрим некоторые «пустые» имена, в частности, «Геракл», «Шерлок Холмс», то есть имена единичных вымышленных объектов. Все их характеристики заданы в соответствующих художественных текстах, они не могут дополняться, изменяться во времени и т.п. Едва ли у читателей, хорошо знакомых с текстом, может быть кардинально отличное представление о Геракле и Шерлоке Холмсе. Скорее всего, этими именами мы все-таки будем обозначать один и тот же абстрактный объект. Но даже если предположить, что здесь все-таки будут присутствовать определенные субъективные различия в восприятии текстов и одни и те же вымышленные факты о Холмсе будут истолковываться различными индивидами по-разному, есть имена, смысл которых настолько однозначен и узок, что не допускает различий в толковании, а следовательно, и умножения количества объектов, обозначаемых этими именами.

Возьмем, к примеру, такие имена как «планета Вулкан» и «этот круглый квадрат». Характеристики планеты Вулкан были четко прописаны в научных трудах математика У.Леверье и не допускают субъективной оценки и различных толкований. Следовательно, каждый, употребляющий имя «Вулкан», будет обозначать им один и тот же абстрактный объект.

Наличие одного-единственного референта у имени становится еще более очевидным в том случае, когда все смысловые характеристики, детерминирующие объект, уже содержатся в имени данного объекта. В таком случае мы не можем ошибиться в их приписывании, и внесение некоего субъективного элемента в процесс формирования объекта также исключено. Объект, обозначаемый именем «этот круглый квадрат», не обладает никакими другими характеристиками, кроме тех, которые уже содержатся в самом этом имени. Следовательно, данное имя будет обозначать один-единственный абстрактный объект.

Таким образом, мы приходим к выводу, кажущемуся на первый взгляд парадоксальным - что имена, традиционно считавшиеся наиболее проблемными для логической семантики, а обладание ими статусом имен – сомнительным, становятся как раз подлинными собственными именами, единственным типом имен, которые обозначают единственный объект, а не множество объектов.

Такого рода рассуждение позволяет продемонстрировать специфику «пустых» имен, смысл которых четко фиксируется в конкретном контексте, не подлежит изменению во времени и различным толкованиям со стороны субъектов. Если мы допускаем, что референтами таких имен являются абстрактные объекты, то такие имена, действительно, в большей мере соответствуют принципам теории отношения именования.

Безусловно, полное соответствие принципам теории именования – это недостижимый идеал даже для тех имен, которые заданы контекстом. Многие из этих имен, например, могут нарушать принцип взаимозаменяемости, кроме того, могут существовать определенные контексты, которые сложно интерпретировать однозначно и т.п.

Можно сказать, что предпосылки современных теорий значения были унаследованы от философов, которые занимались построением, в первую очередь, формальных языков науки и лишь затем – пытались распространить эти результаты и на естественный язык. На то, что философы, увлеченные формальными системами, переносили результаты таких исследований в область естественного языка, где многие формальные законы оказывались неадекватными, указывает П.Ф.Строссон,

рассматривающий в этой связи языковые исследования Лейбница и Рассела¹¹³. В ряду этих мыслителей можно упомянуть и Фреге, исследовавшего язык математики.

Между тем, ввиду того, что предпосылки современных теорий значения отталкиваются именно от формальных языков науки, «пустые» имена, содержание которых задано контекстом, оказываются в большей мере соответствующими требованиям этих теорий. Некоторые философы, в частности, Т.Парсонс рассматривают объекты науки как частный случай вымышленных объектов: имена этих объектов фигурируют в научных теориях, где задается их содержание и допускаются соответствующие им объекты.

Таким образом, можно утверждать, что семантика имен физических предметов не обладает в сравнении с семантикой «пустых» имен той степенью точности и ясности, которая ей традиционно приписывалась. С определенной позиции, семантика «пустых» имен оказывается гораздо более простой и ясной, нежели чем семантическая интерпретация имен физических предметов.

¹¹³ Strawson P.F. On referring // Mind. – 1950. - № 235, Vol. 59. - P. 337.

Заключение

Рассмотрим основные выводы диссертационного исследования, их следствия и проблемы, нуждающиеся в дальнейшем исследовании в связи с выдвигаемой концепцией использования «пустых» имен.

В диссертации были рассмотрены различные интерпретации использования «пустых» имен, существующие в современной аналитической философии.

Антиреалистские стратегии, согласно которым «пустые» имена не имеют семантического содержания, представляются не вполне удовлетворительными. Данные подходы были разделены на две группы на основании использования семантических и прагматических средств для объяснения употребления «пустых» имен. К подходам, использующим семантические средства, были отнесены такие стратегии как замена предложений с «пустыми» именами и введение контекста.

Стратегия замены упускает смысл исходного высказывания и не позволяет оценивать предложения с «пустыми» именами как истинные. Вторая стратегия, использующая контекстуальную семантику для интерпретации высказываний с «пустыми» именами, стратегия перефразирования, сталкивается с трудностями при интерпретации предложений, выходящих за контекст вымышленного дискурса.

К прагматическим подходам были отнесены стратегии, использующие пресуппозиции, импликатуры и понятие языковой игры читателя и автора вымышленного произведения. Концепция пресуппозиций и языковой игры читателя и автора, на мой взгляд, сталкивается с трудностями при интерпретации «внешних» высказываний по отношению к дискурсу о вымысле, таких как «Шерлок Холмс – вымышленный герой» в связи с тем, что не отражает то, как мы используем такие «пустые» имена в естественном языке. Использование импликатур, как конвенциональных, так и импликатур дискурса также сталкивается с проблемами при интерпретации отрицательных экзистенциальных высказываний.

Таким образом, кажется, что попытка объяснить употребление имен при помощи прагматических аспектов языка также оказывается не вполне удачной. Помимо этого, еще одним аргументом против прагматической интерпретации «пустых» имен служит обоснованная в диссертации мысль о том, что согласно нашим интуициям употребления имен, так называемые «пустые» имена имеют референт, поэтому перенос их значения в прагматику дает нам искаженную модель использования естественного языка. Последний аргумент является самым важным аргументом против применения прагматики для интерпретации употребления «пустых» имен.

Как было показано в работе, в современной аналитической философии существуют различные реалистские интерпретации «пустых» имен. Интерпретацию «пустых» имен при помощи семантики возможных миров, по моему мнению, нельзя назвать удачной: в рамках данной интерпретации имена обозначают классы объектов, существующие объекты населяют несуществующие миры, материальные возможные миры не состоят в пространственных отношениях к нашему миру. Подходы Т.Парсонса и Э.Залты имеют два преимущества перед теориями, опирающимися на семантику возможных миров: в концепциях этих философов имена обозначают не классы, а единичные объекты, референты этих имен понимаются как несуществующие в нашем мире объекты, что, на мой взгляд, лучше отражает наше интуитивное понимание статуса такого рода объектов как объектов нашей культурной реальности, не существующих физически. Теория Э.Залты, с точки зрения которого «пустые» имена обозначают абстрактные объекты, является наиболее удачной реалистской интерпретацией из рассмотренных в диссертации. Э.Залте удалось успешно решить проблему свойств несуществующих объектов, выделив два способа предикации, что позволило философу считать несуществующие объекты кодирующими противоречивые свойства и свойства, имеющие экзистенциальные следствия. Однако в сущности, абстрактные объекты Э.Залты являются такими же несуществующими объектами, как и в теории Т.Парсонса. Залта вводит предикат существования, которым обладают лишь физические предметы и не объясняет, каким образом существуют совокупности свойств, с которыми он отождествляет абстрактные объекты. Следовательно, можно утверждать, что ни одна из реалистских трактовок не решает проблему онтологического статуса физически несуществующих объектов.

В третьей главе рассматриваемые в работе концепции были помещены в более широкий контекст исследований по философии языка. Были затронуты такие общие вопросы как возможность построения семантики «пустых» имен, роль обыденного словоупотребления при построении семантической теории и другие.

На мой взгляд, можно выделить по крайней мере три особенности употребления «пустых» имен в обыденном языке: при употреблении мы не различаем «пустые» и «непустые» имена, предложения с этими именами имеют значение и, кроме того, мы принимаем существование по крайней мере некоторых объектов, являющихся референтами «пустых» имен. Если мы ставим перед собой задачу построить модель использования «пустых» имен, отражающую практику их употребления в языке, то прагматического объяснения оказывается недостаточно для реализации данной задачи.

Единственной точкой зрения, позволяющей дать верную интерпретацию обыденному словоупотреблению и интуициям говорящих, является, на мой взгляд,

реализм, поскольку только такая точка зрения позволяет отразить тот факт, что говорящие принимают пресуппозицию существования референтов по крайней мере некоторых «пустых» имен, не различают употребление пустых и непустых имен и т.п.

На мой взгляд, данные интуиции говорящих подтверждаются тем, что в естественном языке предполагается, что «пустых» имен не может быть в принципе. Каждое имя нечто обозначает, в противном случае, не существовало бы соответствующего выражения. Обозначение предмета является основной функцией имени в естественном языке.

С другой стороны, было показано, что философы-антиреалисты, полагающие, что «пустые» имена не имеют референтов, в своих теоретических изысканиях также опираются на интуиции определенного рода, заключающиеся в том, что научная теория не может оперировать несуществующими сущностями. Однако никаких иных, более веских соображений для отказа от тезиса, что имена могут обозначать несуществующие объекты, кроме этих интуиций, мы, на мой взгляд, у антиреалистов не находим.

Помимо этого, было показано, что так называемые «пустые» имена в большей степени, чем «непустые» соответствуют принципам теории отношения именования, поскольку их смысл четко зафиксирован в соответствующих контекстах, не может меняться со временем и разброс при интерпретации этого смысла говорящими оказывается минимальным.

Таким образом, построение семантики «пустых» имен оказывается необходимым для отражения практики обыденного употребления этих имен. Кроме того, такие имена, с определенной позиции, имеют больше оснований считаться подлинными именами, в отличие от имен физических предметов.

Целью диссертационного исследования являлся анализ существующих интерпретаций «пустых» имен на предмет того, насколько они отображают практику использования таких имен в естественном языке. Данная цель, на мой взгляд, реализована: показано, с какими проблемами сталкиваются существующие интерпретации «пустых» имен и что только реалистские стратегии являются адекватными практике использования «пустых» имен в естественном языке.

Однако подробного освещения в диссертации не получили некоторые интересные проблемы, связанные с употреблением «пустых» имен, рассмотрение которых не входило в задачи работы.

В частности, наиболее интересный вопрос, возникающий в связи с проведенным исследованием, заключается в том, все ли имена являются непустыми или все-таки есть какие-то языковые выражения, которые ничего не обозначают? Действительно, в том

случае, когда смысл имени задан контекстом вымышленного произведения или научной теории, это имя имеет устойчивое употребление, мы можем с уверенностью говорить о том, что данное имя обозначает некоторый абстрактный артефакт.

А как быть с такими именами, смысл которых не задан контекстом? Например, рассмотрим предложение «Нынешний король Франции лыс». Имя «Нынешний король Франции» употребляется в данном случае вне соответствующего контекста, оно даже не употребляется с интенцией задания какого-то контекста или обозначения какого бы то ни было предмета. Данное имя приводится Берtrandом Расселом как пример выражения, которое ничего не обозначает.

При интерпретации предложений с вымышленными именами в рамках вымышленного произведения возникает аналогичная проблема: можем ли мы считать такое употребление имен действительным употреблением или все-таки такое употребление имен является мнимым употреблением? Что именно обозначает имя, употребляемое в рамках повествования? Если оно обозначает абстрактный артефакт, то каким образом мы можем приписывать этому абстрактному объекту конкретные свойства?

По всей видимости, мы все-таки должны допустить, что существуют ситуации ошибочного или мнимого словоупотребления или такие ситуации употребления имен, когда они оказываются «пустыми». Но эта проблема, вне всякого сомнения, требует подробного рассмотрения и анализа.

Кроме того, остается проблема, не решенная ни одной из рассмотренных реалистских интерпретаций референции «пустых» имен: проблема онтологического статуса абстрактных артефактов, обозначаемых такими именами. Каким образом существуют такие артефакты, есть ли различия в существовании различного рода артефактов и каковы они?

Эти вопросы, безусловно, выходят за границы семантической теории и могут быть решены только посредством построения онтологии абстрактных или несуществующих объектов. Эта задача является отдельной серьезной философской задачей.

Вышеперечисленные проблемы и вопросы представляют собой поле для дальнейшей работы над семантической теорией собственных имен и онтологией абстрактных объектов.

Библиография

Список использованных работ на русском языке

- Анисов А. М. Типы существования // «Вопросы философии». -2001. - №7. – С. 100 -112.
- Арутюнова Н.Д. Лингвистические проблемы референции. – Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). - М, 1982. –С. 5 – 40.
- Баженов Л.Б. Стрoение и функции естественнонаучной теории. - М., 1978.
- Бессонов А.В. Теория объектов в логике. – Новосибирск, 1987.
- Брентано Ф. Избранные работы. - М.: ДИК, 1996.
- Васюков В.Л. Формальная феноменология. – М, 1999.
- Веретенников А.А. Философия Д.Льюиса: сознание и возможные миры. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. - М.: ИФ РАН, 2007.
- Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы, часть I. - М.: Гнозис, 1994, с. 5-73
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы, часть I. - М.: Гнозис, 1994, с. 75-319
- Войшвилло Е.К. Понятие. - М., 1967.
- Вострикова Е.В. Имена собственные и независимость семантики от онтологии // Эпистемология и философия науки. – 2012. - № 2. – С. 78-82.
- Герасимова И.А. Формальная грамматика и интенциональная логика, - М, 2000.
- Гладких Ю.Г. Логика без экзистенциальных предпосылок. – М, 2006.
- Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. - М.: Высшая школа, 2006.
- Карнап Р. Значение и необходимость. - М.: ЛКИ, 2007.
- Карпович В.Н. Термины в структуре теории. - Новосибирск, 1978.
- Касавин И.Т. Абстракция именованного: нет, индивидуальных объектов не существует! // Эпистемология & Философия науки. – 2012. - №2. С. 59-63.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2008.
- Куайн У. Слово и объект. – М.: Логос, Праксис, 2000.
- Кузнецов В.Г. Фрегевская интерпретация понятия «существование». – Вестник МГУ. Сер. Философия. – 1984. - № 6. – С. 77.
- Куслий П.С. Формальная семантика и онтология // Эпистемология и философия науки. – 2012. - № 3. - С. 62-67.
- Ладов В.А. Онтологическая проблематика в аналитической философии // Эпистемология и философия науки. – 2012. - № 1. - С. 84-97.
- Ладов В.А. Формальный реализм // Логос. - №2, Т.70. С. 11-23.
- Ледников Е.Е. Онтологическая проблематика в свете аналитической философии // Логос. – 2009. - № 2. С. 37-43.
- Ледников Е.Е. Собственные имена и концепция существования // Эпистемология & Философия науки. – 2012. - №2, С. 69 – 72.
- Логика, онтология, язык. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006.
- Майнонг А. Самоизложение. – М.: ДИК, 2003.
- Макеева Л.Б. Научный реализм, истина и недоопределенность теорий эмпирическими данными // Логос. - 2009б. - № 2. - С. 24- 36.
- Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. - М.: ВШЭ, 2011.
- Макеева Л.Б. Язык и реальность // Логос. – 2006. - № 6. Т.57. – С. 3-20.
- Мамчур Е.А. Проблема соизмеримости теорий. – Физическая теория. Философско-методологический анализ. М., 1981.
- Молчанов Ю.Б. Проблема времени в современной науке. М., 1990.
- Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. – СПб.: изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.

Никифоров А.Л. Онтологический статус референтов имен собственных // Эпистемология и философия науки. – 2012. - № 2.

Павиленис Р.И. Проблема смысла. – М., 1983.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. - М.: Наука, 1985.

Печенкин А.А. Обоснование научной теории: классика и современность. - М., 1991.

Рассел Б. Философия логического атомизма. – Томск: Водолей, 1999.

Рузавин Г.И. О природе математического знания. М., 1968.

Смирнов В.А. Формальный вывод и логические исчисления. – М, 1972.

Смирнов В.А. Логические методы анализа научного знания. М., 1987.

Смирнова Е.Д. Логическая семантика и философские основания логики. М., 1986.

Смирнова Е.Д., Таванец П.В. Семантика в логике. – Логическая семантика и модальная логика. – М. -1967. - С. 3 – 53.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. - М., 1985.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

Степин В.С. Теоретическое знание. - М., 2000.

Философия языка. // Ред. Дж.Серл. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000.

Целищев В.В. Логика существования. – М, 2010.

Целищев В.В. Существование и пустые термины. – Вопросы философии. – 1970. - № 12.

Швырев В.С. Теоретическое и эмпирическое в научном познании. - М., 1978.

Штофф В.А. Проблемы методологии научного познания. - М., 1978.

Язык, знание, реальность. М.: Альфа-М, 2011.

Список использованных работ на английском языке

Abbott, B., «Presuppositions as nonassertions», *Journal of Pragmatics*, 32(10), p. 1419–1437, 2000.

Abbott B., «Reference», Oxford University Press, 2010

Adams, F., Fuller G. and Stecker R., 1997, «The Semantics of Fictional Names», *Pacific Philosophical Quarterly* 78, p. 128-48.

Adams, F. and Stecker R., 1994, «Vacuous Singular Terms», *Mind and Language* 9, p. 387-401.

Austin J.L., «A plea for Exuses», в «*Philosophical Papers*», Oxford University Press, 1970.

Azzouni J., «Talking about Nothing: Numbers, Hallucinations, and Fictions», New York: Oxford University Press, 2010.

Beaver D.I, Geurts B., «Presupposition», <http://plato.stanford.edu/entries/presupposition/>.

Braun D. “Empty names”, *Nous*, vol. 27, № 4, 1993, p. 449-469.

Braun D. «Empty names, fictional names, mythical names», *Nous*, vol. 39, 2005, p. 596 -631.

Castañeda, H.-N., «Fiction and Reality: Their Fundamental Connections. An Essay on the Ontology of Total Experience», *Poetics*, 8, 1979, стр. 31–62.

Chierchia G., S.McConnell-Ginet, «*Meaning and Grammar: An Introduction to Semantics*», MIT Press, 1990.

Chisholm R.M., «Homeless objects», *Revue Internationale de Philosophie* 27, 1973, p.207-223.

Chomsky N., «Knowledge of language», New York: Praeger, 1986.

Davidson D., «Semantics of natural language», D.Reidel Publishing Company, Holland – USA, 1972.

Devitt M., «Singular terms», *The Journal of Philosophy*, Vol. 71, No. 7, 1974), p. 183-205.

Donnellan Keith S., «Speaking of Nothing», *Philosophical Review* 83,1, p. 3-31.

Everett A., «Against Fictional Realism», *Journal of Philosophy*, 102, 2005, p. 624–649.

Everett A., «Pretense, Existence, and Fictional Objects», *Philosophy and Phenomenological Research*, 74, 2007, p. 56–80.

Evans G., «The Varieties of Reference», Oxford: Clarendon Press, 1982.

Fine, K., «The Problem of Non-Existence: 1. Internalism» *Topoi* 1, 1982, p. 97–140.

- Gamut L.T.F., «Introduction to logic», The University of Chicago Press, 1991.
- Green M.S. “Direct Reference and Empty names”, *Canadian Journal of Philosophy*, Vol 37, № 3, 2007, p. 419 – 448.
- Volume 37, Number 3, September 2007, pp. 419-448.
- Goodman N., «Fact, Fiction and Forecast», Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 4th edn., 1983.
- Grice H.P., «Logic and conversation», in «Syntax and Semantics», Vol.3, «Speech Acts», , New York, Academic Press, 1975.
- Grice, H. P. «Studies in the Way of Words», Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1989.
- Grossmann R., «Meinong’s doctrine of the «Aussersein» of the pure object», *Nous* 8, 1974.
- Heim I, Kratzer A. «Semantics in Generative Grammar», Blackwell Publishers, Malden, 2000.
- Hintikka J., 1984, «Are There Nonexistent Objects? Why Not? But Where Are They?», *Synthese*, 60: 451–458.
- Jacquette D., *Meinongian Logic. The Semantics of Existence and Nonexistence (Perspectives in Analytical Philosophy 11)*, Berlin–New York: de Gruyter, 1996.
- Katz J.J., «Names without bearers», *The Philosophical Review*, Vol. 103, No. 1. 1994, p. 1-39
- Kripke S. «Naming and Necessity», Harvard University Press, 1980.
- Kripke, S. (unpublished), «The John Locke Lectures for 1973».
- Kroon F.W., «Was Meinong Only Pretending?», *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol. 52, No. 3., 1992.
- Küng G., «The intentional and real object», *Dialectica*, 38, Vol 2-3, 1984, p.143-156.
- Lambert K., «Meinong and the Principle of Independence. Its Place in Meinong's Theory of Objects and Its Significance in Contemporary Philosophical Logic», Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Lewis, David «Counterpart Theory and Quantified Modal Logic», *Journal of Philosophy*, 65, 1968, p. 113–26.
- Lewis D., «On the plurality of worlds», Oxford, 1986.
- Lewis D., “Truth in Fiction.” *American Philosophical Quarterly*, 1978, 15, p. 37-46
- Mally E., «Gegenstandstheoretische Grundlagen der Logik und Logistik», (*Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik* 148), Leipzig: Barth, 1912.
- Meinong A., «On the theory of objects», in «Realism and the Background of Phenomenology», Glencoe, III Free Press, 1960, p. 76–117.
- Meinong A., “Über die Stellung der Gegenstandstheorie im System der Wissenschaften,” in Rudolf Haller and Rudolf Kindinger (eds.), *Alexius Meinong Gesamtausgabe V*, Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1973, 197–365.
- Meinong A., «Ueber Annahmen», 2nd ed., Leipzig, 1910.
- Mill, J. S., «System of Logic», 3rd edn. London: Parker, 1843.
- Nolan D., 2008, “Properties and Paradox in Graham Priest's Towards Non-Being,” *Philosophy and Phenomenological Research*, 76 (1): 191–198.
- Parsons T., 1982, «Are There Nonexistent Objects?» *American Philosophical Quarterly*, 19, p. 365–371.
- Parsons T., «Nonexistent Objects», New Haven: Yale University Press, 1980.
- Portner P.H., «What is meaning? Fundamentals of formal semantics», Blackwell Publishing, 2005.
- Priest G., «Towards non-being: the logic and metaphysics of intentionality», Oxford University Press, 2005.
- Prior, A., «Objects of Thought», Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Proudfoot D., «Possible Worlds Semantics and Fiction», *Journal of Philosophical Logic*, 2005, 35, p. 9–40.
- Putnam H., «Meaning and Reference», *The Journal of Philosophy*, Vol. 70, No. 19, 1973, p. 699-711.

- Quine W.V., «Designation and existence», *The journal of philosophy*, Vol. XXXVI, № 26, 1939, p.701 – 709.
- Reicher M., «Nonexistent Objects», <http://plato.stanford.edu/entries/nonexistent-objects/>
- Reimer, M. 2001, “The Problem of Empty Names”, *Australasian Journal of Philosophy* 79:4, pp. 491-506.
- Routley R. «Exploring Meinong’s jungle and beyond: an investigation of noneism and the theory of items», Australian national university, 1980.
- Routley R. and Routley V. “Rehabilitating Meinong’s theory of objects”, *Revue internationale de Philosophie*, 27, 1973, p. 224-254.
- Russel B., «On denoting», *Mind*, New Series, Vol.14, № 56.
- Ryle G. “Intentionality theory and the nature of thinking”, *Revue internationale de Philosophie*, 27, 1973, p. 255 -264.
- Sainsbury R.M., «Fiction and fictionalism», Routledge 2010.
- Sainsbury R. M., «Reference without Referents», Oxford: Clarendon Press, 2005.
- Salmon N. «Nonexistence», *Noûs*, Vol. 32, No. 3. (Sep., 1998), p. 277-319.
- Salmon N., «Mythical objects» in *Metaphysics, Mathematics and Meaning*, Oxford University Press, 2005, p.91-107.
- Schiffer S., «Language-Created Language-Independent Entities», 1996,*Philosophical Topics* 24 (1), p. 149–67.
- Searle J., «The Logical Status of Fictional Discourse», 1975, *New Literary History* 6 (2), p. 319–32.
- Searle J., «Speech acts», New York: Cambridge, 1969.
- Sellars, W., «Presupposing», *Philosophical Review*, 63, p. 197–215, 1954.
- Soames S., «Beyond Rigidity», Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Stalnaker, R., «Presuppositions», *Journal of Philosophical Logic* 2 (4), 1973, p. 447–56.
- Strawson P.F., «On Referring», *Mind*, New Series, Vol. 59, No. 235. 1950, p. 320-344.
- Stroll A., «Proper Names, Names, and Fictive Objects», *The Journal of Philosophy*, Vol. 95, No. 10. (Oct., 1998), pp. 522-534.
- Suter R., «Russell’s «refutation» of Meinong in «On denoting», *Philosophy and Phenomenological Research* 27, 1967, p.512-516.
- Thomasson, A. L. «Fiction and Metaphysics», Cambridge: Cambridge University Press, 1999
- Thomasson, A. L., «Speaking of Fictional Characters», *Dialectica*, 57(2), p.207–226.
- van Inwagen P., «Creatures of Fiction», *American Philosophical Quarterly*, 14, 4, 1977, p.299-308.
- van Inwagen P., «Existence, Ontological Commitment and Fictional Entities», In *The Oxford Handbook of Metaphysics*, ed. Michael J. Loux and Dean W. Zimmerman. Oxford: Oxford University Press, 2003, p. 131–57.
- Walton, K. L., «Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of the Representational Arts», Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990.
- Wyatt N., «The pragmatics of empty names», *Dialogue*, XLVI, 2007, p. 663-681.
- Yagisawa T., «Possible objects», www.plato.stanford.edu/entries/possible-objects/.
- Zalta E., «The Theory of Abstract Objects», <http://mally.stanford.edu/theory.html>.
- Zalta E., «Principia Metaphysica» (Draft), Center for the Study of Language and Information, Stanford University, February 1999.
- Zalta, E. N., «Intensional Logic and the Metaphysics of Intentionality», Cambridge: Mass.: The MIT Press, 1988.
- Zalta E., «Referring to Fictional Characters», *Dialectica*, 57/2 2003, p. 243-254.